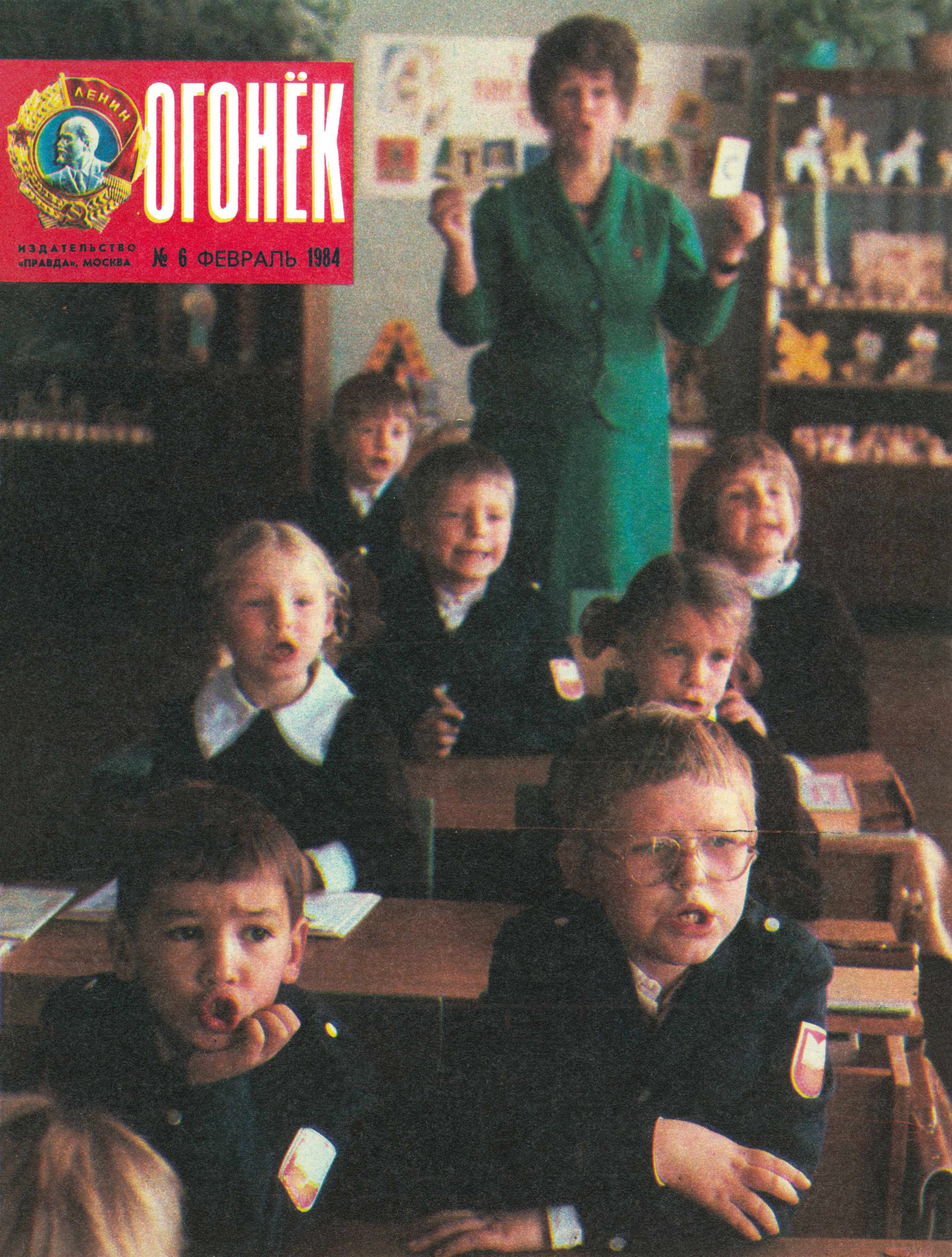

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1984

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2951)

4 ФЕВРАЛЯ 1984

УСКОРЯЯ ШАГИ ПЯТИЛЕТКИ

Сообщает ЦСУ СССР

В 1983 году достигнут дальнейший подъем народного хозяйства СССР, улучшились качественные показатели, ускорились темпы экономического роста. Продолжалось повышение благосостояния советских людей.

Национальный доход увеличился на 14,5 миллиарда рублей и составил более 530 миллиардов рублей (в фактических ценах). Три четверти его использовано на потребление, а с учетом затрат на жилищное и социально-культурное строительство непосредственно на народное благосостояние направлено четыре пятых национального дохода.

Продукция промышленности возросла по сравнению с 1982 годом на 29 миллиардов рублей и превысила 752 миллиарда рублей (в оптовых ценах предприятий на 1 января 1982 года).

Продукция сельского хозяйства в 1983 году составила почти 134 миллиарда рублей, а годовой прирост — 6,4 миллиарда рублей.

Государственные закупки молока, скота и птицы (в живом весе) возросли по сравнению с 1982 годом на 9 процентов, яиц и шерсти — на 4 процента. План закупок продуктов животноводства перевыполнен.

Как и в предыдущие годы, была обеспечена полная занятость трудоспособного населения.

Повысилась эффективность производства. За счет роста производительности общественного труда получена экономия труда 3,5 миллиона человек; сэкономлено сырья, материалов, топлива, энергии и других предметов труда примерно на 2 миллиарда рублей.

В 1983 году продолжалось осуществление мероприятий по социальному развитию и повышению народного благосостояния.

Население получило из общественных фондов потребления выплат и льгот на сумму 134,5 миллиарда рублей, или на 5,9 миллиарда рублей больше, чем в 1982 году. С учетом этих выплат и льгот заработная плата рабочих и служащих увеличилась с 247 рублей до 254 рублей в месяц.

Численность населения Советского Союза на 1 января 1984 года составила 273,8 миллиона человек.

На снимках: трубы для магистрального газопровода (вверху). В новом корпусе Таджикского алюминиевого завода (внизу).

Фото Г. Копосова и С. Жукова (ТАСС)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ОКРУЖНЫМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ КОМИССИЯМ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Дорогие товарищи!

Нами, членами Центрального Комитета КПСС, получены от коллективов предприятий, организаций, учреждений, колхозов и совхозов, учебных заведений и воинских частей, а также от участников окружных предвыборных совещаний письма и телеграммы, в которых они сообщают о выдвижении каждого из нас кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва по ряду избирательных округов и просят дать свое согласие баллотироваться по этим округам.

Выражаем глубокую признательность и сердечную благодарность трудовым коллективам, рабочим, колхозникам, инженерно-техническим работникам, служащим, деятелям науки и культуры, воинам армии и флота, коммунистам и беспартийным, всем избирателям, выдвинувшим нас кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР. Эту высокую честь и оказанное нам большое доверие мы целиком относим на счет ленинской Коммунистической партии, которая превыше всего ставит интересы народа, заботу о сохранении и упрочении мира. Доверие и единодушие избирателей мы рассматриваем как свидетельство монолитной сплоченности нашего общества, полной поддержки советскими людьми внутренней и внешней политики партии, их решимости самоотверженным трудом крепить экономическое и оборонное могущество Родины, претворить в жизнь решения XXVI съезда КПСС, ноябрьского (1982 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС, успешно выполнить планы 1984 года и пятилетки в целом.

Поскольку каждый из нас в соответствии с Законом о выборах в Верховный Совет СССР может баллотироваться только в одном избирательном округе, Центральный Комитет КПСС рекомендовал нам дать согласие баллотироваться в следующих избирательных округах:

Андропов Ю. В.— в Совет Союза, Пролетарский избирательный округ, г. Москва

Алиев Г. А.— в Совет Союза, Бакинский — Ленинский избирательный округ, г. Баку

Воротников В. И.— в Совет Союза, Россошанский избирательный округ, Воронежская область

Горбачев М. С.— в Совет Союза, Ипатовский избирательный округ, Ставропольский край

Гришин В. В.— в Совет Союза, Перовский избирательный округ, г. Москва

Громыко А. А.— в Совет Союза, Минский — Московский избирательный округ, г. Минск

Кунаев Д. А.— в Совет Союза, Алма-Атинский — Ленинский избирательный округ, г. Алма-Ата

Романов Г. В.— в Совет Национальностей, Ленинградский городской избирательный округ, РСФСР

Соломенцев М. С.— в Совет Союза, Шахтинский избирательный округ, Ростовская область

Тихонов Н. А.— в Совет Национальностей, Московский городской избирательный округ, РСФСР

Устинов Д. Ф.— в Совет Союза, Кунцевский избирательный округ, г. Москва

Черненко К. У.— в Совет Союза, Куйбышевский избирательный округ, г. Москва

Щербицкий В. В.— в Совет Союза, Ленинский избирательный округ, г. Киев

Демичев П. Н.—в Совет Союза, Люберецкий избирательный округ, Московская область

Долгих В. И.— в Совет Союза, Ленинский избирательный округ, Красноярский край

Кузнецов В. В.— в Совет Национальностей, Волгоградский избирательный округ, РСФСР

Пономарев Б. Н.— в Совет Национальностей, Калининский избирательный округ, РСФСР

Чебриков В. М.— в Совет Национальностей, Сухумский — Ленинский избирательный округ, Абхазская АССР

Шеварднадзе Э. А.— в Совет Национальностей, Тбилисский — Ленинский избирательный округ, Грузинская ССР

Зимянин М. В.— в Совет Национальностей, Краснодарский избирательный округ, РСФСР

Капитонов И. В.— в Совет Союза, Кинешемский избирательный округ, Ивановская область

Лигачев Е. К.— в Совет Союза, Томский избирательный округ, Томская область

Русаков К. В.— в Совет Национальностей, Ленинаканский — Центральный избирательный округ, Армянская ССР

Рыжков Н. И.— в Совет Союза, Чкаловский избирательный округ, Свердловская область.

Просим соответствующие окружные избирательные комиссии по выборам в Верховный Совет СССР одиннадцатого созыва рассматривать настоящее письмо как документ при регистрации кандидатов в депутаты.

Андропов Ю. В.
Алиев Г. А.
Воротников В. И.
Горбачев М. С.
Гришин В. В.
Громыко А. А.
Кунаев Д. А.
Романов Г. В.
Соломенцев М. С.
Тихонов Н. А.
Устинов Д. Ф.
Черненко К. У.
Щербицкий В. В.
Демичев П. Н.
Долгих В. И.
Кузнецов В. В.
Пономарев Б. Н.
Чебриков В. М.
Шеварднадзе Э. А.
Зимянин М. В.
Капитонов И. В.
Лигачев Е. К.
Русаков К. В.
Рыжков Н. И.

27 января 1984 года.

ПЛЮС 1 МИНУС 0,5...

Это цифры из встречных планов, обязательств трудовых коллективов: они находят резервы, чтобы повысить производительность труда на 1 процент, снизить себестоимость на 0,5 процента. Таков ответ советских людей на призыв декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. О том, как ищут эти резервы на Хабаровском нефтеперерабатывающем заводе, публикуемая корреспонденция.

Коллектив Хабаровского нефтеперерабатывающего завода имени С. Орджоникидзе обязуется: обеспечить в 1984 году прирост объема производства продукции без привлечения новых рабочих рук. И добиться сверхпланового повышения производительности труда на один процент. Один процент сверх плана — это много или мало? За счет чего можно увеличить производительность труда на предприятии с достаточно отработанной технологией переработки нефти? Вопросы непросты, от их решения зависит трудовая честь коллектива.

Директор завода Михаил Варвазович Мусин рассказал, что первое условие успеха — продуманная организация всей работы, особенно там, где речь идет о соблюдении технологического процесса.

— Прежде всего лучшие технические умы коллектива займутся внедрением передовой техники, эффективного использования имеющихся производственных мощностей. У нас это сделать непросто: предприятие с высокой степенью автоматизации и четкой технологией. Но резервы есть. Не последнюю роль, безусловно, сыграют и дополнительные меры по укреплению трудовой и производственной дисциплины. Важно и другое,— директор тут же подсчитал,— что, повышая собственный технический уровень и культуру производства, рабочие — большинство рабочих — смогут выдать 31,9 процента продукции повышенного качества, то есть высшей категории. Особое внимание соблюдению оптимальных режимов работы всего оборудования. Внедрение научно обоснованных норм — верный путь к тому. Вполне реально сэкономить один миллион восемьсот тысяч киловатт-часов электроэнергии, три тысячи килокалорий тепловой энергии, три тысячи пятьсот тонн условного топлива. Расчеты подготовлены группой экономистов. А коли есть полная ясность, какими путями, средствами и методами будут достигаться заложенные в коллективной производственной программе показатели, то жди успеха. Тогда слова не разойдутся с делом. Безвозвратные потери нефти — ведь это такая прореха! Ликвидация потерь даст дополнительно сотни тонн нефтепродуктов...

— У нас есть возможность снизить себестоимость товарной продукции на полпроцента.— сказал Мусин.— А это значит, что завод получит десятки тысяч рублей сверхплановой прибыли.

Михаил Варвазович подчеркнул пункты социалистических обязательств, выполнение которых обеспечит более производительный труд:

— Повысив на один процент производительность труда, мы дадим государству дополнительно не один миллион литров бензина. Реального бензина...

Слово оператору блока риформинга Михаилу Дмитриевичу Семину:

— Декабрьский Пленум ЦК КПСС поставил трудную задачу. Но выполнимую. Как рабочие восприняли это? Как призыв к поиску новых путей повышения эффективности производства.

Михаил Дмитриевич на этом предприятии уже двадцать лет. Строя установки, одновременно монтировал оборудование, а после пуска завода остался у пульта управления. Сейчас звену, в котором работает Михаил Дмитриевич, присвоено звание коммунистического, оно имеет высокие показатели.

— Все те миллионы литров бензина, о которых только что говорил директор, должны выработать вот на этой установке.— И дежурный оператор рассказал, не отходя от пульта, как его товарищи готовятся к ремонту установки, какие уже сейчас разработаны рационализаторские предложения. Не избежать и некоторых технологических изменений. А главное, конечно,— в осознании целей и собственной ответственности за данное стране слово! Обязательство — отныне нравственный стержень коллектива. И человек становится как бы сильнее. Бережно, по-хозяйски относится к каждой рабочей минуте.

И еще один довод в пользу дружной, инициативной работы. Вот что рассказал Виктор Ильич Сухоруков, начальник товарной группы:

— В возможностях нашего коллектива таится большой резерв. Нужно только все очень хорошо взвесить, рассчитать. Настроить себя на высокую цель. И к ней стремиться. Тон задает сквозная комплексная бригада по затариванию и отгрузке нефтебитума в районы Севера. Работа у нас, прямо скажем, и грязная и пыльная! И для того, чтобы облегчить ее, придется еще немало сделать. Не каждому по душе такие условия... Раньше в бригаде были и текучесть и недисциплинированность. Было так до тех пор, пока не сложился коллектив. Наши рабочие не просто отбывают время на площадке, а работают, постоянно задумываясь над тем, как сделать свое дело лучше. Начали с трудовой дисциплины. Потом ввели коэффициент за творчество, за личное участие. Бригады разработали и внедрили новый метод разлития битума в тарные мешки. Это даст нам уже в этом году повышение производительности труда на три процента!

Все придуманное бригадой сократило время погрузки вагонов. Отсюда и экономия. Не только на заводе, но и на железной дороге. Еще к решению одного вопроса бригада подошла по-государственному. Если раньше загружали в вагон по тридцать семь тонн, то по предложению бригады изменили размер тарного мешка, и теперь пространство вагона используется, можно сказать, полностью. Сейчас в каждый вагон загружаем по сорок пять тонн.

Сильный, дружный коллектив. Завод живет одной семьей, своими производственными интересами, добиваясь единой цели.

В. КУЗНЕЦОВ

КОНФЕРЕНЦИЯ

27 и 28 января состоялась XXV конференция Московской городской организации КПСС.

В президиуме — встреченные продолжительными аплодисментами товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко,

ПОДВИГ ЛЕНИН

27 января в Ленинграде состоялось торжественное заседание Ленинградских областного и городского комитетов КПСС, исполкомов областного и городского Советов народных депутатов совместно с представителями трудящихся, воинов Ленинградского гарнизона, посвященное 40-летию полного освобождения города от вражеской блокады и вручению Ленинградской области ордена Октябрьской Революции.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г. В. Романов, члены бюро обкома партии, секретари Ленинградского горкома КПСС. Здесь же прибывшие на торжества делегации городов-героев, защитники невской твердыни, военачальники, ветераны партии, войны и труда, передовики социалистического соревнования, деятели науки и культуры, представители общественности.

Тепло встреченный присутствующими, с речью выступил тов. Г. В. Романов. От имени Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он горячо поздравил всех ленинградцев со знаменательной датой — сорокалетием полного разгрома гитлеровских войск под Ленинградом.

— Всем вам, сказал он, защитникам города Ленина, всем, кто жил и боролся в осажденном городе, кто восстанавливал его и сегодня умножает его славу, шлет сердечный привет и поздравления один из активных участников Великой Отечественной войны, Генеральный секретарь Центрального Комитета партии, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Юрий Владимирович Андропов.

Г. В. Романов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

КОММУНИСТОВ СТОЛИЦЫ

М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

С отчетным докладом Московского горкома партии выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

На пленуме Московского городского комитета партии первым секретарем и членом бюро МГК КПСС избран В. В. Гришин.

Во время вручения награды.
Телефото ТАСС.

ГРАДЦЕВ

о награждении Ленинградской области орденом Октябрьской Революции и под продолжительные аплодисменты собравшихся прикрепил высокую награду Родины к знамени области.

* * *

Тысячи и тысячи ленинградцев пришли к братским могилам Пискаревского мемориального кладбища, где покоится прах воинов и горожан, павших в дни героической обороны Ленинграда.

Здесь состоялась торжественная церемония возложения венков к монументу Матери-Родины. В ней приняли участие Г. В. Романов, партийные и советские работники Ленинграда и Ленинградской области, ветераны битвы за город Ленина, войны, делегации городов-героев, прибывшие на торжества.

ДЕЛО ЗА ЗАПАДОМ

Юрий КОРНИЛОВ

«Советское руководство убеждено, что есть возможности для серьезного обсуждения ряда проблем, решение которых, несомненно, оздоровило бы обстановку в мире, улучшило бы советско-американские отношения». Так заявил, отвечая на вопросы газеты «Правда», Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов. В этом заявлении еще раз со всей ясностью и четкостью подтверждена стратегическая линия советской внешней политики — линия на упрочение мира, на деловой конструктивный диалог по стержневым проблемам современности, от решения которых зависит облик планеты, ее завтрашний день.

От ленинского Декрета о мире и до наших дней наша партия и государство пронесли преемственность главных направлений борьбы за мир, свободу и безопасность народов. Заботой о мире, о том, чтобы отвести от человечества угрозу всеуничтожающего ядерного пожара, продиктованы масштабные, далеко идущие внешнеполитические предложения и инициативы Советского Союза. Наша страна взяла на себя в одностороннем порядке обязательство не применять ядерное оружие первой и вместе с другими странами — членами Варшавского Договора предложила участникам НАТО заключить соглашение о взаимном неприменении ни ядерного, ни обычного оружия. От СССР, других социалистических государств исходит призыв заморозить ядерные вооружения, создав тем самым благоприятные условия для более радикальных шагов, ведущих к их сокращению, а в конечном итоге — полной ликвидации. СССР выступал и выступает за то, чтобы на конструктивной взаимоприемлемой основе решать проблему ядерных вооружений в Европе, подчеркивая, что США и НАТО должны, пока не поздно, проявить готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения на западноевропейской земле американских «Першингов» и крылатых ракет. «Воля Советского Союза к миру непреклонна» — таков лейтмотив многочисленных международных откликов на ответы Ю. В. Андропова на вопросы «Правды».

Очевидно, однако, что поворот от конфронтации к оздоровлению политического климата не может быть осуществлен, если в стане НАТО по-прежнему будут держать курс на нагнетание напряженности и обострение противоборства. В последний период времени в Вашингтоне не скупятся на заверения в приверженности США к миру, разоружению, но что же стоит за этим потоком миротворческой риторики? Может быть, правящие круги США отказались от попыток любой ценой взломать сложившийся в Европе и мире примерный паритет сил, отказались от линии на безудержное взвинчивание гонки вооружений? Ничего подобного: их усилия по-прежнему сконцентрированы на том, чтобы форсировать милитаристский план «перевооружения Америки», на которое намереваются бросить более двух триллионов долларов. Может быть, Вашингтон решил пересмотреть свои опасные планы превращения Западной Европы в американский ракетно-ядерный полигон, который на жаргоне «золотых галунов» Пентагона уже сегодня именуется не иначе, как «потенциальный театр военных действий»? Нет, американское оружие первого удара продолжает размещаться на западноевропейской земле, что резко усиливает не только военную, но и политическую напряженность и в Европе и за ее пределами. Может быть, американская сторона проявила желание всерьез заняться решением проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений? Нет. В Вашингтоне заняты другим: ставят на конвейер производство все новых систем этих вооружений, а на подходе такие их виды, которые вообще в корне могут перевернуть представление о стратегической стабильности...

«Наши руки чисты, мы никогда не были агрессорами»,— возвестил президент США Р. Рейган, выступая 25 января в конгрессе с посланием «О положении страны». Но ведь это ложь. Не будем обращаться к истории, которая свидетельствует, что только за последние шесть лет американская администрация в 38 случаях прибегала в своих отношениях с другими государствами к вооруженным акциям или к угрозе силой. Но вот факты сегодняшнего дня. Именно США совершили бандитское нападение на суверенную Гренаду, которая фактически оккупирована американскими войсками. Именно пентагоновская военщина, действуя заодно с сионистскими захватчиками, буквально рвет на части Ливан. Именно Вашингтон развязал и продолжает «необъявленные войны» против Никарагуа, Афганистана. Это ли не примеры самой грубой агрессии, это ли не свидетельства того, что Вашингтон беззастенчиво попирает общепризнанные нормы международного права, Устав ООН! Правящие круги США, которые возвели международный разбой и терроризм в ранг государственной политики, стремятся силой подавить волю народов к независимости и свободе, создают все новые очаги напряженности, повсюду, где только возможно, насаждают и подкармливают самые кровавые тирании, самые реакционные диктатуры и при этом утверждают, что их внешняя политика делается «чистыми руками». Большего цинизма невозможно себе представить!

Комментируя псевдомиротворческие пропагандистские фейерверки Р. Рейгана и К°, многие органы международной прессы с полным основанием констатируют, что это не что иное, как предвыборная демагогия, продиктованная сугубо конъюнктурными расчетами и не имеющая решительно никакого отношения к реальной внешней политике Вашингтона, в основе которой сегодня, как и вчера, лежит стремление «переиграть историю», перекроить политическую карту мира. Но коль скоро это так, коль скоро Вашингтон намерен и впредь вести дело с СССР с бесперспективной позиции силы и угроз, какую же, спрашивается, ценность имеют клятвенные заверения правителей США в том, что они-де «тоже — за диалог»? Да, Советский Союз готов использовать любой реальный шанс для ведения переговоров в целях совместного поиска путей к решению назревших международных проблем, и прежде всего проблемы ограничения и сокращения ядерных вооружений. Но, как это со всей определенностью подчеркнул, отвечая на вопросы «Правды», Ю. В. Андропов, на переговоры ради переговоров наша страна не пойдет, делать вид, будто в Западной Европе нет новых ракет, нацеленных на СССР и его союзников, Советский Союз не будет. В этой игре мы не участники!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ОТСТОЯТЬ МИР!

Сегодня, по моему глубокому убеждению, нет человека, от которого бы не зависело будущее мира. Оно зависит от каждого из нас, от нашего трудолюбия, от нашей дисциплинированности, от нашей бдительности. Судьба мира решается на каждом рабочем месте. Сделал больше, лучше — значит внес свой вклад в могущество страны, свой вклад в предотвращение ядерного кошмара.

Мне было четырнадцать, когда грянула война. Первая военная осень в глубоком тылу в селе на Алтае. Принимал зерно на МТС, круглые сутки шли машины. Урвешь несколько минуток, чтобы поспать, и уже слышишь: «Эй, где весовщик?» А весовщик — я, едва от земли видать. Вскакиваешь, бежишь. Кто нас тогда считал детьми? Будущая моя жена была в это время бригадиром полеводческой бригады.

Немало таких воспоминаний хранит наше поколение. Но никто из нас, я уверен, как бы мы ни гордились своей ранней взрослостью, ни на миг не пожелает подобного нынешним ребятишкам. За это воевал я потом, семнадцатилетним. Не лишений ушедшей юности, а мирного труда желаем мы своим сыновьям.

Мысли всех советских людей конкретно и ясно, с достоинством и уверенностью выражены в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова на вопросы газеты «Правда». Но американский президент не внимает голосу разума, продолжает устрашать, размахивать ядерной дубинкой, а порой и выступать медоречиво, пытаясь усыпить бдительность народов. Не мешало бы господину Рейгану вспомнить старую и мудрую русскую пословицу, которая гласит, что у каждой палки есть два конца. На испуг нас не возьмешь.

Против темных сил все сильней и сильней разворачивается борьба. Люди не хотят быть жертвами ядерного психоза заокеанских и западных политиков, потерявших чувство реальности. Во главе этой борьбы стоит моя родная страна, первая страна социализма, которая еще в октябре 1917 года написала на своих знаменах: «Мир».

И. ШУРБИН,
почетный гражданин г. Новосибирска,
Герой Социалистического Труда,
старший мастер ГПТУ-17

ГОЛОС РАЗУМА

Когда я слышу, что находятся люди, утверждающие, будто мир на земле станет тем прочнее, чем больше ядерного оружия разместят у себя европейские и другие страны, мне становится не по себе. Весь ужас в том, что подобные речи произносят руководители крупнейших капиталистических держав. Может быть, они решили, что весь мир сошел с ума? Убедиться в обратном легко. Нужно лишь распахнуть окно в Белом доме, чтобы увидеть очередную демонстрацию против гонки вооружений. Недавно по телевидению я видел выступление всемирно известного американского детского врача Бенджамина Спока. Доктор Спок заявил, что ядерная война станет величайшим бедствием для человечества и что он сомневается в здравомыслии президента Рейгана, который толкает мир в ядерный костер. Слушая доктора, я подумал: какая это трагедия для Америки, если лучшие ее люди не могут найти общий язык со своим президентом!

Мне, как и всем советским людям, близки слова Ю. В. Андропова, сказанные им в ответах на вопросы газеты «Правда»: «В комплексе мер, направленных на уменьшение военной опасности, мы предлагаем Соединенным Штатам для начала простой и вместе с тем достаточно эффективный шаг — заморозить ядерные вооружения; следует активизировать усилия, направленные на скорейшее достижение соглашения об их существенных ограничениях и радикальных сокращениях. Народы вправе ждать от правительства США проявления в этих вопросах здравого смысла и реализма».

Вот голос разума и правды. К нему я присоединяю свой голос. Может быть, он тих и слаб, но со мной рядом мои друзья, со мной моя Родина...

Мы строители, представители одной из самых мирных профессий на земле. Мы делаем города и села красивыми, а людей счастливыми, и нам никогда не понять тех, кто строит планы их разрушения.

Г. КОРЖУНОВ,
прораб треста «Алма-Атаотделстрой»

Советские и индийские специалисты в одном из цехов металлургического комбината в Бхилаи.

Фото А. Чумичева (ТАСС)

ИНДИЯ: ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД

В январе Индия проводит смотр своих достижений. 26-е число — национальный праздник — День Республики.

На фоне многовековой истории этой страны возраст республики более чем скромный. Но именно за эти неполных четыре десятилетия Индия из эпохи, когда она была аграрно-сырьевым придатком Британской империи, шагнула в космос. Сегодня она с нетерпением ждет совместного советско-индийского космического полета, приготовления к которому полным ходом идут под Москвой, в Звездном городке.

В эти дни индийский народ отмечает еще одну дату. 4 февраля исполняется 25 лет со дня первой плавки, которую дал металлургический завод в Бхилаи.

Февраль — счастливый месяц для этого комбината. 2 февраля 1955 года было подписано соглашение об оказании Советским Союзом технического и экономического содействия Индии в строительстве завода с полным циклом мощностью один миллион тонн стали в год. Весной 1957 года в Бхилаи была заложена первая домна, в феврале 1959 года она дала металл, а в феврале 1961 года начали давать продукцию все основные цеха завода. Сталь Бхилаи стала воплощением дружбы и разностороннего сотрудничества между СССР и Индией, многогранного, постоянно развивающегося...

За последние годы в общем гимне человечества заметнее, чем прежде, зазвучала индийская нота. Международные фестивали, встречи, конференции... Все это не могло не отразиться на облике столицы государства. Дели стал моложе. Ультрасовременные стадионы и высотные гостиницы, новые мосты и автомобильные развязки стали неотъемлемой частью города.

Вокруг индийской столицы ширится кольцо новых промышленных предприятий. На юге встает крупный хозяйственный комплекс Новая Окла. Этот город-спутник должен разгрузить старый Дели. Сюда планируется перевести больше трех тысяч промышленных предприятий и учреждений.

— В годы, когда Индия только стала называться республикой, в государственном секторе насчитывалось всего пять предприятий,— сказал мне генеральный директор столичного управления предприятий государственного сектора господин С. Венкатараман.— Сейчас в индийском госсекторе их больше двухсот. На них занято свыше двух миллионов человек.

Крепнут и расширяются деловые связи между СССР и Индией. В Бомбее я встретился с одним из директоров компании «Амерсей», активно ведущей торговлю с нашей страной, господином М. Н. Десаи. Он сказал:

— Наша компания не только сохранила деловые отношения с вашей страной, но и постоянно их наращивает. В 1982 году 90 процентов всех сделок фирмы «Амерсей» были заключены с советскими партнерами. Почему торговать с вами выгодно? Во-первых, торговля с СССР ведется на компенсационной основе. Мы не расплачиваемся с вами валютой, которой, как известно, Индии не хватает, а отдаем взамен свои товары. Вторая причина — качество вашей продукции. Советское оборудование себя зарекомендовало в жесткой конкуренции с западным и полностью соответствует международным стандартам.

А. ПОЗИН,
спец. корр. АПН
для «Огонька»

Дели — Москва.

В ФРГ усиливается волна протестов против развертывания в стране нового американского ядерного оружия первого удара. Все, кто мыслит здраво и осознает, какой грозной опасности подвергает население страны зловещая милитаристская политика США и НАТО, выходят на улицы городов, чтобы сказать «нет» американским ракетам. Среди них есть и военнослужащие бундесвера. На снимке: группа военнослужащих среди участников манифестации западногерманских сторонников мира в Бонне стоит у макета «Першинг-2».

Фото ДПА—ТАСС

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ПРИЧАСТНОСТЬ

Избирательная кампания, проходящая по всей стране в обстановке всенародного политического и трудового подъема, вступила в новый важный этап. 28 января окружные избирательные комиссии начали регистрацию кандидатов в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Виталий ЗАСЕЕВ, фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Когда секретарь партбюро Бельцкого мехового комбината Татьяна Петровна Постовалова узнала, что на предприятие приезжают корреспонденты, чтобы сфотографировать кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Нину Кутаркову, первым делом она поспешила своего лучшего скорняка-раскройщика отправить в... парикмахерскую.

— На тебя вся страна глядеть будет, а ты причесана кое-как,— с шутливой серьезностью в голосе выговаривала она Кутарковой.

— Интересно, когда бы это я успела прическу сделать,— оправдывалась Нина.— Вчера, сами видели, допоздна работала, а потом всю ночь со своим мальцом занималась. Простудился он у меня...

...Мастер закончил укладывать прическу и, отойдя на два шага назад, дружелюбно заметил: «Кажется, полный порядок. Можно даже с трибуны сессии выступать».

«Ну что ж,— подумала Нина, с удовольствием оглядев себя: ведь выступаю же на рабочих собраниях, в своем коллективе!». Нина сурово, без оглядки на начальство высказывает критические замечания, решительно и по-деловому вступается за тех, кто нуждается в поддержке, не отводя глаз, говорит о тех, кто нарушает трудовую дисциплину, пьянствует и тем самым мешает коллективу лучше трудиться, добиваться более высоких показателей.

...Дневной свет, словно праздничный зал, заполняет весь скорняжный цех, и от этого на душе делается и светлее и радостней. Вдоль окон строгой шеренгой вытянулись длинные ряды раскроечных столов. Справа и слева — стопки ондатровых шкурок, белоснежная овчина, лоснящийся в лучах солнца каракуль. Нина очень любит свой цех и никогда ни на что на свете не променяла бы свою профессию, ставшую ныне столь редкой.

Она подходит к проходной, здоровается с десятками людей, улыбкой отвечает на приветствия издалека. И, глядя на нее, ясно сознаешь, что в нашей стране, чтобы получить мандат депутата Совета, не требуется ни богатства, ни связей, ни хитрости политикана. Лишь честный труд, преданность великому делу коммунизма и уважение людей открывают человеку двери в высший орган законодательной власти.

... —Ох и прическа у вас сегодня, Нина Ивановна, как у артистки,— радостным возгласом встретила Кутаркову Мария Одажиу.

Мария — одна из лучших учениц Нины Ивановны, можно сказать, правая ее рука в бригаде, всегда отличалась не только расторопностью, но и вниманием к подругам. Та же сноровка, что и у бригадира, то же видение структуры меха. Разложит шкуру, прижмет сверху лекалом и, словно иллюзионист в цирке, проведет рукой — и воротник готов. Да так сработает, что ни один волосок в брак не загонит. Нина любит смотреть, как священнодействует Мария, и всегда вспоминает свои первые шаги на комбинате.

Застенчивой и сторонящейся людей пришла она в скорняжный цех. И хотя техническое училище окончила с отличием, быстро поняла, что до настоящего скорняка ей еще учиться и учиться. И вот както незаметно для себя, поборов робость, стала присматриваться к окружающим. И вскоре уже ни на шаг не отходила от Ивана Васильевича Борщевского — ветерана производства, одного из первых на комбинате, кому было присвоено звание мастера золотые руки.

— Поначалу я к ней относился даже с неприязнью,— вспоминает то время Иван Васильевич.— Как ни приду на работу в третью смену, а она уже тут как тут. То ли прогуливает она днем, то ли просыпает, думал я, раз все время в ночь выходит работать. А потом оказалось, что на подмену шла ради того, чтобы понаблюдать за моей работой.

И вот минуло ровно два года. На комбинате по предложению ветеранов развернулось соревнование за звание «Самый бережливый скорняк». В трехтысячном коллективе предприятия, конечно же, никто не сомневался, что первое место завоюет И. Борщевский или давний его соперник и товарищ С. Тетеля. Жюри долго совещалось, что-то пересчитывало, сверяло, а потом сообщило: из сэкономленного И. Борщевским меха можно сшить дополнительно пятьсот двадцать шапок-ушанок, а из сбереженного материала тогда еще никому не известной Нины Кутарковой — пятьсот двадцать две...

— В тот раз я впервые как следует рассмотрел ее,— признается теперь ветеран комбината.

— А мне вы и тогда и потом еще долго по ночам снились,— смеясь, отвечает ему Нина Кутаркова.

Отныне ветеран труда и его ученица — кавалер ордена Трудового Красного Знамени частенько встречаются лицом к лицу. Оба являются членами партийного бюро комбината, оба отвечают за социалистическое соревнование на предприятии, оба следят за повышением мастерства молодых специалистов, которыми ежегодно пополняется сложное меховое производство.

...Смена уже подходила к концу, оставалось с полчаса, и мы решили не отрывать Нину Ивановну от работы. Тем более что в этот день бригада Кутарковой завершила месячное задание.

— Сегодня они уже трудятся в счет июля, а пятилетку обязались завершить в четыре года,— поглядывая на бригаду Кутарковой, говорит секретарь цеховой партийной организации И. Шопина. Оказывается, Ирина Карловна с детства знает Кутаркову, чуть ли не за руку привела ее сначала в техническое училище, а потом и на комбинат. И все это время, пока Нина становилась на ноги, И. Шопина внимательно следила за ее работой, часто помогала и советом и делом. Когда коллективом предприятия было решено выдвинуть Н. И. Кутаркову кандидатом в депутаты высшего органа государственной власти, И. Шопина стала ее доверенным лицом.

— Чем можно объяснить столь единодушную поддержку в коллективе кандидатуры Нины Кутарковой,— спрашиваю я у И. Шопиной.

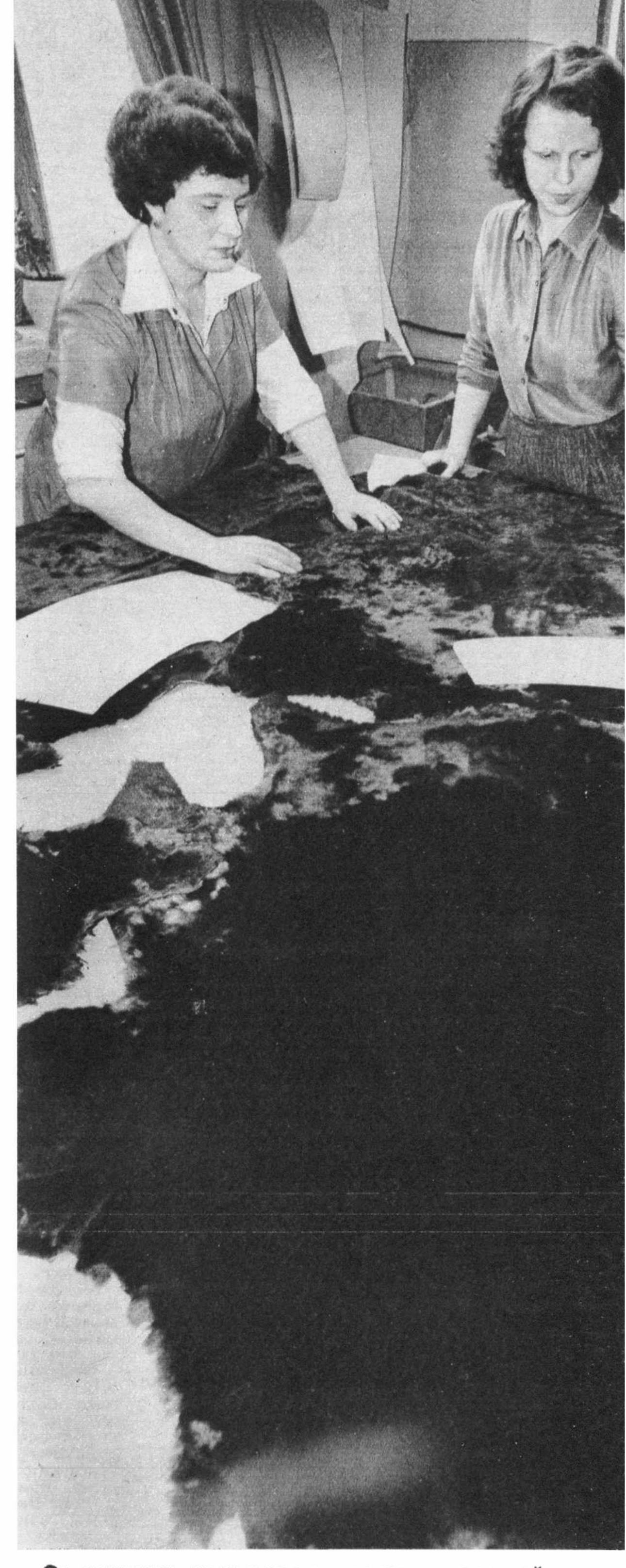
— Высокой степенью доверия,— не задумываясь, отвечает Ирина Карловна.— А также твердой уверенностью, что интересы каждого работника комбината будут далеко не безразличны их будущему депутату, такому же рабочему человеку, как они сами. Кстати, бригада Кутарковой первой на комбинате поддержала призыв дополнительно увеличить производительность труда на один процент и на полпроцента снизить себестоимость выпускаемой продукции.

— Необходимо добиться, чтобы цифры плюс 1 процент и минус 0,5 процента стали кровной заботой каждого из нас,— сказала передовой бригадир, обращаясь к молодежи комбината.

...Мы уже обо всем успели поговорить и не спеша идем вместе с Ниной Ивановной в детский сад. Ее уже там давным-давно заждался шестилетний Сережка. А Олежке стало лучше. Станислав, муж Нины Ивановны, сегодня взял отгул и, как и полагается в хорошей семье, все заботы по дому возложил на себя.

— Ему не привыкать,— с теплотой в голосе говорит Нина.— Он у меня человек работящий. И слесарь отменный, и по дому все делать умеет, и семьянин хороший. Без него я бы никогда не управилась со своими огольцами...

г. Бельцы,
Молдавская ССР

От искусства модельера и мастерства раскройщика зависит не только качество изделия, но и экономические показатели предприятия. Нина Кутаркова и модельер Галина Ермак планируют оптимальный крой.

Ирина Карловна Шопина, парторг цеха и доверенное лицо кандидата.

Нина Ивановна Кутаркова — скорняк-раскройщик Бельцкого мехового комбината выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

В вечерний час дома.

Афеворк Текле за работой.

Сын Эфиопии

А. СОФРОНОВ

Каждый раз, когда летишь в еще незнакомую страну, испытываешь естественное волнение. Что тебя там встретит? Что ты увидишь на новой для тебя земле? Так было и в тот раз, когда мы, группа советских и афро-азиатских писателей, летели в Аддис-Абебу — столицу Эфиопии. Как-то даже странно казалось: уже вокруг Эфиопии многие африканские страны были свободны и начинали строить новую жизнь, а хитрый император Хайле Селассие I все еще держался на поверхности, заигрывая с другими африканскими странами. Но всему бывает конец. Наступил такой конец и для играющего в демократию императора Хайле Селассие I. Его свергли. Второго Селассие быть уже не могло. Через два с половиной года правительство Эфиопии возглавил Менгисту Хайле Мариам, сумевший со своими товарищами раскрыть новые творческие силы народов Эфиопии. А это так не просто: в изолированной, и бедной, и одновременно богатой по своим потенциальным запасам стране открыть возможности роста и процветания. Вот так, признаюсь, мы с большим интересом летели в эту таинственную пока для нас страну.

Глава писательской организации Эфиопии поэт Ассефа Гебре Мариам, несколько лет проучившийся в Ленинграде, свободно говоривший на русском языке, приглашая нас, мягко улыбнулся и сказал:

— Вы не пожалеете, товарищи. Такая, как Эфиопия, в Африке одна страна... Я вам правду говорю,— уже серьезно заговорил он.— Для каждого из нас наша родная земля лучше других, так что вы меня поймете. Вы не думайте, что у нас люди все неграмотные. Сейчас многое делается, чтобы поднять культурный уровень народа. Вы что-нибудь слышали о нашей гордости — художнике Афеворке Текле?

— Слышали,— ответил я.

— А видели его живопись?

— Видели на его выставке в начале шестидесятых годов в Москве.

— И как же к ней отнеслись москвичи?

— Очень хорошо отнеслись. А почему, дорогой Мариам, вы с таким пристрастием допрашиваете нас?

Ассефа снова улыбнулся:

— А вы думаете побывать в Аддис-Абебе и миновать студию нашего лучшего художника? Когда в шестьдесят четвертом году у него была выставка в Москве, он был сравнительно молод. Ему было всего тридцать два года... В будущем году предполагается снова выставка работ Текле в Москве. Теперь, мы считаем, у него пора зрелости. Кстати, наши заседания будут происходить в Доме Африки. Там все витражи Текле.

На этом наша беседа, происходившая в Москве, прервалась, но, конечно, запомнилась.

Здесь есть и еще другая причина. Так называемые поиски новых форм в европейской живописи, как далекий шелест дождя, докатывались и к нашим художникам. Но массового успеха эти «шелесты» не имели. Мне пришел на память один пример. В Париже, на Монмартре и на берегу Сены, где, что называется, «кустари-одиночки» пишут пейзаж за пейзажем или по заказу клиентов их портреты, формализмом и не пахнет. За формализм здесь деньги не платят. Но этим художникам не в мастерских и студиях приходится добывать свой хлеб. Здесь скорей поиск материальный, чем эстетический, хотя голубовато-сиреневые пейзажи выглядят симпатично.

Современная лучшая африканская живопись далека и от натурализма и от формализма. Я бы сказал, что она близка к природе тех просторов, на которых рождается; близка к характерам тех новых людей, среди которых живет художник. Именно в Аддис-Абебе мы еще и еще раз получили подтверждение этому. Сам город, его окрестности. Новые, каменные дома, расположенные поблизости от небольших деревянных хижин; стада овец, возле которых черноглазые, босоногие ребятишки; озера, окруженные невысокими горами. И закаты. Розово-желтые, алые и просто багряные закаты... Мы прожили в Аддис-Абебе неделю. Семь вечеров. Видели семь таких закатов, непохожих друг на друга.

Где-то среди недели я спросил Ассефа Мариама:

— А когда же состоится обещанное?

Ассефа покачал головой:

— Вы думаете, я забыл о нашей беседе в Москве? Я не ожидал вашего вопроса, но готов на него ответить. Завтра после заседания и обеда вы можете посетить студию Текле.

— А он знает об этом?

— Конечно, знает. Он ждет нас.

...На другой день мы были в студии Афеворка Текле. Странное чувство я испытал буквально от первых минут до той последней, когда мы покидали студию.

Мы встретились с художником в первый раз, но у меня было такое чувство, что мы уже знакомы несколько лет. Что ценится в художниках, кроме таланта? Отсутствие говорливости. Самое ужасное, когда художник сопровождает знакомство с его картинами пространными объяснениями, что он хотел изобразить и что изображено на холсте. В студии Афеворка Текле такой лекционности не было. Вначале мы медленно ходили от картины к картине. И все же, все же задавали вопросы. Текле мягко и как-то легко, без малейшей наукообразности отвечал нам.

Да, здесь все было для нас и ново и в то же время близко. Уже потом, когда мы пили ароматный чай, держа пиалы в руках, мы все же решились спросить художника о его творческих принципах.

— Что я могу ответить на ваш вопрос? Я не чужой человек и для европейских художников. Но я живу в новой Эфиопии, стране с богатейшими традициями народной культуры. Это моя земля. Земля моих предков. Поэтому я был, есть и буду здесь вместе со своими товарищами создавать новое искусство моей родной страны. Вы же любите свою страну? — спросил он, как-то даже неожиданно блеснув глазами. И, не дожидаясь нашего ответа, сказал: — Впрочем, я тоже успел полюбить вашу страну. В ней хорошо дышится. Хорошо понимают художников... Разных художников. Это очень важно. Художник, любящий свою родную землю, никогда не будет фокусничать, изображая ее.

Беседа была долгой. Когда мы покидали студию, Текле произнес:

— Надеюсь, что в будущем году мы встретимся в Москве.

...Ассефа Мариам на другое утро спросил меня:

— Какое впечатление от встречи?

— А почему вы не пошли с нами? — ответил я вопросом на вопрос.

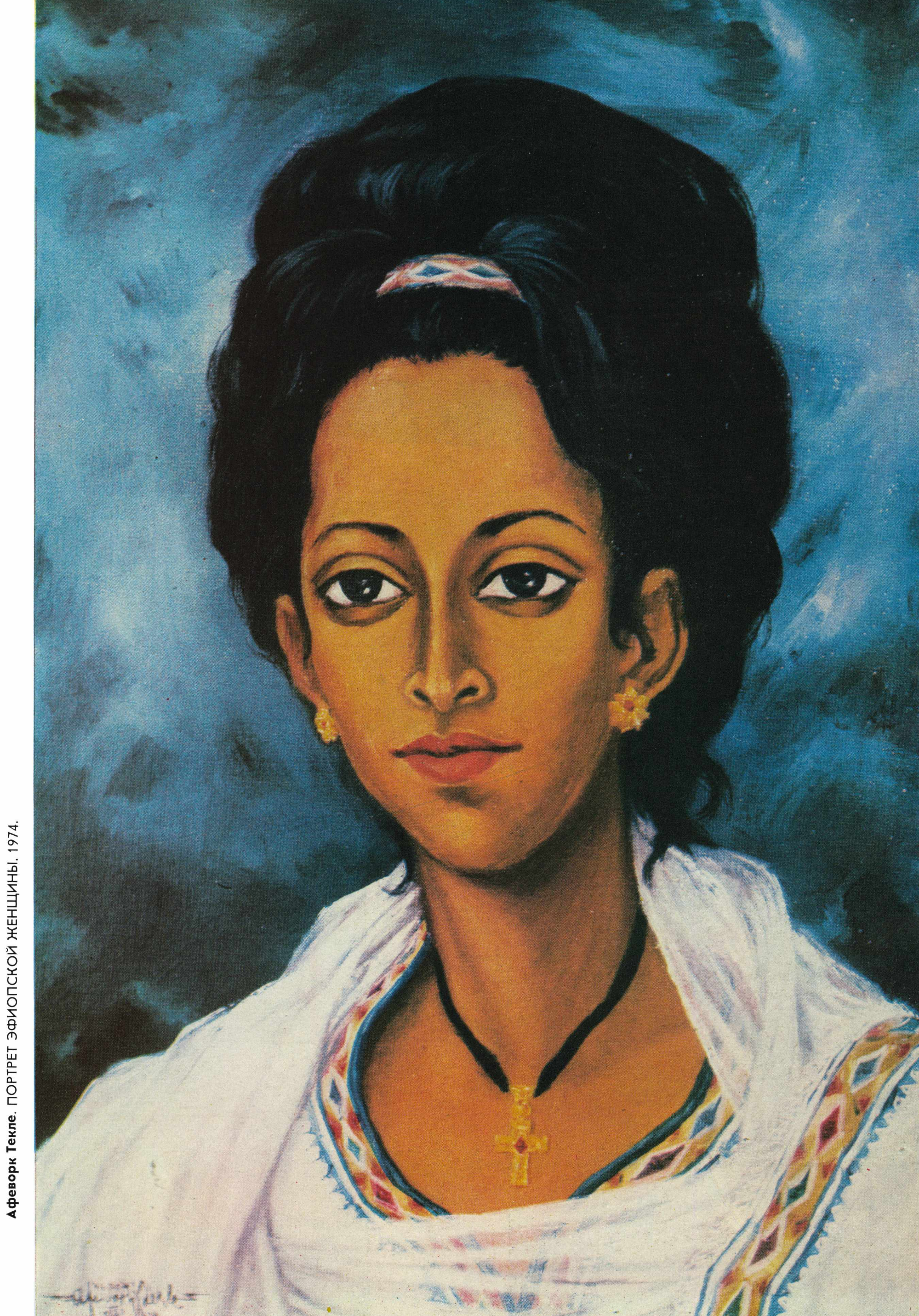
— Таким встречам никогда не надо мешать. Я ведь уже все знаю... Вы ему очень понравились.

— Надо ли мне говорить о том, что это взаимно?

— Не надо. Не надо. Он это почувствовал.

...В 1980 году в Москве с большим успехом состоялась экспозиция работ замечательного эфиопского художника Афеворка Текле. А несколько месяцев назад он избран почетным членом Академии художеств СССР.

Мы надеемся, что сроки будущей его выставки не затянутся.

Афеворк Текле. ПОРТРЕТ ЭФИОПСКОЙ ЖЕНЩИНЫ. 1974.

Афеворк Текле. ЗАЩИТНИК РОДИНЫ ДАНАКИЛЕЦ. 1978.

ПО ДОРОГЕ НА РЫНОК. 1978.

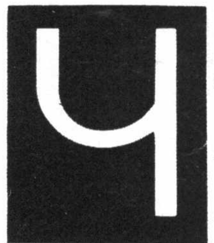
ЭФИОПСКИЕ ЛИЦА. (Зарисовки в Кебеле). 1977.

МОСКВА, 41-й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Через какое-то время в рокот немецких бомбовозов вдруг ворвался нарастающий и захлебывающийся вой одинокого истребителя, летевшего, кажется, над самыми верхушками молодого леса. Над лагерем его мотор будто взвыл от смертельного удара — послышался похожий на выстрел хлопок, и в небе остался только размеренный гул немецких самолетов. Все различили оборвавшийся шум мотора истребителя, и многие увидели, как он косым полетом скользнул над Минским шоссе и наклонно устремился в сторону недалекого безымянного озера, окруженного высокими камышами и коварно топкими болотами-торфяниками. Тут же со стороны озера донесся гулкий звук удара, вслед за которым послышался шум падающей воды и коротко шваркнувшего в ней раскаленного железа.

Ольга Васильевна от охватившего ее испуга не успела ничего осмыслить, как Ирина, быстро сняв висевшую на сучке сосны санитарную сумку, взволнованно крикнула:

— Мама, бежим! Там наш летчик гибнет!

В сторону упавшего истребителя побежало несколько десятков людей, главным образом юношей. Ольга Васильевна тоже выскочила на опушку сосняка, но увидела, что до темнеющей стены камышей довольно далеко, и в нерешительности остановилась.

В это время буквально в десятке метров от нее приземлился парашютист. Он гулко ударил ногами о землю, затем свалился на бок, перевернулся на спину и несколько мгновений лежал неподвижно, как мертвый.

«Немец!» — испуганно трепыхнулась мысль у Ольги Васильевны.

Парашютист зашевелился, затем сел, и послышался его урчащий, сдавленный болью голос, в котором она разобрала бранные слова.

«Свой!» — облегченно вздохнула.

Парашютиста окружили выбежавшие из сосняка люди, помогли встать, освободиться от лямок парашюта.

Это был лейтенант Виктор Рублев.

— До Кубинки далеко отсюда? — с тяжкой удрученностью спросил он.

— Порядочно,— ответила за всех водовозчица Валя.— Садись в мою карету, подвезу до штаба, а оттуда на машине подбросят.— И она указала на впряженную в двуколку с бочкой лошадь, стоявшую на опушке.

...И опять господин с л у ч а й. Задержись Ирина в лесу на несколько минут, она непременно встретилась бы с любившим ее первой и страстной юношеской любовью Виктором Рублевым — «ленинградским лейтенантом», о котором вспоминала, ощущая в сердце сладкое щемление и смутную тревогу. А может, и не узнала б его? Могло случиться и такое — ведь у них были только две короткие встречи...

Явившись в штаб полка — двухэтажное кирпичное здание, замаскированное растянутыми на шестах сетками,— лейтенант Рублев сложил в углу коридора скомканное, опутанное лямками полотнище парашюта и, подойдя к старшему лейтенанту с красной повязкой на рукаве, сидевшему за столом дежурного, спросил:

— Кому докладывать?

— О чем?

— Ну, я после задания. Не нашел аэродром, а бензин кончился... Пришлось выброситься...

У старшего лейтенанта вытянулось лицо и холодком промелькнул страх в сузившихся зрачках глаз. Он сказал:

— У всех хватило бензина, и все нашли аэродром... А ты что, в одиночку летал?

— Я отстал на взлете... Забыл отсоединить телефонный шлейф от шлемофона. Чуть голову себе не оторвал.

— Ну и ну! — произнес осипшим голосом дежурный и спросил, придвинув журнал для записей: — Как фамилия и чья эскадрилья?

Записав все, что полагалось, старший лейтенант уже сочувственно посмотрел на Рублева и сказал:

— Сейчас все на верхотуре.— Так условно именовался командный пункт полка.— Отражают налет немцев. А ты, герой, бери лист бумаги и пиши объяснение. Только правду пиши!

Рублев смерил старшего лейтенанта укоряюще-болезненным взглядом и, повернувшись, пошел на летное поле, где бензовозы заправляли бензином вернувшихся с боевого задания истребителей...

На второй день лейтенанту Рублеву действительно пришлось объясняться с военным дознавателем, который по поручению военного прокурора уточнял обстоятельства утраты летчиком боевого самолета. Сложность положения, в которое попал Виктор, заключалась в том, что воздушная разведка не могла обнаружить место падения его самолета, чтобы послать туда специалистов, которые бы по виду лопастей винта могли убедиться, что Рублев действительно таранил в ночном бою вражеский самолет. Место же падения «юнкерса», сбитого в районе Солнечногорска, было найдено. Однако немецкий самолет разметало взрывом на огромной и очень заболоченной территории — сработал в его баках высокооктановый бензин. Ни по каким признакам невозможно было удостовериться, что он действительно таранен, а не сбит пулеметным огнем, ибо на обломках бомбардировщика были обнаружены следы пуль. Да и сопоставление скоростей «юнкерса» и истребителя И-16 было не в пользу доказательств лейтенанта Рублева.

А Виктор даже не мог представить себе, что его всерьез заподозрили в трусости и не верили в то, во что не поверить было, с его точки зрения, просто немыслимо. Ведь он вначале заклинил огнем своего пулемета один мотор «юнкерса», а затем заставил его удирать пикированием. После выхода из пике «юнкерс» на одном работающем моторе уже не обладал прежней скоростью, да и Виктор, подняв из пике истребитель на несколько секунд раньше бомбардировщика, сократил свою «кривую» и резко сблизился с немцем. Попросив у дознавателя, которым оказался вчера дежуривший по штабу старший лейтенант, чистый лист бумаги, он аккуратно вычертил траекторию пикирования «юнкерса» и траекторию маневра своего истребителя, сделал даже тригонометрические вычисления. Но дознаватель в тригонометрии оказался не силен, а тут еще сбивали всех с толку показания пленного немецкого полковника фон Рейхерта — командира экипажа тараненного лейтенантом Рублевым «юнкерса». Полковник с саркастической улыбкой доказывал, что русские сбили его каким-то тайным оружием, категорически отрицал, что у его самолета был заклинен один мотор, иначе, мол, он, командир экипажа, не позволил бы отрываться от советского истребителя пикированием, ибо на одном моторе у «юнкерса» не хватило б мощности выйти из пике. Так ли это?.. Но несомненно, что «ю-88» с двумя исправными моторами советскому истребителю И-16 не догнать.

Вроде бы все и логично. Но кто же тогда сбил самолет полковника фон Рейхерта? Впрочем, такой вопрос не особенно занимал военного дознавателя, так как в ту ночь многие немецкие бомбардировщики получили изрядные порции пуль и снарядов при атаках советских истребителей; вполне возможно, что успех кого-то из наших летчиков остался незамеченным.

А командиру истребительного полка уж очень хотелось зарегистрировать первый ночной таран за своим летчиком. Да и убежденность лейтенанта Рублева, с которой тот доказывал свою правоту, подкупала командира. И он, не закрывая заведенного на лейтенанта следственного дела, разрешил ему вместе с двумя бойцами из команды аэродромного обслуживания попытаться разыскать свой упавший истребитель.

— Если найдете самолет, то в качестве доказательства тарана хоть отпилите одну лопасть винта,— приказал командир полка.

И Виктор отправился на поиски.

15

Воображение всегда безбрежно и почти неуправляемо. Оно бывает палачом и щедрым благодетелем. Это испытывал на себе Федор Ксенофонтович Чумаков, сидя среди раненых в маломощном санитарном автобусе. Переваливаясь на ухабах старой Смоленской дороги, той самой, по которой в 1812 году Наполеон шел со своей армией на Москву, автобус к утру миновал городишко Кардымово и уже держал путь на Дорогобуж, где предположительно можно будет определиться в полевой госпиталь.

Генерал Чумаков изнемогал от половодья мыслей, пытаясь еще и еще раз проникнуть во все случившееся с его войсковой группой, высветлить в уме складывавшиеся ситуации и определиться в ответе: все ли правильно сделал он там, в районе Красного, и ранее, чтоб не позволить немцам рассечь группу и прорваться к Смоленску... А главное, томил вопрос: что и как произошло после его ранения? Сумеет ли полковник Гулыга со штабом не распылить оставшиеся части и пробиться из очередного окружения? Должен суметь! Разумен же... Но не всегда благоразумен. Разум и благоразумие — вещи разные, пусть и лежат рядом. Боится полковник рисковать, а на войне риск — одна из форм боевого маневра,— нельзя на войне без риска. И, принимая окончательное решение, уже не надо вопросительно оглядываться на других, ибо этим проявишь неуверенность и, следовательно, посеешь у подвластных тебе людей недоверие к своему решению.

Не подозревал Федор Ксенофонтович, что в следственных инстанциях военной прокуратуры Западного фронта размышляли о нем поиному, приняв меры к его розыску. Прокуратуре стало известно, что генерал Чумаков причастен к принятию решения о взрыве смоленских мостов через Днепр, хотя на это не имелось санкции ни штаба фронта, как было обусловлено в письменном приказе начальнику гарнизона полковнику Малышеву, ни даже командующего 16-й армией генерала Лукина. Заодно кто-то заронил сомнение — так ли уж

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50—52 за 1983 г. и №№ 1—5 с. г.

тяжело ранен Федор Ксенофонтович, что отстранился от командования своей войсковой группой, покинул район боевых действий, но нашел возможность вмешиваться в дела начальника Смоленского гарнизона, подчиненного командующему 16-й армией. Ко всему этому еще добавлялась и зловещая ситуация с майором Птицыным, с которого не спускала глаз контрразведка, заподозрив в нем гитлеровского агента. Птицын по поручению Чумакова навещал в Москве его семью...

Не догадывался Федор Ксенофонтович, что над его седеющей головой сгущались темные и небезопасные тучи. Он пока был поглощен своими мыслями и воспоминаниями, хотя боль в раненых плече и шее иногда вытесняла тиранившие его сомнения, и тогда он начинал ощущать, может, впервые в жизни, сколь томительно тяжко бывает на душе, когда время течет бессмысленно, вкладываясь в рвущую тело боль и в удары самого верного счетчика минут — собственного сердца.

Именно эти наполненные болью и ощущением безвременья часы были весьма мучительными, тем паче что он ничем не мог помочь, когда автобус надолго останавливался в пробках на переправах, в уличных заторах или когда водитель, оставив кабину, убегал куда-то с ведерками клянчить бензин, визгливо доказывая где-то там, в стороне, что у него среди раненых находится чуть ли не маршал.

В автобусе стояла духота, терпко пахло испарениями крови и мочи и клубилась встряхиваемая пыль. Дорога за Кардымовом была разбитой, над ней непрестанно висела курчавившаяся серая завеса, поднятая шедшими в обе стороны машинами, тракторами, повозками. Федор Ксенофонтович на остановке в Кардымове уступил свои подвесные носилки старшему лейтенанту, тяжело раненному при бомбежке в грудь, а сам сел на шершавое от засохшей крови место в углу автобуса, потеснив сидящих раненых. От нечего делать стал прислушиваться к разговорам в автобусе. Разговорчивее всех был Алесь Христич, раненный в голову осколком противотанковой гранаты, им же брошенной у Смоленской военной комендатуры в грузовик с немецкими диверсантами. Сержанта Чернегу пришлось высадить еще на выезде из Смоленска из-за тесноты в автобусе. Да и не было необходимости, чтоб сержант дальше сопровождал генерала Чумакова.

Федор Ксенофонтович с радостным удовлетворением отметил про себя, что в столь тяжкое время, в такой тревожно-напряженной атмосфере, при бомбежках и обстрелах дороги с воздуха раненые не ныли, не паниковали, сдержанно говорили о том времени, когда Красная Армия сплошным фронтом станет лицом к немцам и те побегут вспять; высказывали мечты, как бы побыстрее вернуться в строй: ведь они, мол, поднабрались боевого опыта и воевать будут с большим знанием дела. Эти подслушанные разговоры повергли Федора Ксенофонтовича в размышления о том, сколь не прав был тот древний мудрец, утверждавший, что истинно счастливым бывает только тот, кто творит... Военный же человек, мол, никогда не может быть счастливым, ибо он существует для войны, то есть для разрушения... Конечно, кто творит, созидает, тот испытывает огромное счастье. Но разве он, Чумаков, не счастлив, созидая советского воина с его светлым внутренним миром, воина, способного и жаждущего защищать то, что является плодом созидателей новой жизни? Вот они, эти воины, вокруг него. Апогей счастья военного человека, конечно же, в победе над врагом, захватчиком...

А ведь эта победа обязательно придет... Следовательно, военное дело, как оно поставлено в Красной Армии, есть творчество от начала и до конца, в мирное время и на войне...

Прежде чем попасть в Дорогобуж, надо было проехать через днепровскую переправу в деревне Соловьево, которая находилась в самой узкой части горловины — между Ярцевом и Ельней, захваченными немцами. Эту горловину враг настойчиво пытался перехватить, нависнув над Соловьевом с севера и юга будто двумя железными челюстями раскрытой гигантской пасти, в которой продолжали сражаться армии генералов Курочкина и Лукина. Сомкнуться грозным челюстям мешал, словно стальная распорка, сводный, довольно крепкий, состоявший из опытных бойцов и командиров отряд сорокалетнего полковника Лизюкова Александра Ильича. Этот отряд, усиленный полутора десятками танков — остатками 5-го танкового корпуса — и несколькими дивизионами артиллерии, оборонял не только Соловьевскую, но и Ратчинскую, что ниже по Днепру, переправы. Ближайшими помощниками полковника Лизюкова, как правая и левая руки, были испытанные в боях командиры полков майоры Сахно и Шепелюк.

Чем ближе подъезжал санитарный автобус к раскинувшейся на холмистом берегу Днепра деревне Соловьево, тем явственнее чудилось генералу Чумакову да и всем другим раненым, что приближаются они к передовой линии фронта, где ожесточенность боя вскипала до высшей степени.

Самым тяжким оказалось переехать через переправу в Соловьево. Перед собранным из железных понтонов мостом с обеих сторон реки скопилось на дороге и ее обочинах множество машин и повозок. А в небе над этим скопищем и над мостом кружили немецкие бомбардировщики и несколько наших истребителей. Свист бомб, тяжкие взрывы, рев самолетных моторов, пальба зенитных орудий и счетверенных пулеметов сливались в страшный грохот, заглушавший командные окрики и матерщину на переправе, вопли раненых людей — военных и гражданских — и предсмертное ржание лошадей. Но это были еще не самые страшные дни Соловьевой долины. Самые страшные наступят тогда, когда поток войск направится только в одну сторону — на восток...

В эти трудные часы полковник Лизюков лично руководил переправой. Впрочем, сказать руководил будет не совсем точно. Он жестоко диктовал всем свою волю: тем, кто проезжал через наплавной мост, саперам, днем и ночью латавшим его, зенитным батареям, которым приходилось вести огонь не только по самолетам, но и по прорывавшимся к переправе немецким танкам, и всем тем, кто сгрудился на дороге и на берегу Днепра. Крутолобый, с облысевшей головой, глаза с прищуром, лицо добродушное, на котором выделялся широкий мясистый нос,— весь внешний облик полковника вязался и не вязался с непостижимостью его характера. Он, этот характер, проявлялся то в бурных всплесках гнева, то в увещевательных или укоряющих интонациях, когда наводил порядок на въездных путях на наплавной мост или когда появлялся у места наведения запасного моста ниже по течению Днепра.

Генерал Чумаков узнал полковника Лизюкова по голосу, когда тот проходил мимо их санитарного автобуса, уже долго стоявшего в застопорившейся колонне машин и повозок. Лизюков кого-то грозно отчитывал за какую-то провинность, и Федор Ксенофонтович громко позвал его:

— Александр Ильич! Это ты?!

Лизюков заглянул в автобус и не сразу узнал Чумакова, хотя судьба не единожды сводила их в академических аудиториях и на всякого рода сборах и совещаниях. Когда-то на краткосрочных курсах их особенно сблизило знание немецкого языка, но Лизюков, будучи сыном одаренного сельского учителя из Белоруссии, владел еще французским и немного английским, чем немало гордился.

И когда он признал Чумакова, тут же, без лишних слов, строго спросил:

— Ходить можешь?

Федор Ксенофонтович, конечно, смог бы при чьей-нибудь помощи пройти несколько сот метров. Но когда заметил, как настороженно замкнулись на нем взгляды всех раненых, находившихся в автобусе, ответил:

— Не могу, Александр Ильич. Отяжелел я...

— Тогда мы тебя на носилках перетащим в одну из передних машин... Иначе настоишься...

— Спасибо, Саша, не надо. Я уж как-нибудь со своей компанией буду терпеть...

— Черт упрямый! — беззлобно ругнулся Лизюков.— Ладно, что-нибудь придумаем.— И удалился.

Через десяток минут к их автобусу подошел, неровно тарахтя мотором, тракторишко какой-то странной марки; его чумазый водитель в пропитанном соляркой комбинезоне соединил металлическим тросом автобус со своим железным «конем», и они общими усилиями (трактора и автобуса) сползли на кочковатую болотистую обочину дороги и медленно потянулись к въезду на переправу. Здесь их встретил со своими людьми полковник Лизюков.

Встав на откидную подножку автобуса, полковник спросил в открытую дверь:

— Федор, что там происходит?

— Наводи больше переправ и строй подъездные пути,— суховато ответил Чумаков.— Если со стороны Ярцева, Рославля и еще откуда-нибудь наши немедленно не нанесут удары по смоленской группировке немцев, через твои переправы, как я полагаю, будут пробиваться армии Лукина, Курочкина и частично Конева... А это, сам понимаешь, хлынут тысячи... Плюс артиллерия, тягачи, автотранспорт...

— Да немцы и сейчас напирают, чтоб перехватить нашу горловину,— сказал Лизюков. Затем раздраженно спросил: — А из чего строить мосты?!

— Хотя бы из домов,— не раздумывая, сказал Федор Ксенофонтович.— Вон сколько дерева!

— Вчера мне местные бабы предложили разбирать их дома... Многие уже и барахло перетащили в землянки на огородах. Но дома из хлипкого материала. Сваи мне нужны.

— Готовь хоть плоты и пешеходные мостики. Все сгодится!

На этом они и расстались, не предчувствуя, что это была их последняя встреча.

Вскоре «санитарка» оказалась за Днепром. И это было вовремя: в раскрытую дверь автобуса раненые видели, что над переправой появилась очередная группа «юнкерсов», выстраиваясь в карусель для бомбежки моста и зенитных батарей. Зенитчики, прикрывавшие переправу, тоже вступили в дело: в небе вокруг бомбардировщиков стали вспыхивать черные облачка разрывов снарядов.

До Дорогобужа добрались без особых препятствий. Ориентируясь по фанерным указателям — стрелкам с надписями «ППГ», что означало «Походный полевой госпиталь», подъехали к двухэтажному кирпичному зданию. Но автобус с ранеными не пропустили даже на территорию двора — госпиталь был переполнен. Дежурный врач, протиснувшись в автобус, опытным взглядом окинул раненых и приказал двоим своим санитарам снять носилки со старшим лейтенантом, губы которого кроваво пенились, а изо рта рвался надсадный хрип. Сопровождавшей автобус рыжеволосой санитарке, молоденькой девчонке, приказал получить в госпитальной аптеке медикаменты, бинты и следовать с автобусом вплоть до Вязьмы, свернув, однако, на север, к магистрали Минск—Москва, где дорога была получше.

Долог июльский день, особенно когда его небо без устали грозит бомбами и пулями всем обитающим на земле, охваченной военными заботами. Солнце было еще высоко, когда санитарный автобус, дымя по Минской шоссейной магистрали, приблизился к повороту на Вязьму. Здесь его остановил «медицинский маяк» — боец с красным флажком в руке. Неподалеку от этого места, в кювете, догорали останки двух грузовиков, разбомбленных несколько часов назад; воздух от этого был удушливым: пахло взрывчаткой, сгоревшей масляной краской и еще чем-то ядовито-приторным, вызывавшим тошноту и резь в глазах. Рядом у дороги группа красноармейцев сталкивала в яму убитую лошадь; двое тащили ее за ноги, а двое подваживали ломом спинной хребет. Лошадь упала в яму, заурчав утробой, и тут же на нее посыпалась земля, сбрасываемая лопатами.

Вся эта картина с догоравшими машинами и погребением убитой лошади хорошо была видна в раскрытую дверь автобуса Федору Ксенофонтовичу, и он подумал о том, что война слишком глубоко вклинилась в глубь России, везде густо посеяв тяжкую беду.

Причина остановки автобуса никому не была ясна, и раненые забеспокоились: в автобусе наступило сторожкое безмолвие. Вдруг в дверь заглянул военный, лицо которого на фоне солнечного неба показалось всем черной маской. Он всмотрелся в глубь автобуса и, ощутив развившие из него неприятные запахи, отступил шаг назад; теперь лицо его стало более различимым (это был, судя по петлицам, медик).

— Генералы, старшие командиры и отяжелевшие раненые есть в машине?—строго спросил он у вышедшей из автобуса рыжеволосой санитарки.

— Есть генерал-майор,— с некоторой гордостью ответила санитарка.— Ранение у него средней степени, но уже пора на операционный стол.

— Самостоятельно выйти можете, товарищ генерал? — полуприказным, но предупредительным тоном спросил военврач третьего ранга (медик был именно в таком звании, как потом разглядел Федор Ксенофонтович).

— Зачем? — удивился генерал Чумаков, тем не менее осторожно поднялся со своего места, стараясь не сдвинуть повязок на ранах.

— И вещички возьмите с собой, если есть,— добавил военврач.

— Зачем? — с недоумением повторил свой вопрос Чумаков, взяв полевую сумку, в которой были топографические карты, устаревшие донесения и набор бритвенных принадлежностей. Чемодан с его «вещичками» остался где-то там, за Смоленском, в одной из штабных машин.

Военврач помог Федору Ксенофонтовичу ступить с откидной ступеньки автобуса на землю и сказал:

— Тут недалеко посадочная площадка. У нас в санитарном самолете есть свободные места... Не лететь же нам в Москву налегке...

Словно пламя полыхнуло в груди Федора Ксенофонтовича — радость тугой волной ударила в сердце, опалила лицо, и он на мгновение стремительной мыслью уже оказался в Москве, на 2-й Извозной улице, в квартире покойного Нила Игнатовича, увидел устремившиеся к нему для объятий руки жены Оли, ее сверкающие счастьем и любовью глаза, а рядом — милая Иришенька, дорогая и единственная дочь.

В это время мимо проходила на запад какая-то автоколонна: впереди промчались два грузовика с бойцами и с закрепленными в кузовах счетверенными пулеметными установками, затем — автомобиль-фургон (по всей видимости, радиостанция), несколько машин, в которых сидели на скамейках, соединявших борта кузовов, командиры в накинутых на плечи плащ-палатках. Замыкал колонну ЗИС-101 — легковой автомобиль, окрашенный в зеленый цвет. Он уже миновал было автобус, потом вдруг завизжал тормозами, остановился и задним ходом подъехал к «санитарке».

— Рокоссовский! — ахнул от неожиданности Федор Ксенофонтович, когда дверца машины открылась и на щербатый асфальт дороги шагнул высокий и стройный генерал-лейтенант в полевой форме.— Константин Константинович! Ты ли это?!

Рокоссовский заулыбался знакомой смущенной улыбкой, всегда молодившей его и без того молодое, красивое лицо, глядя чуть исподо лба, и надвинулся на Чумакова всей своей высокой, стройной фигурой, расставив для объятий руки. Пока приближался, Федор Ксенофонтович уловил мелькнувшую в глазах Константина Константиновича тревогу, которая как бы сузила на его губах улыбку: значит, пригляделся, сколь много бинтов намотано на его, Чумакове, плече и шее.

Осторожно обнялись, осторожно пожали друг другу руки.

— А как же наша недоигранная партия на бильярде? — Рокоссовский указал на перебинтованное плечо Чумакова.— Помнишь, в прошлом году в Сочи не доиграли?

— Доиграем, когда немца прогоним,— не без горечи в голосе ответил Чумаков.— А ты загорел, будто не из Москвы едешь.

— В Москве был транзитом — в Генштабе, получил новое назначение.

— Уже успел повоевать?!

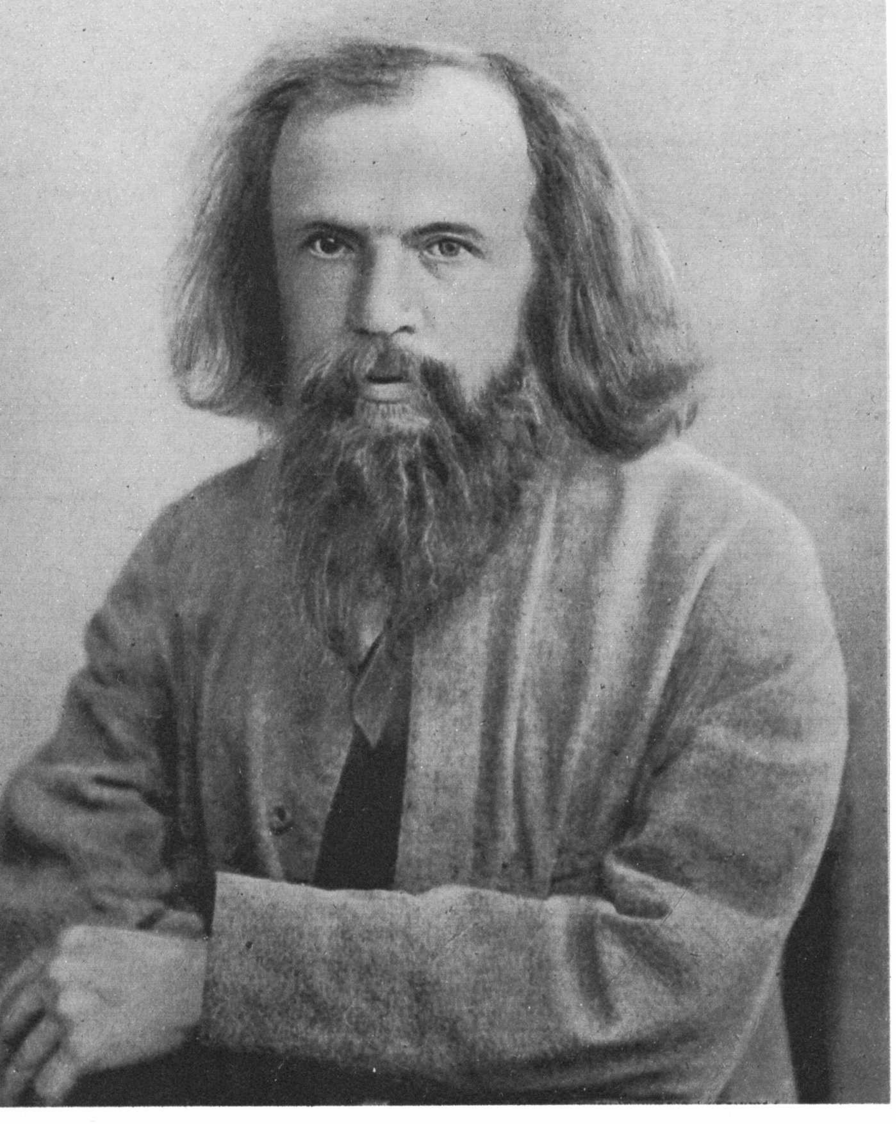
— На Юго-Западном... Меня, потомственного кавалериста, пересадили там на мотомеханизированный корпус.

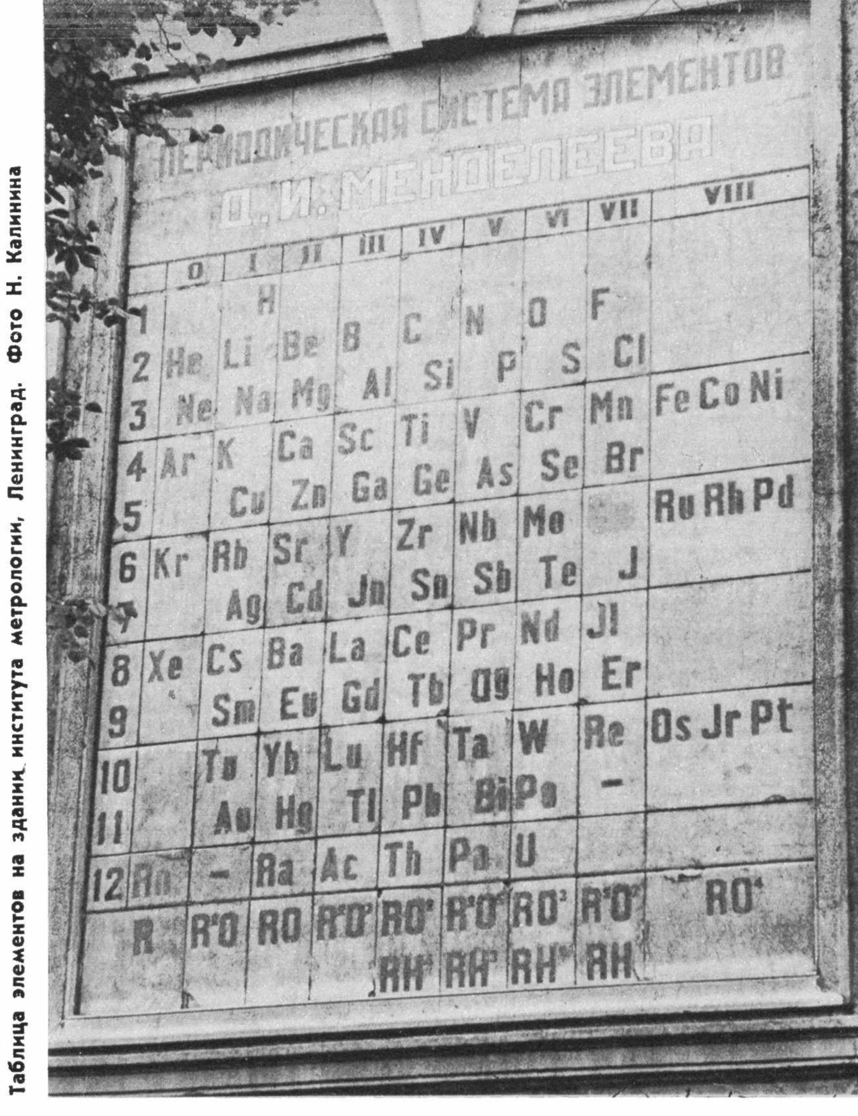
— Мы с тобой как под копирку отлаженные: и я мотмехом командовал. Воевал от границы до Смоленска, пока косая чуток не коготнула.

— Ну, тогда считай, что я на твое место назначен.— Рокоссовский посерьезнел, отчего на его лицо будто надвинулась тень.— Приказано сколотить армию и сдержать немцев на Ярцевском направлении.

— Сдержать мало,— с убежденностью сказал Чумаков.— Надо отбросить, а то перехватят горловину между Ярцевом и Ельней, и останется в капкане не один десяток тысяч наших людей... Да и техника. На переправах через Днепр — у Соловьева и Ратчина — уже сейчас светопреставление.

Продолжение следует.

Дмитрий Иванович Менделеев.
Таблица элементов на здании института метрологии, Ленинград. Фото Н. Калинина

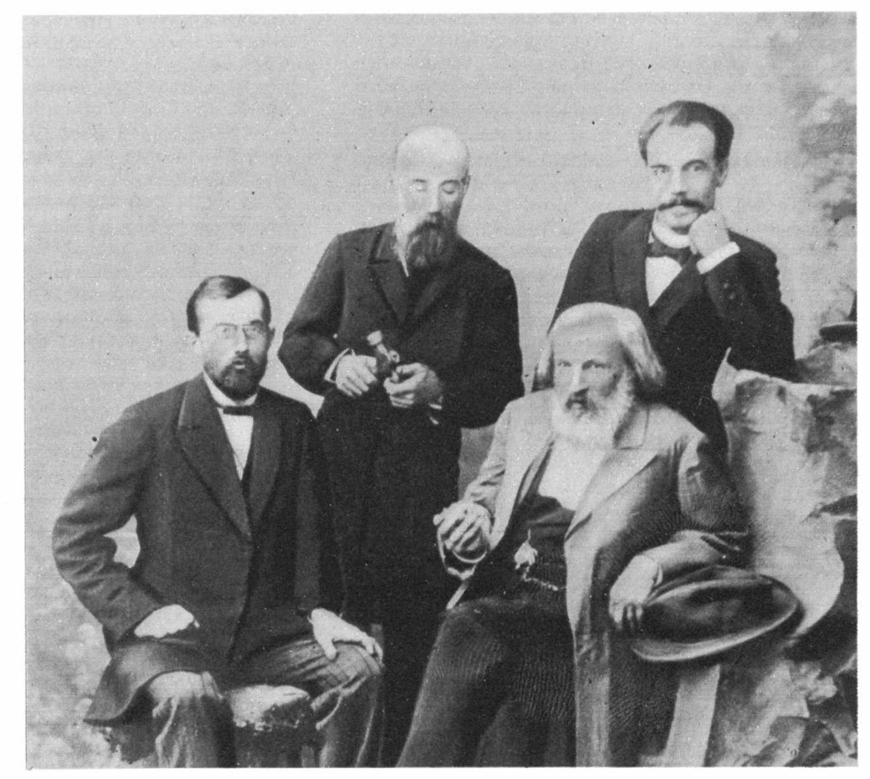
НАУЧНОЕ ПРОРОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ХИМИКА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Д. И. Менделеев и А. И. Куинджи за игрой в шахматы. На втором плане А. И. Менделеева.

Менделеев с группой ученых, обследовавших уральские заводы. 1899 год.

Академик Б. М. КЕДРОВ

Летом 1918 года В. И. Ленин написал статью «Пророческие слова». Она начиналась так: «В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт».

Что же дает людям возможность осуществлять научное пророчество? Прежде всего знание законов наблюдаемых явлений.

Великий русский ученый Д. И. Менделеев в своих научных пророчествах опирался на знание великого закона природы, открытого им 17 февраля 1869 года.

Не успел Д. И. Менделеев внести последние записи, воплощавшие в себе сделанное им открытие, как могучей волной стали возникать перед его мысленным взором пророчества, удивительные по своей смелости.

Первое такое пророчество носило попервоначалу, казалось бы, незначительный характер: Менделеев уменьшил общепринятый тогда атомный вес бериллия в полтора раза, с 14 до 9,4, как этого требовал только еще открываемый периодический закон.

Среди химиков-эмпириков этот шаг великого ученого вызвал протесты и недоумения: как можно изменять найденные опытом величины на основании какой-то придуманной таблицы? Ведь опыт — это основа всех основ, а факт — фундамент всей науки. Но Менделеев резонно возражал: а что если факт был установлен неправильно? Что тогда? И он отвечал: надо владеть фактами, а не быть их рабом. Тем не менее химики еще целых 15 лет тщетно пытались оспорить правомерность первого научного прогноза, сделанного Менделеевым на основании периодического закона, и только в 1884 году наконец самые упрямые противники Менделеева признали его правоту, а значит, силу и мощь его научного пророчества.

Замечателен тот факт, что периодический закон одним разом, словно через громадное увеличительное стекло, позволил обнаружить ошибочность того, что химики принимали за непреложный факт не только у бериллия, но и у многих других элементов, в том числе и урана. Его атомный вес считался равным 120; Менделеев, опираясь на свой закон, предсказал, что его надо увеличить вдвое и поставить уран в самом конце периодической системы элементов. Это пророчество Менделеева вскоре подтвердилось, и в результате уран стал самым тяжелым элементом, завершающим собой весь ряд элементов. Правда, возник вопрос: почему ряд обрывается именно ураном? Ответ дала ядерная физика спустя много десятилетий после смерти Менделеева. Однако своим пророческим взором ученый верно предвидел, что судьба его учения о веществе какими-то еще неизвестными узами связывается с ураном. Незадолго до смерти он писал в своем фундаментальном труде «Основы химии»: «Убежденный в том, что исследование урана, начиная с его природных источников, поведет еще ко многим новым открытиям, я смело рекомендую тем, кто ищет предметов для новых исследований, особо тщательно заниматься урановыми соединениями». И добавляет, что изучение именно урана способствовало утверждению периодического закона...

Какое смелое предвидение! Ведь когда были написаны эти слова, не было еще открыто атомное ядро, не был известен такой «снаряд» для его бомбардировки, как нейтрон, а идея об атомной энергии только еще зарождалась. Спустя треть века, когда было открыто деление ядра атома урана, раскрылся в полной мере глубочайший смысл менделеевского пророчества о том, что в уране таится ключ к дальнейшему прогрессу всего учения о веществе и об энергии.

Но, конечно, самые замечательные научные пророчества Менделеева касаются не открытых еще тогда элементов. Менделеев на основании периодического закона предсказал не только их существование в природе, но и их свойства, причем с такой точностью, словно он эти, никому еще не ведомые вещества клал на весы и взвешивал, растворял в кислотах, клал их соединения в стакан с водой, разогревал на огне,— словом, поступал так, будто они были в его руках, видимые глазом и осязаемые. Это было воистину удивительное пророчество. И только периодический закон давал уверенность в истинности предугадываемого. Химики-эмпирики только пожимали плечами: как можно, спрашивали они, нечто воображаемое представлять как вещественное, осязаемое? Это же голая фантастика, пустая вера в чудеса, недостойная подлинного ученого.

Рассмотрим лишь одно из трех самых замечательных пророчеств Менделеева. В созданной им системе элементов под алюминием оказалось пустое место, не занятое никаким элементом. Менделеев предугадал, что сюда должен будет со временем встать металл, похожий на алюминий, но тяжелее его. Предварительно он назвал его «экаалюминий», что значит «первый после алюминия». Учитывая значение различных свойств у его соседей по таблице и ход изменения этих свойств при переходе от одного элемента к другому, Менделеев предсказал, что экаалюминий будет металлом с очень низкой температурой плавления, а удельный вес элемента будет 5,9—6. Поразительно, но факт: Дмитрий Иванович не только предвидел физико-химические свойства экаалюминия: растворимость, летучесть солей и другие,— но даже предсказал способ, которым элемент будет открыт,— спектральный анализ.

Тогда были лишь предсказания, но настал 1875 год... Французский химик Лекок де Буабодран, изучая пиренейский минерал, обнаружил в нем с помощью спектроскопа новый химический элемент — металл, изучил его и назвал галлием. Ни работ Менделеева, ни его предсказаний французский химик не знал. Самым удивительным свойством нового элемента была легкоплавкость. Сейчас в школах показывают, как галлий превращается в жидкость и течет, будучи просто зажат в ладони.

Менделеев узнал об открытии французского химика из печати и сразу понял, что галлий — это и есть предсказанный им экаалюминий.

Но Лекок де Буабодран нашел у своего галлия удельный вес 4,7 — значительно меньший, чем предсказанный Менделеевым для экаалюминия. Значит, делали вывод противники Менделеева, галлий — это совсем другой элемент.

Тут-то и проявилась замечательная способность менделеевского пророческого ума: мысленным взором он проследил, как в Париже, за тысячи верст от Петербурга, работал его французский коллега. Ведь, чтобы получить чистый металл (для определения его плотности), надо было воспользоваться как восстановителем металлическим натрием, а его удельный вес очень мал, меньше, чем у воды. Значит, малейшая примесь натрия должна резко снизить плотность галлия. И Менделеев посоветовал де Буабодрану очистить свой галлий от возможной примеси натрия! Последовав совету Менделеева, Лекок провел два опыта: первый дал результат 5,90, второй — 5,97. В среднем — 5,935. Для проверки был сделан еще один опыт, который дал плотность галлия — 5,956. Лучшего совпадения с предсказанием Менделеева нельзя было ожидать: ведь предсказано было значение, лежащее между 5,9 и 6,0!

Пораженный полученным результатом, Лекок де Буабодран написал: «Я думаю, нет необходимости настаивать на огромном значении подтверждения теоретических выводов г. Менделеева относительно плотности нового элемента». Он стал одним из самых верных приверженцев системы Менделеева. А несколько лет спустя, Ф. Энгельс в «Диалектике природы» назвал предсказание Менделеевым галлия научным подвигом...

Среди ученого мира такой триумф Менделеева и его периодического закона вызвал подлинное потрясение умов. То, что казалось поначалу пустопорожней фантазией, обернулось подлинно научным подвигом. Менделеев, никогда не видевший и не трогавший руками галлия, все же мысленно видел его яснее, чем химик, работавший с галлием в своей лаборатории! Это было свидетельство громадной мощи и прозорливости человеческого ума, непревзойденной силы диалектики научного познания.

Вспоминаю, что как раз в день и час «рождения» галлия, но только 100 лет спустя, я открывал в качестве председателя заседание 1-й секции очередного Международного конгресса по логике, методологии и философии науки. Конгресс был в Лондоне, только не в Англии, а в Канаде, я подробно остановился на истории открытия галлия и был рад, что мог привлечь внимание к этому юбилею участников международного форума ученых, как к одной из замечательнейших страниц мировой науки, говорившей, в частности, о научном содружестве ученых двух стран — России и Франции.

Очень интересны догадки Менделеева о существовании элементов, оказавшихся впоследствии инертными газами. Все эти и другие его пророчества точно так же основывались на периодическом законе.

Пример великого русского химика увлек ученых других стран. Так, английский химик В. Рамзай, ученик и последователь Менделеева, пользуясь методом своего учителя, предсказал существование и свойства неона, руководствуясь тем, что было известно в отношении открытых в конце XIX века гелия и аргона. Впоследствии он писал: «По образцу нашего учителя Менделеева я описал, поскольку возможно было, ожидаемые свойства и предполагаемые отношения газообразного элемента, который должен был бы заполнить пробел между гелием и аргоном». Когда в 1897 году Рамзай открыл им же предсказанный неон, то это был триумф не только его личный, но и общего прогностического метода Менделеева, которым воспользовался английский ученый.

Наступил XX век. Менделеев все чаще задумывался о судьбах своего закона, о том, что ждет его впереди. Летом 1905 года, тяжело больной, за полтора года до смерти, ученый высказал еще одно замечательное пророчество: «По видимости периодическому закону — будущее не грозит разрушением, а только надстройки и развитие обещается...» Эти слова были сказаны в условиях бушевавшей бури в умах ученых всего мира, вызванной «новейшей революцией в естествознании», как ее называл В. И. Ленин. Рушились тогда старые представления об атомах как неделимых частицах материи и о химических элементах как вечных, неразлагаемых и невзаимопревращаемых ее видах. Электрон и «революционер радий» ломали прежние устоявшиеся представления о неизменной массе и атомном весе, коренной ломке подвергались все старые законы и принципы науки, и было естественно ожидать, что революционный вихрь сомнет и периодический закон. Но Менделеев твердо верил в его прочность и незыблемость. Дальнейшее развитие физики полностью оправдало его веру.

Оказалось, что великие физические открытия, вызвавшие «новейшую революцию в естествознании», такие, как лучи Рентгена, радиоактивность и радий, электрон и другие, не только не поломали периодического закона, но, наоборот, сами раскрыли свой собственный смысл через этот закон и благодаря ему.

Датчанин Нильс Бор создал атомную модель, в которой вокруг атомного ядра вращаются электроны, словно в миниатюрной солнечной системе. Разрабатывая свою модель дальше, Бор дал новое физическое толкование всему периодическому закону, как это и предвидел Менделеев, говоря, что его закону не грозит разрушение, а предстоят лишь надстройки и его развитие.

В результате прогностическая способность у закона Менделеева возрастала с каждым годом. Так, в 1913 году с помощью рентгеновских исследований было обнаружено еще одно пустующее место в предсказанной системе. В свое время Менделеев догадывался, что это место должен занять будущий экацирконий, но потом химики стали доказывать, что на пустующее место должен встать какой-то еще неизвестный редкоземельный металл из семейства лантаноидов. От решения вопроса зависело то, в каких природных минералах надо искать недостающий элемент: среди спутников циркония или же среди редкоземельных металлов? Ответ дала электронная модель атома Бора. Она доказала, что Менделеев прав. Экацирконий был найден вскоре же в норвежской цирконовой руде и назван гафнием в честь старого названия датской столицы, родины Н. Бора.

Итак, революционный шквал физических открытий не только не поколебал периодического закона, но придал ему новый облик и блеск, незыблемо утвердив его в науке. Он подчинил себе такие открытия физики, как лучи Рентгена, радиоактивность и радий, электрон, теорию квантов и понятие фотона, атомное ядро с его зарядом, и многие другие. Выяснилось, что он образует собой как бы их общую сущность, связывает их воедино, хотя сам Менделеев в свое время опасался, как бы открытие электронов и теория радиоактивности не нанесли ущерба его закону.

Прошли годы, началось бурное развитие ядерной физики. Ученые научились синтезировать не встречающиеся в природе элементы, и те заняли места в периодической системе за ураном. Осуществлялся далекий прогноз Менделеева, привлекавший внимание ученых к изучению урана, которым тогда обрывалась периодическая система. Руководящими принципами в искусственном приготовлении новых элементов неизменно служил закон сдвига и лежащий в его основе закон Менделеева. Вот почему, когда были синтезированы первые восемь трансуранов от 93-го до 100-го, встал вопрос, как отметить роль Менделеева и его закона в рамках ядерной физики. Выдающийся американский ученый Гленн Сиборг, он принимал участие в Международном конгрессе по истории науки в 1971 году в Москве, назвал синтезированный им 101-й элемент «менделевием». Объяснил он это так, что периодический закон Менделеева до сих пор помогает физикам синтезировать новые элементы.

Значит, пророческая мощь менделеевского гения с годами не только не ослабла, а возросла в огромной степени на пользу науке и человечеству.

А. И. МЕНДЕЛЕЕВА

«Менделеев в жизни»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

<...>Самобытность и оригинальность Дмитрия Ивановича проявлялись во всем. Особенно в его лекциях.

Лекции Дмитрия Ивановича собирался слушать весь университет. Экзекутор университетский говорил, что на лекциях Менделеева стены потеют. Вот как передает внешнее впечатление один из его слушателей:

<...>«Я был студентом в 1880 году и вместе со всеми студентами ломился в аудиторию Дмитрия Ивановича. Кто не помнит его лекции! Да и возможно ли их забыть. Вот он подымается на кафедру. Там уже ассистент его — Дмитрий Петрович Павлов. Дмитрий Иванович становится на свое место; Павлов ему напоминает, на чем он остановился на прошлой лекции, и вот, подумав, сосредоточась, начинает говорить Дмитрий Иванович без определенной программы, но вдохновенно. Громадный баритон, прекрасная от природы дикция, выразительная, своеобразная красивая жестикуляция, в высшей степени оригинальная речь, то замедленная, то ускоренная — послушная стройному полету его мысли — все это поражало слушателя, и аудитория Менделеева была всегда переполнена.

Раз пришел Дмитрий Иванович расстроенный, бледный, долго ходил он молча, потом начал говорить — о Достоевском, который только что скончался. Под впечатлением этой смерти он не мог удержаться, чтобы не высказать своих чувств. Говорил он так, сделал такую характеристику, что, по словам студентов, не было ни до, ни после глубже, сильней и проникновенней. Пораженные студенты молчали, тихо-тихо разошлись и навсегда сохранили память об этой лекции, на которой гений говорил о гении» <...>

Отличительным свойством Дмитрия Ивановича было отдаваться всецело тому предмету, которым он в данную минуту был занят, будь это научный вопрос, хозяйственный, общественный или даже домашнее дело. Он интересовался самыми разнообразными вопросами, но не разбрасывался — все грани его творчества связаны какими-то нитями, составляя одно целое. Как будто даже не в его воле было не углубляться в представлявшийся ему вопрос или относиться поверхностно. Когда, бывало, в деревне его звали взглянуть на какую-нибудь производившуюся работу — рытье колодца, постройку,— если в это время у него было какое-нибудь другое дело, он сердито отказывался, потому что знал, что увлечется и потеряет много времени, ограничиться одним советом он не мог.

Интерес к фабрично-заводской промышленности зародился у Дмитрия Ивановича, по его собственным словам, еще в детстве в Сибири, в селе Аремзянском, на стекольном заводе, где он провел детство и где он вникал в эту заводскую жизнь.

Он глубоко верил в то, что фабрично-заводская промышленность необходима для правильного развития, для роста благосостояния России.

О земледелии Дмитрий Иванович говорил, что наблюдается уже переход сельского хозяйства из стадии первичной к более совершенной, промышленной, которая стремится к возможно полной замене работы «трудом» (его оригинальное выражение, которое он развил в своих «Заветных мыслях»).

<...>Разные лица, видевшие его в разные эпохи жизни, сходятся в определении его внешности в одном: он имел наружность какой-то другой эпохи. Профессор Вальден, немецкий биограф Дмитрия Ивановича, пишет: «Внешность Менделеева была совершенно своеобразна. По богатству своих ниспадающих волос и форме бороды он представлял характерную голову, красивей и выразительней которой не найти даже у Доре в его иллюстрациях». Андрей Белый, видевший Дмитрия Ивановича в Боблове, назвал его Саваофом.

Мне, когда я увидела Дмитрия Ивановича в первый раз издали на акте в университете, он показался похожим на Зевса.

Итальянский профессор Назини лично мне говорил о своем восхищении головой Дмитрия Ивановича и находил у него сходство с Гарибальди. Выражение лица его и глаз менялось, смотря по тому, о чем он думал и говорил. Когда он говорил про то, чего он не любил, он морщился, охал, мотал головой, например, на словах: «церковники», «латынщина», «тенденция». Но когда говорил о верховной стихии, о движении, науке, голос его звучал ясно и низко, голова поднималась, глаза сверкали. В семье, с детьми, это было необыкновенно нежное, мягкое, добродушное и какое-то особенно трогательное выражение.

Дмитрий Иванович был большого роста, никогда не был полным, плечи несколько приподняты, я думаю, от постоянной работы за письменным столом. Очень выразительны у него были руки, «психические», как говорят. Помимо его воли и желания руки его выразительно жестикулировали. Широкие, быстрые и нервные движения рук отвечали всегда его настроению. Когда его что-нибудь расстраивало, он обеими руками хватался за голову, и это действовало на присутствовавших сильней, чем если бы он заплакал. Когда же он задумывался, то прикрывал глаза рукой, что было очень характерно. И странно — все жесты и экспрессии его лица и рук были всегда своеобразны, красивы, хотя он об этом совсем не думал. Тембр голоса у него был баритон, звучный, приятный, металлический, но в разговоре он переходил иногда и на глухие, низкие ноты баса и на высокие теноровые. И эта изменчивость и жестов и самого голоса придавала много живости и интереса его словам, разговорам и речам.

<...>Одевался Дмитрий Иванович до крайности просто. Дома носил всегда широкую суконную куртку без пояса самим им придуманного фасона, нечто среднее между курткой и блузой, почти всегда темно-серого цвета. Редко приходилось видеть его в мундире или во фраке. Лентам и орденам, которых у него было много, до Александра Невского включительно, он не придавал никакого значения и всегда сердился, когда получал звезды, за которые надо было много платить.

Одежде и так называемым приличиям он не придавал ни малейшего значения во всю свою жизнь. В день обручения его старшего сына Владимира с Варварой Кирилловной Лемох ему сказали, что надо непременно надеть фрак.

— Коли фрак надо, наденем фрак,— сказал он добродушно и надел фрак на серые домашние брюки.

Дмитрий Иванович вел всегда одинаковый простой труженический образ жизни, но нельзя сказать, чтобы строго правильный. Все зависело от работы; работал он, если можно так выразиться, запоем. Иногда несколько суток не отрывался от работы, а потом ляжет и целые сутки спит. Все привычки его были очень простые.

С утра, сразу, Дмитрий Иванович садился работать и работал часов до $5^1/_2$. Выходил гулять на $^1/_2$ часа, иногда больше, когда отправлялся купить фрукты, игрушки или принадлежности для своих занятий. Обедал всегда в шесть часов. За обедом был очень разговорчив, если был здоров. Ел Дмитрий Иванович очень мало и не требовал разнообразия в пище: бульон, уха, рыба. Третьего, сладкого, почти никогда не ел. Иногда он придумывал что-нибудь свое: отварной рис с красным вином, ячневую кашу, поджаренные лепешки из риса и геркулеса. Иногда одно из этих блюд он просил подавать каждый день по целым месяцам. В кругу наших знакомых иногда такие любимые кушанья Дмитрия Ивановича входили в моду, но только что они входили в моду, как Дмитрий Иванович придумывал другое. <...>

Через полчаса после обеда Дмитрий Иванович опять принимался за работу и иногда работал и всю ночь.

Вечером иногда его навещали друзья: К. Д. Краевич, Н. А. Ярошенко, А. И. Куинджи и А. И. Скандер, который раза два в месяц приезжал играть в шахматы. Играл с ним в шахматы также и А. И. Куинджи. Дмитрий Иванович любил играть в шахматы; играл он нервно, волновался, я видела даже, как иногда у него дрожали руки, когда он переставлял фигуры. Почти всегда он выигрывал.

<...>Одно из удовольствий, которые Дмитрий Иванович любил себе доставлять, была баня. Он не любил принимать домашние ванны, а шел в общую баню, где оставался долго. Любил полок, веники и беседы с банщиками. Возвратясь из бани, пил чай и чувствовал себя именинником.

Так жил Дмитрий Иванович простым русским человеком, ни в чем никогда не проявляя ни малейших буржуазных вкусов или наклонностей. Где бы он ни был, куда бы ни ездил, возвращался домой всегда с особенным чувством радости — к своей семье и простым привычкам.

Въездная аллея в Боблове. **Фото М. Савина**

Не меркнет память

Владимир ПОТРЕСОВ,
кандидат технических наук

Костромской архитектор, родственник Д. И. Менделеева А. В. Максимов многие годы собирает материалы о великом русском ученом.

А. В. Максимов впервые увидел подмосковную усадьбу Боблово, где более сорока лет жил и работал великий ученый, в 1920 году.

Как-то у развалин сгоревшего дома Менделеева, в ветвях огромного Сторожевого дуба он обнаружил странный шест. Для чего этот шест был предназначен, Максимов узнал от сына Дмитрия Ивановича, профессора И. Д. Менделеева, жившего тогда летом в Боблове.

Он рассказал Максимову, что в 1899 году Александр Степанович Попов, гостивший в селе Бабайки у своего друга, племянника Д. И. Менделеева, профессора гигиены Михаила Яковлевича Капустина, предложил Дмитрию Ивановичу эксперимент — провести сеанс радиосвязи Бабайки — Боблово, расстояние между которыми около четырех верст.

Так вот, оказывается, на дубе находилась антенна приемного аппарата, который обслуживал сам Дмитрий Иванович. В условный час аппарат был включен, и Менделеев принял радиограмму из Бабаек.

Это была первая находка, первая страница будущего менделеевского собрания Арсения Максимова. Позже он занялся историей имения, строений его усадьбы, в чем ему охотно помогали старшие родственники.

Еще перед войной Максимов неоднократно встречается с вдовой великого ученого, Анной Ивановной Менделеевой, и тщательно записывает ее рассказы о жизни мужа.

Вот один из таких рассказов, хранящихся в архиве Максимова, о встрече Д. И. Менделеева с драматургом А. Н. Островским, подтверждающий весьма оригинальный, своеобычный взгляд ученого на искусство. Эту историю Дмитрий Иванович частенько рассказывал сам, и Анна Ивановна поведала ее, как слышала не раз от мужа:

«Тогда я был несколько моложе, да малость озорнее. Вот и завязался у нас с ним (А. Н. Островским.— **В. П.**) *острый, творчески принципиальный спор. Островский, конечно, отстаивал свою тенденцию, то есть творческое изыскание из жизни отрицательных образов, и стремился их обличать для того, чтобы в конечном счете искоренять их из жизни.*

А я, говорил Менделеев, проповедую оперу с ее красивым антуражем, эффектным освещением, лиричностью образов на фоне изысканных голосов. Здесь-то зритель уходит в мир иной. Полностью отключается от жизненных сует да забывает все и вся. От него как бы уходят все заботы, нужды, даже, можно сказать, и недуги, так как многие из них суть нервы.

Вот тогда и происходит во внутреннем состоянии зрителя как бы перевоплощение, которым и создается незабываемый полный отдых.

Помню, продолжал Дмитрий Иванович, мы страсть как «распетушились», как о нас сказал наш спутник художник И. Е. Репин.

Но так как все было в тоне подчас острого юмора и бесконечного смеха, от которого даже у нас челюсти болели, к тому же отпускалась куча комплиментов, то сей спор страсть понравился всем — не только нас слушающим, но и нам самим.

После Александр Николаевич откровенно мне признался, что с ним еще в жизни никто не говорил так, как я.

Под конец, прощаясь, драматург так мне жал руку, что она еще неделю болела, напоминая этим наш разговор.

На прощание я поблагодарил его за «талан», который вытягивает из жизни самые острые нюансы и ловко, именно талантливо, выводит их в своих театральных образах.

Расстались обоюдно искренними друзьями, только больше нам так и не пришлось встретиться».

Квартира А. В. Максимова в доме на старинной Боевой улице — своеобразный музей, где собраны менделеевские реликвии. Он раскрывает старые семейные альбомы: вот фотографии родных Дмитрия Ивановича, сделанные самим ученым в его кабинете, вот старый особняк в Боблове, а вот живописный пруд Оазис — место прогулок Менделеева.

Схемы и реконструкции, записи и фотографии, выполненные и собранные А. В. Максимовым, окажут неоценимую помощь в восстановлении Боблова, а многие материалы смогут в будущем украсить экспозицию мемориальной усадьбы великого ученого.

Кострома — Москва.

Д. И. Менделеев с детьми в Боблове.

Старый дом ученого в Боблове.

В. СУХОДОЛЬСКИЙ.
Фото автора

Защищая революцию

С чего начать, какими словами рассказать о тебе, Афганистан? Вот уже месяц, как я вернулся на Родину, а мысленно до сих пор нахожусь на афганской земле — иду по узким улочкам Джелалабада, любуюсь голубыми сводами всемирно известной мечети в Мазари-Шарифе, поднимаюсь с автоколонной к перевалу Саланг по трассе, пробитой среди отвесных диких скал Гиндукуша; стою в Кабуле перед памятной колонной, что воздвигли в честь победы афганских войск над англичанами под Майвандом; сижу у костра с нашими солдатами в горах и слушаю их неторопливые рассказы о родных селах и городах; лечу на вертолете в афганскую мотострелковую часть, а потом долго пробираюсь в дальнее ущелье к разведчикам...

Трудно живется Демократической Республике Афганистан. Банды контрреволюционеров, направляемые из-за рубежа, терроризируют местное население, уничтожают школы и больницы, устраивают диверсии на фабриках и заводах, взрывают мосты, минируют дороги. В очередном финансовом году Вашингтон выделил для афганской контрреволюции 105 миллионов долларов.

Однако не помогают контрреволюции доллары. Вспоминается дальняя дорога в провинции Саманган в «красный кишлак» Чакмакли, который еще месяц назад пустовал. Вернулись туда жители, те, что были с бандитами в горах, поняли: не по пути им, простым крестьянам, с контрреволюцией. Народная власть помогла с продовольствием, открыли в кишлаке школу, создали отряд самообороны, и несут крестьяне боевое дежурство ночью и днем на четырех дозорных постах — укрепленных горных вершинах, окружающих кишлак.

Вспоминаю людей, с которыми свела меня журналистская судьба на афганской земле. Среди них — старший лейтенант Игорь Плосконос, командир разведроты, Герой Советского Союза, который, как говорят про него, «всю эту землю на животе прополз».

Игорь рассказывает о своей роте, о товарищах. С гордостью называет имена афганских друзей:

— Подполковник Таи Мухаммад. Наткнулись на него, раненного, ночью в ущелье. На себе его нес, никому не отдал. Или вот командир местного оперативного батальона царандоя (народной милиции.— **Прим. ред.**) Али Джон, Аликом его зовем,— отчаянный парень, ранен дважды, лечили мы его у себя. Это настоящие бойцы. У многих ни семей, ни родителей — бандиты повырезали. Армия для них — и служба и дом. Знаете, что отрадно? Бандиты начинают понимать бессмысленность своей борьбы с народной властью, переходят на ее сторону. В кишлак Дарирабад 200 человек вернулись. В Ишантоб три недели назад тоже возвратились жители. Покинули банду. Виделся с ними недавно. И в Кишме та же история...

Нелегко живет Афганистан. Небогато. Но как ни трудно республике, она борется, идет вперед. Много школ разрушено или сожжено бандитами, но строятся новые, и дети садятся за парты, узнают из книг и рассказов учителей о революции, о своей замечательной стране и ее истинном друге — Советском Союзе. В цехе готовой продукции государственной типографии я не увидел других книг, кроме школьных учебников — сейчас они стране нужнее всего.

Уже подрастает новое поколение, преданное народной власти, сердцем принявшее революцию. Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета Бабрак Кармаль, выступая перед молодежью, говорил, что более половины населения страны сейчас в возрасте до 19 лет. Поэтому главная надежда революции — молодежь.

Боевой помощник Народно-демократической партии — ДОМА — Демократическая организация молодежи Афганистана. Она насчитывает уже 136 тысяч человек. Среди них — Нур Ака, Нурулла, Хамаюн, мои новые знакомые с завода «Джангалак», современного автомеханического предприятия на окраине Кабула. Здесь создан один из первых в стране отрядов гражданской обороны, и эти трое членов ДОМА — активнейшие бойцы отряда. С оружием в руках несут они боевую вахту по охране цехов.

Всякая революция, говорил Владимир Ильич Ленин, лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Поэтому не жалеет сил Народно-демократическая партия Афганистана, укрепляя вооруженные силы республики, направляя в армию лучших своих товарищей. Каждый пятый в афганской армии — член НДПА.

...Стартовая позиция открылась взору неожиданно — машина долго поднималась по горной дороге на плоскую вершину, на которой среди глинобитных построек сверкнули на фоне уходящих вдаль горных цепей серебристые тела ракет. Мы прибыли в зенитное ракетное подразделение вооруженных сил ДРА. Недавно ракетчики успешно провели учебные стрельбы. Сбили мишень первой ракетой.

Все когда-то должно быть первым. В стране, где 90 процентов населения пока неграмотно, где шестнадцатый век соседствует с двадцатым, проведены первые ракетные пуски. И сделаны они на «отлично»! Фотографирую одного из солдат расчета. Рядовой Нуршали, родом из провинции Кунар, из многодетной крестьянской семьи. В армии он три года и 36 дней. Здесь научился читать и писать. Недавно ракетчики приняли его кандидатом в члены НДПА. Всем сердцем воспринял он призыв партии — служить в армии, пока революция в опасности, пока существует угроза ее завоеваниям. Отслужив три года, решил: ракетчики — это его семья, и он будет с ними до полной победы революции.

— Все-таки хорошо быть первым? — спрашиваю командира подразделения полковника Валиша Ахмадзая, немолодого уже офицера с обветренным лицом. В Народно-демократической партии Афганистана он уже девять лет, вступил в нее задолго до революции. Да, надежным бойцам доверила народная власть первые афганские ракеты.

Он выдерживает паузу, потом негромко, спокойно говорит по-русски:

— Да, первым быть хорошо, но трудно... Империалисты не жалеют денег, чтобы задушить нашу революцию. Только есть у нас верный, испытанный друг — северный сосед, Советский Союз.

И мой собеседник стал вспоминать:

— В 1920 году мы были бедны как никогда. Да и соседям нашим тяжко было. Но велика сила дружбы, единства. Уже тогда Советская Россия безвозмездно передала Афганистану десять самолетов, пять тысяч винтовок, один миллион рублей золотом.

«...Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства...» Это слова Владимира Ильича Ленина. Делами подтверждают советские люди ленинские слова. Все свои силы и знания отдают они афганским друзьям. Рука об руку трудятся на заводе азотных удобрений в Мазари-Шарифе руководитель группы наших специалистов Владимир Колпаков и президент завода товарищ Шарифи. На асфальтовом заводе под Наим-Абадом добрым словом вспоминают советского инженера Ивана Михайлова, приехавшего из небольшого уральского городка Ревды. Их «Ванечка» не уходил с завода, пока не добились они желанной цифры — 400 тонн асфальтобетона в день. В центральном военном госпитале в Кабуле работает первая женщина-хирург Афганистана кандидат медицинских наук Сухайла Седдык. Ее альма-матер — 1-й Московский медицинский институт. Тепло вспоминает она своих учителей — профессоров Виктора Ивановича Стручкова, Эммануила Викентьевича Луцевича. Просит передать им привет... На заводе «Джангалак» трудится инженер из Волгограда Александр Ровный — щедро делится он своим опытом с афганскими авторемонтниками. Листаю блокнот: фамилии, имена... Их много, всех, к сожалению, не перечесть.

...Перевал Саланг — самая высокая точка дороги Термез — Кабул, единственной автотрассы, соединяющей столицу республики с Советским Союзом. Афганская дорога жизни. Здесь, на Саланге, советскими специалистами пробит в базальтовой скале высокогорный тоннель — мощное инженерное сооружение, сэкономившее стране немалые деньги. На перевале трудятся афганские и советские воины — несут службу по охране дороги, ликвидируют последствия селей, снежных лавин, не допускают бандитских диверсий. Среди них — полковник Джамалуддин, капитан Ата Мухаммад, старший лейтенант Абдул Вакиль, подполковник Василий Романов, старший лейтенант Владимир Сагайдачный, старший прапорщик Анатолий Белов.

Пуржит сейчас перевал. Снежные заносы — тут обычное явление: высота 3300 метров. Улыбаются наши ребята: «Зато летом прохладно!»

На Саланге недавно приняли в члены КПСС военного водителя сержанта Евгения Балабаева. Читаю его характеристику. Простые, скупые строки: «Двенадцать раз принимал участие в доставке грузов для афганского населения. При этом проявил дисциплинированность, мужество, стойкость. Своевременно оказывал помощь афганским и советским водителям, подвергшимся нападению банд».

...Какими словами закончить рассказ о тебе, Афганистан? Наверное, тем, что поверить бумаге то нечастое после дальних странствий желание приехать сюда снова? А может, рассказом о том, как читали афганские комсомольцы Маяковского в Кундузе, как современно звучали его строки о земле, «с которой вдвоем голодал», о земле, которую «полуживую вынянчил», «где с пулей встань, с винтовкой ложись»?..

Завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе построен с помощью СССР * В зенитно-ракетном подразделении афганской армии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Подруги * В лаборатории горно-нефтяного техникума * Кандидат химических наук из МГУ Е. Ерохин проводит занятия с афганскими студентами * После совместных учений * На перевале Саланг несут службу по охране высокогорного тоннеля афганский офицер Абдул Вакиль и советский солдат рядовой Сергей Дерий * Белые голуби Мазари-Шарифа * Встреча в пути * В книжном магазине Кабула.

С. КАЛИНИЧЕВ

Такой характер

Разговор о качествах, характерных для истинного мужчины, зашел у нас случайно. От Херсона до села Львова километров тридцать. Я спросил попутчика:

— Как фамилия того дояра, Шарков или Жарков?

— Жарков,— ответил он.— Только не называйте Владимира Яковлевича дояром. Непрестижно. Лучше — оператор машинного доения. Звучит!..

Мне вспомнился почти былинный богатырь, которого только что видел за стойкой и между столиками в гостиничном буфете: разливает кефир, а то и напитки покрепче, собирает тарелки, почти не глядя, щелкает костяшками счетов. Такого не терзают вопросы престижности. Но это к слову...

Владимир Яковлевич Жарков и его жена Мария Андреевна за год надоили 974 тонны молока. Почти миллион литров!

В совхоз «Львовский» приехали в конце дня, и супруги Жарковы предложили переночевать у них— утро вечера мудренее... С первых же слов знакомства понял: общие привычки, общие суждения и даже внешне похожи. Встретились они в Вольске, на Волге. Марию Андреевну судьба занесла туда случайно, а Владимир Яковлевич волжанин. И виделись-то всего несколько часов, но успели разглядеть друг в друге нечто такое, чего другим, может, и не понять. Марии тогда не было и шестнадцати, а он готовился к службе в армии. Встретились, разъехались. Первое письмо ей он написал с Дальнего Востока, она ответила... И полетели письма через страну, от западной границы до восточной и обратно. В письмах они сказали друг другу то, чего не могли сказать за время их короткой встречи. Когда служба уже подходила к концу, все чаще стал задумываться Владимир, куда деваться? Дома у него, по сути, не было. А тут в часть приехал представитель московского Метростроя, очень приглашал...

Так Владимир стал метростроевцем. Работал опалубщиком, бетонщиком, монтажником. От Москвы до Закарпатья не так уж далеко. И письма летали чаще. Шел четвертый год переписки. Если собрать все, что написала Мария, да издать — хоть в Союз писателей принимай! Были в письмах не только мажорные, но и минорные ноты. В наши дни, когда отдельные остряки гравируют на обручальных кольцах «И это пройдет...», четырехлетний почтовый роман явно затягивался. Владимир считал, что брак — это ответственность, и прежде, чем завести семью, надо утвердиться в жизни. Он работал. Его отмечали, несколько раз его фамилию упоминали в столичных газетах. Как передовику производства, Владимиру и его другу дали двухкомнатную квартиру в Москве — по комнате. Вот тогда-то он и поехал в Закарпатье.

План был простой: в загс — и в Москву. Мария первую часть плана приняла, но уезжать из села наотрез отказалась. «Там и без меня людей много»,—сказала. Несколько лет прожили в Закарпатье. Владимир работал шофером. Выросший на «главной улице России», привыкший к волжским просторам, затосковал в зеленых горах. И стал агитировать жену, чтобы уехать туда, где попросторнее. Так они оказались «в степи под Херсоном». Мария работу себе не выбирала, она лет с пятнадцати в доярках, а Владимир вначале был трактористом. Здесь, в совхозе «Львовский», молочный комплекс только-только строился... Окончит он работу, поставит трактор и бежит жене помочь. Она одну корову доит, он — другую, чтобы побыстрее. И спешат с Марией домой, к ребенку.

Добросовестность от профессии не зависит. Человек добросовестный, какую работу ни дай, отнесется к делу со старанием. Может не хватить умения, но тогда старательность только возрастет. Главный ветеринар совхоза Павел Савватеевич Кошевой заметил тракториста возле буренок, присмотрелся к нему и предложил стать дояром. Владимир подумал: был он столяром и плотником, шофером и бетонщиком, монтажником, сварщиком, слесарем, даже в школе телемехаников по вечерам занимался, но доить коров? Помогая жене, давно убедился: работа трудная...

Согласился. Дали группу коров, поручили раздаивать буренок после отела. Дело ответственное, за десяток дней формируется продуктивность животных на долгий период до новой стельности. Владимиру туго пришлось. За один присест выдоить сотню литров молока вручную — это не баранку крутить. Руки отваливались. Вначале, конечно, Мария помогала, потом втянулся. А через два месяца на ферме появились доильные аппараты «импульс». К ним он приладился быстро. Закончили в совхозе и строительство нового доильного цеха с установками типа «елочка», и Владимир Жарков первым освоил новую технику.

Было это давно, еще в 1977 году. Внедрение «елочек» сулило переворот в производстве молока, один человек мог теперь выдаивать не двадцать коров, а хоть сто!.. «Елочку» предстояло не только самому освоить, но приучить к ней животных. Поначалу не слушались коровы. Да и техника не слушалась. По ходу дела исправляли одну неполадку за другой, и Владимиру Яковлевичу приходилось частенько брать в руки инструменты, помогать слесарям. Дольше других механизмов «упрямился» цепной транспортер. Уже и наладчики уехали, свалив вину на конструктивные недоделки. Уже и руководство приставило к каждой паре операторов третьего человека. Третий бегал с ведром и вручную засыпал корм — заменял транспортер... Надо ли объяснять, как третий нелишний снижал расчетную производительность труда! Нет, Владимир не смирился. Вместе со слесарем Анатолием Демченко, который и ныне обслуживает установку, они колдовали над транспортером, частенько и после работы. Надоедали начальству, просили то сварочный аппарат, то еще что-то. Транспортер заработал.

Мне думается, что своими успехами Жарковы во многом обязаны вот этому первому и самому трудному периоду становления молочного комплекса. Чтобы полюбить дитя, его надо вынянчить... Успехи пришли. На областном соревновании операторов машинного доения Владимир Яковлевич занял первое место, на республиканском — второе. И бронзовую медаль — за достижение во всесоюзном соревновании. Награжден орденом «Знак Почета», Мария Андреевна — медалью «За трудовую доблесть».

...Мы сидели вечером в их большом теплом доме, за окнами шелестел слякотный зимний дождик, уютно светился экран телевизора, перед ним — детишки. Их трое. Алене уже десять лет, Алеше — шесть, Денису два года. Неторопливо текла беседа, особый уют всему дому придавало спокойное, я бы сказал, умиротворенное лицо хозяйки. И тут меня осенила неожиданная мысль: «Как же так? В половине пятого утра муж уходит на работу. До девяти. Потом после полудня снова уходит... Выходной в неделю один. А дома — трое детей, мал мала меньше, да в хлеву теленок, поросенок, утки, куры. Все они требуют еды, ухода... А тут ни тени суеты!» Спросил об этом.

— Дети помогают. И Володя. Когда Лена была маленькая, оставляли одну. Бегу на ферму, а сердце разрывается. Потом Алеша родился, и я полгода не работала. Лена за то время сразу серьезнее стала, ответственность почувствовала. И я успокоилась. Ей пять лет было, а я оставляла с ней шестимесячного Алешку. Теперь что,— она в четвертом классе. Пока мы с работы придем — младших накормит, в комнатах уберет, а под настроение и ужин нам приготовит.

Лена с младшими сидела у телевизора, слышала наш разговор, но даже не обернулась. Лишь через какое-то время посмотрела на часы, увела братьев в другую комнату, уложила спать, не забыв посадить младшего на горшок, и погасила свет.

...Я не слышал, как в четыре утра поднялись супруги и ушли на работу. Проснулся оттого, что из большой комнаты просачивался свет и слышались приглушенные детские голоса. Лена была одета, косички заплела, а ребята одевались и убирали постели.

— Почему я не слышал будильника? — спросил у девочки.

— А я всегда за пять минут до него просыпаюсь и выключаю,— ответила она.

Удостоверившись, что мне ничего не нужно, взяла портфель и ушла в школу. И тут же состоялся мужской разговор с хлопцами. Оба шустрые, смышленые, они хвалились своими игрушками, рассказывали и показывали, как делают зарядку, а когда двухлетний Денис не в меру увлекся, Алеша строго осадил: «Не балуй!»

Большое счастье иметь таких детей. Но чтобы они были такими, одних поучений недостаточно. Трудный, честный хлеб родителей, которые не исповедуют двух правд: одну, в семье, другую на людях — весомее многих премудростей педагогики. Это, конечно, нелегко дается. У Владимира Яковлевича с его однозначной правдой серьезный конфликт вышел в совхозе. Бригада «Сельхозтехники» выполняла кое-какие работы. Кое-какие и кое-как... А те, кому положено принимать и подписывать, принимали, подписывали... Он воспротивился, хотя это и не его вроде прямое дело. Ему доказывали: если не примем такую работу, они в другой раз никакой не захотят делать. Он не соглашался... И так разругался! Нет, личных обид не было. И та и другая стороны пеклись о деле, но конфликт зашел столь далеко, что Жарков подал заявление об увольнении. Еле дело уладили.

А узнал я о нем случайно. Жарковы как переселенцы получили домик: две комнаты, кухня, прихожая... Владимир Яковлевич превратил все это в четыре комнаты, возвел большую пристройку с прихожей, верандой, кухней, ванной и прочими удобствами. Даже выкроил место для котла водяного отопления. А во дворе — все своими руками — сарай, кирпичный флигель на две комнаты, га-

Семья операторов машинного доения — Мария Андреевна и Владимир Яковлевич Жарковы. Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

раж, теплица... Как депутат сельсовета выпросил у начальства технику, и дружные соседи — шоферы да трактористы — после работы замостили улицу, протянули дорогу до большого асфальта. Благо в совхозе есть свой каменный карьер. Я спросил, не слишком ли он торопится сразу все построить? Тяжело, должно быть? Такая работа, да еще третий курс техникума!

— Привязать хочу себя попрочнее,— ответил Жарков.— Я характером не гибкий, вдруг законфликтую, а бросать все построенное жалко станет, вот тогда и сдержусь...

Владимиру Яковлевичу дорого его дело. На всей Украине нет да и в стране немного таких комплексов, где бы на одной площадке были собраны две с половиной тысячи дойных коров, да столько же телок и нетелей им на смену. В былые годы производство молока в совхозе было убыточным, как, впрочем, во многих хозяйствах и поныне. Но с улучшением кормовых угодий себестоимость молока стала снижаться, доходы расти. В 1982 году продажа молока принесла совхозу семьсот тысяч рублей чистой прибыли, а в прошлом году — больше миллиона рублей. И в технологической цепи дояр (мне все-таки нравится это мужское слово) первое звено. Оно же и последнее? С какой стороны посмотреть... Владимир Яковлевич Жарков это хорошо понимает.

— Когда мы осваивали комплекс, Василий Кириллович Метляев, он тогда был первым секретарем райкома партии, часто у нас бывал. Из обкома и даже из ЦК интересовались... Когда такое внимание и помощь, откуда силы берутся!

О многом мы еще говорили с Владимиром Яковлевичем. Он объяснял, как выращивается племенное стадо, какие породы с какими скрещиваются, почему не все животные могут приспособиться к машинной дойке... Потом разобрались в системе оплаты. Он утверждал, что платить надо только за результат. В соседнем хозяйстве несколько лет назад тоже пытались внедрить «елочку». Установили операторам оклад — неплохой, между прочим. В конце концов загубили несколько сот животных. Они перестали давать молоко, а «елочку» порезали в металлолом. Операторы здесь получают по 93 копейки за каждые сто килограммов надоенного молока. Так что платят за реальное молоко. Мне цифра показалась столь ничтожной, что не удержался, спросил: «Сколько же зарабатываете?»

— Вдвоем с Марией около семисот рублей в месяц.

Еще раз удивился: «Это хорошая зарплата двух шахтеров или металлургов».

— У нас не легче,—ответил Владимир Яковлевич.— Пойдемте с нами на дойку, убедитесь.

...Коровы шли и шли. Как детали на заводском конвейере. Они «вплывали» в зал попеременно, то в одну, то в другую входную дверь: восемь справа, восемь слева, шли между турникетом и косо поставленными кормушками. В каждой группе находилась своя разиня, а то и две, что останавливались, глубокомысленно глядя в чужие кормушки. Идущие сзади напирали на них.

— Чу-чу! Вперед! — подгонял Владимир Яковлевич нарушительницу порядка.

Оба оператора в резиновых сапогах и фартуках расхаживали по бетонной траншее, а коровы были как бы подняты перед ними на уровне глаз. Если один отстает, другой приходит на помощь. И вот все восемь аппаратов вступили в работу, можно обернуться и заняться восьмеркой тех коров, что стоят по другую сторону траншеи: каждой вымыть вымя, вытереть, промассировать... И снова поворот кругом — к первой группе: убедиться, что коровы выдоены. Снять аппараты, при этом вначале каждую корову додоить, оттягивая и массируя вымя. Наконец, турникет открыт, первая группа выходит. Можно доить следующую...

И тут самое время завершить разговор о моральной и экономической сторонах этого дела. На совхозном комплексе в 1982 году от каждой коровы в среднем получили по 3249 килограммов молока. А Жарковы от своих коров—по 4445. В прошлом году надой возрос до 3570 килограммов, а от тех двухсот, что закреплены за Жарковыми, почти до 4600.

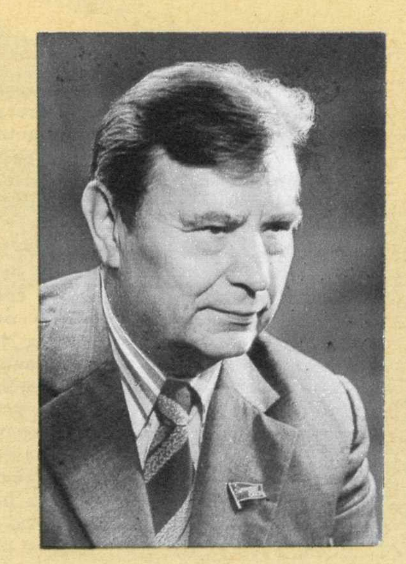
Представьте, что одно и то же поле убирают два комбайнера. Один намолачивает по тридцать центнеров с гектара, а другой — по сорок. Невозможный случай! Поле-то одно. А как же здесь? Коровы у всех операторов одинаковые. Стадо полностью обезличено. Скажем, в ноябре набирают себе группу Жарковы. Все коровы, отелившиеся в том месяце, поступают к ним. В родильном отделении отбор простой: дала корова через какое-то время после растела десять литров в день — на ферму ее. Не дала — на мясокомбинат. В следующем месяце другое звено наберет себе по такому же принципу двести коров. Условия содержания для всех животных одинаковы, корма тоже. Один тракторист заполняет подряд кормушки сразу для тысячи коров. Но Жарковы снимают со своей группы «урожай» молока на двести — триста тонн больший, чем в среднем по комплексу... Кстати, к показателям Жарковых приближаются и операторы Надежда Михальцова, Людмила Холодарь, Мария Чичур, Валентина Марченко... Но при этом есть и такие, что надаивают по сравнению с ними чуть ли не вдвое меньше. Почему такое?

Да потому, что молоко надо уметь взять.

Решающее значение, конечно, имеет добросовестность. Но не только. Добросовестность ведет борьбу с возможностями человека. Работа трудная. И велик соблазн что-то сократить в бесконечном конвейере, соблазн не сделать лишнее движение уставшей рукой, забыть на минутку, что тебе доверено взять продукт труда десятков людей: кормозаготовителей, телятниц, трактористов, зоотехников...

Владимир Яковлевич Жарков всего этого не забывает. Помогают ему чувство ответственности, ловкость, техническая смекалка. И его золотые руки. И, конечно же, выносливость. Не женское это дело — механическая дойка коров. А как же тогда Мария? И ее подруги? Последнее слово — за характером.

Беседуя с землей

Максим ТАНК

ВЯЗЫНКА

Теперь тут строжайше запрещено
Тревожить покой земли,
Которая родила
Поэта и его песни,—
Дымом костров затмевать
Небо, его осенявшее,
Вырубать святые деревья,
Которые с ним перешептывались,
Вытаптывать здешние травы,
Ласкавшие взор певца,
Спугивать птиц, которые
Вторили звучным строфам,
И отравлять бензином
Свежий и быстрый ветер,
Разносивший его раздумья.

Здесь, где, на миг примолкнув,
Можно еще услышать
Вещий голос поэта,
Надо бы начертать
На всех дорожных указках:

В ДЕРЕВНЕ ВЯЗЫНКА
ПЕРЕСТУПАТЬ ПОРОГ
ЗАПОВЕДНОЙ ХАТЫ,
ГДЕ СВЕТ УВИДЕЛ КУПАЛА,
БЕЗОГОВОРОЧНО ЗАПРЕЩАЕТСЯ
ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ НЕ УМЕЮТ
ЧТИТЬ НЕРУШИМЫЙ МИР,
СВОБОДУ И ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ,
РАЗНОЯЗЫЧНЫЕ ПЕСНИ
И НЕИЗМЕННУЮ ДРУЖБУ.

* * *

Поэзия, о развяжи язык мой,
Чтобы живая речь — мы к ней привыкли! —
Вошла в стихи. Владеет ею плуг,
Беседуя с землей. И мой пернатый друг —
Веселый жаворонок, вторя зорям,
Той речи верен. Люди все вокруг
С ней кровно дружат, счастьем или горем
Делясь в минуты встреч, в часы разлук.

Поэзия, позволь, слова постигнув эти,
Все заклинания от лихолетья
Произнести. И, став самим собой,
Стихами радость выразить и боль,
И то, чего я всей душою чаю
И, нашей речи вняв, предощущаю.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ МАКАЕНКА

Позвонил.
Молчит телефон.
Стал расспрашивать соседей.
Говорят, не видели.
Постучался в дверь.
В ответ услышал тихое завывание
Осиротевшей собаки.

Прощай, друг!..
О, если б эти два необратимых слова
Можно было перечеркнуть
Жизнерадостным:
«Добрый день!»
«До встречи!»

Ты, как и все мы,
Состоял из крови и костей,
Из хлеба и соли,

Из боли и радости,
Из любви и надежды.
Наверное, было в тебе
Чуть побольше той самой отваги,
Которая первым устремила тебя
в огонь
На Керченской переправе,
А позднее
Бросала в атаку
При встрече с неправдой,
Завистью,
Фанфаронством.
Не оттого ли
Под самым сердцем
Ты молча носил
Скрытый от лекарей и друзей
Старый осколок?

Может, смерть,
Нагрянувшая внезапно,
Целилась не в тебя,
А в кого-то другого.
Но, встретив ее,
Ты не уступил ей дорогу,
Прикрыв собою
Неизвестного друга.

Теперь вспоминаем,
Каким ты был храбрым,
Веселым, правдолюбивым,
Вспоминаем твои шутки
и присловья,
Горький пепел речей выедает
глаза.
Жаль, что все это мы произносим
С невольным и горестным
опозданьем.
Но с этим уж, видно,
Ничего не поделаешь.

Сколько венков!
Как будто можно ими прикрыть
Глубокую рану земли,
Вскормившей тебя...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ГОНЧАРА

Не знаю, дорогой жбан,
Отчего ты треснул.
Разве мы с тобой сотворены
Не из одной глины?
Ты не выдержал,
Хотя я тебя обжигал
На сильном огне.
Но, видно, огонь,
Опаливший меня,
Оказался чуть посильнее.

* * *

Иней, иней!
Это звезд мерцанье,
Свадебных цимбал веселый звон
И садов осенних смутный сон.
Воробьи застыли в созерцанье,
Слушая предзимний крик ворон.
Помнишь,
Отогрел с трудом я в этой стуже
синей
Твои руки, твои губы.
Иней, иней!

* * *

В Хиросиме камни мавзолея
Все кричат, охрипшие от боли:
— Спите, люди мирные, надеясь,
Что беда не повторится боле...

Камни, услыхать вас трудно очень,
Да и, услыхав, уснуть смогу ли?
Танки на маневры вышли ночью,
Голос тонет в их гнетущем гуле.

ВЕЕР ИЗ ХИРОСИМЫ

Каждый раз, когда ты
Открываешь свой веер,
Золотистый, украшенный
Цветом вишневым,
На меня Хиросима
Огнем своим веет,
На губах моих
Испепеляется слово,
Что хотел я сегодня
Сказать тебе снова.

* * *

Разговаривать с лугом и полем
Я учился у косы и плуга.

Разговаривать с большаком —
У колес и дубового посоха.

Разговаривать с лесом
Я учился у птиц и зверей.

Разговаривать с огнем —
У ветра и дыма.

Разговаривать с водой
Я учился у колодезного журавля.

И к старости понял,
Что всего труднее
Достичь согласия,
Пользуясь человеческой речью.

* * *

Дни, словно листья с ветвей,
Все облетают, увы.
Дерево жизни моей,
Много ль осталось листвы?

Скоро ль она опадет,
Скоро ль с последним листком
Ринусь в последний полет,
Ветром холодным влеком?

Листья сгребут кое-как
В малый осенний стожок,
Чтоб нарочанец-земляк
Их аккуратно поджег.

Чтобы стоял у огня,
Руки держа на весу,
Так же, как некогда я,
Грелся в дороге, в лесу.

* * *

Ученые предрекают
Очередное оледенение
континентов.
Воображаю,
Как наши далекие потомки
Когда-нибудь обнаружат
На оттаявшей земле
Магнитофонные ленты
С одуряющей музыкой,
Человеконенавистнической
ложью,
Ханжескими проповедями,
А также контейнеры
С бактериями чумы
И прочими средствами
Уничтожения жизни...
Открыватели
Будут не только удивлены,
Они попросту усомнятся,
Что их пращуром был
Homo sapiens.

* * *

Когда-то было модно
Увлекаться не современностью,
А утопиями,
Рисовать картины
Далекого будущего.

Однажды и я в него заглянул,
Не устояв перед модой,
Но, не увидев над крышами
Знакомых голубей,
На улицах —
Привычных трамваев,
На экранах —
Примелькавшиеся лица «звезд»,
В киосках —
Сочинения нынешних классиков
И лауреатов,
А главное, не ощутив
Обычный вкус хлеба
И питьевой воды,
Я встревожился,
Очнулся от наваждения,
Стал срочно обзванивать своих
друзей.
О, как я обрадовался,
Застав их дома!

ЭПИТАФИЯ

Не жалуйтесь, друзья, на
трудности пути,
На то, что жизнь прожить —
не поле перейти.
У смерти чуткий слух —
подслушает, придет
И вмиг избавит вас от будничных
забот.

* * *

Ожидаю тебя целый час.
Два часа.
Три.
Вечность.
Решаю выключить свет
В комнате и в душе.
Вдруг вижу —
Маленький паучок,
Извечный вестник добра,
Спускается вниз
На ниточке надежды.
И я снова тебя ожидаю...

МЕТЕЛЬ

Метель.
На опустевших улицах
Ни пешеходов,
Ни деревьев,
Ни фонарей.
Все попрятались —
Кто куда.

Метель.

Можно возвратиться домой
Трамваем,
Который тащится,
Белый, как привидение.
Но я не тороплюсь.
Старой знакомой
Показалась мне эта метель,
Только никак не припомню,
Где мы с нею встречались.
Может, на пепелищах
Родной Пильковщины?
А может, еще раньше,
Когда я за пазухой
Вместе с первыми стихами
Нес подпольные листовки?
Или в тот памятный день,
Когда старым Виленским трактом
Меня под конвоем гнали?
А может, совсем уж давно,
Когда я из дальней школы
Брел по сугробной целине
И встревоженная мать
Встречала меня у ворот.

Метель...

* * *

До чего же долго,
Словно женщина
На праздник или в театр,
Собиралась туча
Пролиться дождем.
Даже тягуче пророкотав:
«Сейчас!..» —
Она еще долго причесывалась
Гребешками ветров,
Прихорашивалась
Перед зеркалами молний.
Мы даже успели поссориться
И поэтому
Всю дорогу
По лужам
Шлепали молча.

* * *

Видеть хотя бы дымок, что
вздымается в небо
Над берегом отчим...
Гомер.

Слушай, Харон-перевозчик,
Я заплачу подороже,
Только за Стиксом суровым
Местечко найди мне поближе,
Может, хоть крик петушиный
Утром услышу погожим,
Может, над отчею хатой
Дымок ненароком увижу.

ТВОЯ ФОТОГРАФИЯ

Твою фотографию
Я остерегался носить при себе,
Чтобы она ненароком
Не попала в руки
Агентов панской охранки.

Я не просил,
Чтобы ты ее присылала
В мою одиночку.
Я радовался,
Что за моей решеткой,
На воле,
Существуют
Солнце и ты.

Твою фотографию
Я не брал в поход,
Чтобы ее мимолетно
Не задело
Вражьим осколком.

Может, оттого
И уцелела она,
Хотя от пережитого
Не осталось и камня на камне.

* * *

И Парфенон растворяется
в облаке смога,
И Равенна оседает все ниже,
И Венеция опускается в море...

А моя тоска по тебе
Незыблема.

1980.

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА С ВНУКОМ

Один цветок — для пчелки.
Другой — для мотылька.
А третий — в наш букет.

Одна ягодка — медвежонку,
Другая — журавлику,
А третья — на обед.

Один орех — для белки,
Другой орех — для сойки,
А третий — на зубок.

Один грибок — для зайчика,
Другой грибок — для козочки,
А третий — наш грибок.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Валерий Павлович Чкалов.

Феликс ЧУЕВ

В нем,
соревнуясь,
века отразили
волжских степей
и небес
колдовство.
Чкалов был искренним,
словно Россия,—
вот потому
и любили его.
Вот почему
он ничуть не вчерашний:
дайте корабль современный —
и он
тучи и лед раскидает,
бесстрашный,
новой работой души
окрылен.
Чкалов останется
впрок, на дерзанье,
и, поднимаясь
с эпохой своей,
он продолжает
ее испытанье —
Чкалов был создан
для честных людей!

Льновод О. Скурихина, летчик-испытатель В. Чкалов, кузнец А. Бусыгин на слете передовиков Горьковской области.

1936 г. Валерий Павлович с женой Ольгой Эразмовной на родине летчика.

1937 г. Москва встречает героев.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Фото А. КАПЕЛЮША, В. ТЕМИНА

...нный летать

Славный экипаж АНТ-25: Г. Байдуков, В. Чкалов, А. Беляков.

Евгений РЯБЧИКОВ

О Чкалове написаны книги и созданы фильмы. Ему поставлены памятники, в архивах сохранены документы и воспоминания современников о жизни и труде великого летчика своего времени. Но вот странное дело: чем больше слушаешь тех, кто был рядом с Валерием Павловичем, перечитываешь о нем старые статьи и книги, вновь смотришь фильмы, переворачиваешь страницы своих дневников, тем отчетливее возникает перед тобой образ не одного, а нескольких Чкаловых.

В одном случае он предстает как бесстрашный русский удалец из числа потомственных волгарей, горбоносый, с ястребиными глазами, могучий в груди и широкий в плечах, умница и весельчак, горячий и отважный, из той породы богатырей-россиян, которые не знали, куда девать силушку. «Дорвавшись» до неба, он, отвергая уставные требования, показал свою удаль, заставив небо, как требовал поэт, снять шляпу. То нырнул с лета под мост на Неве, то пролетел вверх колесами над самой землей, то спикировал едва ли не до самого аэродрома... Доставалось Чкалову за все эти «фокусы»! Были выговоры, грозные приказы, гауптвахта, однажды угодил даже в тюрьму...

Но в другом случае вырисовывается иная фигура: вдумчивый и бесстрашный искатель новой методики ведения воздушной разведки и боя на малых высотах, создатель невиданных фигур высшего пилотажа. Существовал как бы и третий Чкалов — прирожденный, азартный спортсмен, жадный до рекордов и славы.

Каким же Чкалов был в действительности?

В том, что по-разному оценивали его разные люди, нет ничего удивительного. Очень уж многогранным был характер народного самородка, в жилах которого текла кровь бурлаков и свободолюбцев понизовой вольницы, котельщиков и плотогонов...

Мне посчастливилось видеть Валерия Павловича на стартах его легендарных перелетов, встречать на острове Удд, ездить с ним на родную нам Волгу, рыбачить на Медвежьих озерах, наблюдать его в редакции «Комсомольской правды» и за кулисами МХАТа, в заводских цехах и у него дома, на испытательном аэродроме и в конструкторском бюро. И вот теперь, по прошествии стольких лет, память подсказывает множество деталей и таких проявлений сложного характера, которые дополняют образ истового богатыря земли и неба.

Однажды Чкалов взял меня, авиационного журналиста, с собой на испытательный аэродром и, перед тем как уйти с конструктором самолетов Н. Н. Поликарповым к истребителю, сказал мне: «Стой здесь! Никуда не уходи!»

Набрав высоту, Чкалов перевел самолет в отвесное пикирование да так, что нацелил его точно на то место, где в группе специалистов стоял и я. На наши головы обрушились и свист, и вой, и рев, и гул. В то мгновение, когда самолет должен был врезаться в землю, зарывая в нее всех нас, он, едва не повалив людей с ног хлынувшей с неба бурей, был уже в высоте. Чкалов принялся выписывать «петли Нестерова», и вдруг полетел вверх колесами, и опять «пикнул», и только после вертикального штопора совершил посадку. Отцепив ремни, Валерий Павлович выбрался из кабины и, отойдя в сторону с Николаем Николаевичем Поликарповым, доложил ему о поведении машины в небе. После доклада Чкалов сел на траву, закурил и, чуть щуря яростные глаза, спросил меня:

— Ну как?

— Страшно,— сознался я.

— Прямое пикирование уточняет бомбометание и обстрел наземной цели. Ясно? — пояснил Валерий Павлович.

Я смотрел на обветренное лицо пилота, который только что заставил всех на аэродроме содрогнуться, и не видел ни намека на лихачество, на озорство, тем более на самолюбование. Чкалов был похож на сталевара, только что шагнувшего от огнедышащей печи, или на солдата, вышедшего из боя.

— Вот ты и разгадай загадку.— Чкалов неожиданно рассмеялся.— Есть еще такие граждане-товарищи, которые, черт бы их побрал, твердят свое: хулиганство! Безрассудство! Они... они не хотят понять: авиация становится другой и подходить к ней нужно с другими мерками. И бои будут другими. И тогда к чертовой бабушке полетят старые инструкции.— Чкалов посмотрел в глубину неба и лег на траву, подложив под голову сильные руки. Помолчав, продолжил мысль: — Если, брат, делаем новые самолеты, нужна и новая тактика. И новые инструкции. А старые — на свалку.

Валерий Павлович сорвал пучок травы, приложил ее к лицу и стал разъяснять мне, что бомбардировка с пикирования, как, скажем, и уборка шасси в полете, заимствована от птиц. Сокол, например, увидев зайца, вертикально пикирует, и тут зайчишке несдобровать. Что касается авиации, то еще в 1920 году красновоенлеты Смирнов и Акулов на стареньком трофейном биплане с пикирования сбросили бомбу на палубу белогвардейского корабля в Черном море. Забывать такое нельзя! Или вот шасси. У птички научились убирать «ноги»! Трудная это наука. Птичка с детства умеет складывать лапки, а нам эта наука досталась кровью...

В ту давнюю пору, когда только появились первые самолеты с убирающимся шасси, летчикам приходилось вручную вращать штурвальчик, находившийся по правому борту в кабине. И вот, испытывая первый скоростной самолет с убирающимся шасси, Чкалов пронесся над аэродромом, убрал шасси и, выполнив в небе каскад фигур высшего пилотажа, выпустил шасси и совершил посадку. Конструктор Н. Н. Поликарпов светился радостью: превосходный результат! Но ему и Чкалову мало было одного полета. Были проведены второй и третий, и все шло хорошо: шасси убиралось, скорость полета возрастала, шасси выходило из гнезд, и самолет, уменьшив скорость полета, совершал нормальную посадку. Но Чкалов признавал только «закон больших чисел»: нужно много, много раз слетать, чтобы убедиться в надежности нововведения. На следующем полете стойки — «ноги» шасси — ушли в свои гнезда, а потом отказались выйти. Чкалов, управляя самолетом, еще и еще крутил штурвальчик — ничего не получалось. Что делать? Чкалов принялся «выбивать» шасси — он пикировал, вычерчивал самые головоломные фигуры, рассчитывая «вышибить» стойки. Одна «нога» выскочила, вторая застряла, да так прочно, что все усилия Чкалова не давали нужного результата. На самолете радио не было. Пилот не мог получить совета от конструктора. Нужно было решать самому. Прыгать с парашютом? Нет, он не мог пойти на такой шаг, нужно сохранить машину и выяснить, что же произошло с шасси. Чкалов решил совершить посадку на одну «ногу». Такого еще не бывало... С протяжным воем сирен выезжали из гаражей санитарные и пожарные автомобили. Все мы замерли. На последних «глотках» бензина Чкалов повел самолет к аэродрому и виртуозно, словно канатоходец в цирке, сел на одно колесо. После пробежки самолет, конечно, развернуло волчком, поломалось крыло, но главное было сделано: Чкалов жив! И цел новый самолет.

Героизм! Отвага! Мужество! — восторженно писали мы тогда в газетах о летчиках-испытателях, и прежде всего, конечно, о Чкалове. А он не в шутку сердился, иной раз даже демонстративно отказывался разговаривать с нами, корреспондентами, ворча: «Если летчик-испытатель будет думать о героизме, он не испытатель. Поймите вы, это работа! Правда, у нас есть свои особенности, но у кого их нет? Водолазы. Полярники. Верхолазы. Взрывники в шахтах. Пограничники. Подводники... А вы прицепились к летчикам-испытателям и все дуете одно: героизм, романтика!..»

Как-то выбрался Чкалов с друзьями на Медвежьи озера порыбачить и захватил меня с собой. Я помню, как, сев на весла, не спеша загребая, он замурлыкал старинную волжскую песню. И я подумал тогда о жизни Чкалова на Волге, в Василевском затоне, где он родился, как рассказывали в его семье, в «бессознательном состоянии»... Долго новорожденного отхаживали, наконец младенец чихнул и закричал. Тогда его окрестили в холодной, принесенной из проруби воде. Подрос, крепко ходил по земле, работал молотобойцем и кочегаром и в небе над Волгой впервые увидел самолет, и он так потряс воображение, что, бросив все, уехал парень в Канавино, пригород Нижнего Новгорода, где в сараях разместились авиаремонтные мастерские, громко именовавшиеся «авиационным заводом». Там впервые коснулся Чкалов рукой матерчатого крыла простреленного на фронте «ньюпора». Он быстро вошел в бригаду ремонтников, и научился возвращать жизнь «фарманам», «блерио», «маранам», и провожал их в испытательные полеты. Аэродромом служило вытоптанное скотом поле, по соседству паслись коровы...

Вскоре после той памятной рыбалки Чкалову поручили выехать в Горький, прибыть на авиационный завод имени С. Орджоникидзе и приступить к подготовке нового самолета и установлению рекорда скорости. Мне привелось встретить Валерия Павловича в родном нам городе. Чкалов, остановив машину около убогих сараев, в которых когда-то были цехи авиаремонтного завода, глубоко вздохнул, и по щекам его перекатились желваки. Здесь начинался его путь в авиацию. Теперь был настоящий авиационный завод и первый в стране автомобильный завод. Неузнаваемо старое Сормово. А как изменился сам Чкалов! Вышли мы и на зеленый Откос, что вознесся над речной ширью вровень с седыми башнями древнего кремля. Чкалов стоял там, где ныне стоит во весь рост его бронзовая фигура. А тогда, осмотрев затянутый дымкой зелено-голубой простор и Стрелку, где Ока бросается в объятия Волги, он сказал с явной гордостью:

— Хорошо!..

Потом началась работа. Требовалось «прогнать» самолет на километражной базе, чтобы определить скорость полета у земли. Для испытаний был выбран участок вдоль шоссе Горький — Москва. Погода выдалась хорошая, и Чкалов стал разгонять самолет на высоте пятьдесят метров. И тогда... Нет, воспроизведу рассказ самого Чкалова:

— Вдруг самолет неестественно завибрировал, и я увидел, как у моего звездообразного мотора начали отлетать в стороны цилиндры и детали капота. Машинально убрал газ, выключил зажигание... Скорость резко упала. Решаю: самолет посажу на лес, другого выхода нет. Задел верхушку дерева, самолет опрокинулся на спину. Лечу вниз головой. Второй удар... Самолет снова перевернулся...

...Сняв с головы бинты и, как он сказал, очухавшись от катастрофы, Чкалов вновь вернулся на свой завод, на испытательный аэродром. Это работа? Да, конечно, работа. Но все-таки, все-таки... Какое нужно иметь сердце и как верно, глубоко понимать свой долг перед Отечеством, чтобы после ЧП в небе опять сесть за штурвал.

Путь в небо труден. И опасен. На глазах Чкалова погибали его друзья. Он хоронил друзей и, сменяя их, садился в кабину, застегивал привязные ремни, улетал на работу в небо. Чкалов продолжал новаторские дела Петра Нестерова, Константина Арцеулова, Александра Анисимова, Михаила Громова и многих других отважных пилотов, преображал авиацию. И в этом смысле очень точно определил суть жизни и труда Чкалова главнокомандующий ВВС, главный маршал авиации К. А. Вершинин, сказав: «Он был не только непревзойденным летчиком, выдающимся мастером своего дела, но и создателем школы высшего пилотажа и школы испытания новых самолетов, автором тактики истребительной авиации и творцом фигур высшего пилотажа... Чкалов сам разработал и выполнил пятнадцать фигур высшего пилотажа...» В годы Великой Отечественной войны в воздушных боях во многом побеждала «школа Чкалова». В подробностях знают обо всем этом главным образом авиаторы, но Валерий Павлович обессмертил свое имя и всемирно известными перелетами по северному маршруту в 1936 году и через Северный полюс из Москвы в Америку в 1937 году.

Краснокрылый тяжелозагруженный самолет АНТ-25 был установлен на специально возведенной бетонной горке — для ускорения разбега. Чкалов в летной куртке, унтах деловито прощался с провожающими. Он подмигнул мне, дав понять, что просьба моя удовлетворена и я могу следом за АНТ-25 лететь на специальном штабном самолете. Безукоризненно точно Чкалов поднял в воздух самолет АНТ-25 и со своими друзьями Г. Байдуковым и А. Беляковым отправился в полет по маршруту, пролегавшему над льдами Арктики на Камчатку, затем в Хабаровск. Тотчас, едва скрылся в небе АНТ-25, взлетел и самолет с работниками штаба перелета. Мы летели с посадками напрямую в Хабаровск. Радио оповещало, как АНТ-25 одолевал снежные бури, грозовые разряды, обледенение. Чкаловцы пролетели уже более 8000 километров, когда путь им преградили свирепые бури, непроницаемые туманы... По приказу из Москвы Чкалов совершил посадку на крошечном островке Удд. Одним из первых москвичей я примчался на этот песчаный клочок земли и обнял героев. Чкалов подчинился приказу, но был зол, ругал на чем свет стоит и погоду и метеорологов и отводил душу тем, что с Байдуковым и Беляковым занялся строительством деревянной взлетной полосы и извлечением из земли застрявших в ней колес АНТ-25. В том полете Чкалов за 56 часов в сложнейших условиях пролетел без посадки более 8700 километров — это была выдающаяся победа советской авиации. А Чкалов сетовал: надо бы «пилить» до Хабаровска!

Улучив минуту, я спросил Валерия Павловича:

— Какие планы?

— Планы? Через полюс.

В течение года шла деятельная подготовка к небывалому перелету из Москвы в Америку. Когда подготовка подходила к концу, произошло несчастье: в АНТ-25 врезался при посадке самолет... Ирония судьбы! Самолет пилотировал тот грозный командир, который в свое время не раз наказывал Чкалова за лихачество и даже направил его на «курсы недисциплинированных летчиков»... АНТ-25 отремонтировали, подготовили к перелету и опять водрузили на бетонную горку. Через год вокруг нее снова собрались провожающие. Спокойно и просто подошел к самолету Чкалов. Кепку повернул козырьком назад. Попрощался с провожающими. Подошел к краю бетонной горки. Закурив последнюю папиросу, в задумчивости посмотрел на лес, затянутый утренним туманом с Медвежьих озер. По праву земляка я бросился к Чкалову.

— У нас сейчас на Волге хорошо,— щуря глаза, сказал Чкалов.

— А дальше какие планы?

— Планы? — переспросил Чкалов и окинул взором мокрую от росы взлетную полосу.— Вот слетаем, задание Родины выполним, а потом... Потом — вокруг шарика.

Полет в Америку был триумфальным. Чкалова, Байдукова, Белякова принимал президент США. Кинозвезды и знаменитые спортсмены искали случая сфотографироваться с героями. Ученые выступали с заявлениями о выдающемся вкладе в науку Чкалова и его друзей. А народ Америки принимал дружеские послания советского народа. То были дни, когда «Америка прозрела», как писали тогда газеты, когда «Америка узнала правду о Стране Советов». Там, в Америке, во всем блеске проявился и талант Чкалова как народного трибуна, общественного деятеля, посланца страны социализма. «Он влюбил в себя Америку»,— вещали радиостанции и аршинными буквами газеты.

Чкалов вернулся из Америки, вернулся к работе летчика-испытателя. Летал, летал... Морозным декабрьским днем 1938 года он погиб в небе, испытывая очередной самолет-истребитель. Но Чкалов живет в делах советской авиации, живет в космических полетах. Юрий Гагарин сказал: «Мы, летчики-космонавты, многим обязаны Валерию Павловичу Чкалову... и считаем своим долгом быть чкаловцами».

Уходят в небо все новые модели самолетов. Стартовым ревом провожает гавань Вселенной космические корабли. Их ведут внуки Чкалова.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—5.

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

КРАЖА В БЕЛОМ ДОМЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Через четыре года президент Л. Джонсон не удостоил вниманием Б. Голдуотера, хотя тот и добивался «электронной полемики». На следующих выборах Р. Никсон и вице-президент Г. Хэмфри по обоюдному согласию пропустили возможность покрасоваться в такой притягательной для американского политикана роли, как полемист-краснобай, хотя оба считали себя демосфенами. В 1972 году Р. Никсон счел себя оскорбленным, когда демократ Дж. Макговерн поднял вопрос о телевизионных дебатах. Президент решительно указал на дверь сенатору-либералу, породив у многих специалистов ощущение, что прецеденты, созданные Л. Джонсоном и Р. Никсоном, превратились тем самым в неписаный закон: к главе правительства неприменимо телевизионное состязание. Конечно, он широчайшим образом использует малый экран, транслируются его пресс-конференции, выступления, выезды из Белого дома. Но дебатов с соперником, снарядившимся на захват его кресла, он избегает в силу именно того, что он наделен функциями главы государства.

Однако вышло все иначе. Президент Дж. Форд почувствовал, что он уступает Дж. Картеру, и нехотя пошел на полемическую баталию, надеясь наверстать все то, что он потерял в ходе предвыборной кампании. Три раунда телевизионных дебатов смотрели соответственно 70, 64 и 63 миллиона телезрителей. Между первым и третьим раундами аудитория сократилась на десять процентов, и все равно это было намного больше, чем количество зрителей, собираемых вечерними телевизионными новостями. Таким образом, много миллионов американцев, которые, как стало известно, не следили за ходом предвыборной кампании, впервые познакомились со взглядами кандидатов, хотя, по единодушному мнению обозревателей, заявления, уколы и парирующие удары Дж. Форда и Дж. Картера были «обтекаемые». Идеи претендентов были расплывчаты. Тем не менее в ходе трех раундов одна треть избирателей приняла решение о том, за кого отдать голоса. Соперники добивались, чтобы из многомиллионной инертной массы, бойкотирующей выборы, завербовать себе как можно больше сторонников, побудить их преодолеть «барьер политического отчуждения» и заглянуть в кабинки для голосования.

В студии с Дж. Фордом и Дж. Картером было несколько журналистов, задававших им вопросы. Комментируя эту процедуру, профессор социологии Колумбийского университета Герберт Ганс писал: «Журналисты задавали пронизывающие вопросы по различным проблемам. Однако от кандидатов не требовалось отвечать; вернее, они произносили кусочки и отрывки из наезженных речей и ориентирующих книг, которые зачастую имели лишь отдаленное отношение к прозвучавшим вопросам и почти всегда отскакивали в сторону от спорных тем. После того как дебаты состоялись, они становятся темой новостей и комментариев, о них ежедневно пишут до самого конца избирательной кампании. Газеты и журналы возвращаются к ошибкам, допущенным кандидатами, и комментируют дебаты как спортивные состязания или как крупнейшие конские бега».

Под крупнейшими конскими бегами профессор Ганс имел в виду президентскую гонку. А под ориентирующими книгами подразумевал довольно толстые справочники по всем проблемам, которые лежали перед Дж. Фордом и Дж. Картером и в которых они легко могли найти нужные ответы на большинство вопросов. Эти справочники готовились к дебатам в глубокой тайне, силами узкого круга лиц, набирались в безупречно верной кандидату типографии.

Свою статью, озаглавленную «Уроки, которые 1976 год может предложить 1980 году», Герберт Ганс опубликовал в ведущем журнале американских средств массовой информации «Коламбия джорнализм ревью». В ней были различные рекомендации, но выделялось одно: журналисты должны более умело и настойчиво «вытаскивать» из кандидатов их взгляды на острые проблемы, стоящие перед Америкой и миром. Это пожелание не прошло мимо слуха Дж. Картера. Готовясь к дебатам 1980 года, он лично работал над новой ориентирующей книгой.

Поначалу Дж. Картер вообще попробовал отказать Рейгану в телевизионных дебатах. Он был занят «иранским кризисом» — почти уже год длившимися попытками освободить из посольства в Тегеране американских заложников. Его «мучили» другие заботы государственного порядка, от которых был свободен Рейган.

Дж. Картер увиливал от встречи у телекамеры, но у его республиканского оппонента оказалась мертвая хватка. Сейчас, вспоминая всю эпопею с телевизионными дебатами, клевреты «Циклона» делают вид, будто они и не добивались встречи с оппонентом-демократом, будто она им вовсе не была нужна, будто победа была у них уже в кармане. Но это расчет на короткую память.

Рейган искусно загонял Картера в угол, не давая ему ни одного шанса избежать дуэли на телеэкране. В той кампании конгрессмен из республиканской партии Джон Андерсон, пропагандировавший либерализм и трезвомыслие, безуспешно пытался в рамках своей партии остановить ультраконсервативный каток Рейгана. Тогда он объявил себя независимым кандидатом в президенты. Впоследствии он наберет 5,7 миллиона голосов избирателей, но в тот момент Дж. Картер затыкал уши, когда ему предлагали трехсторонние дебаты с участием Дж. Андерсона.

Вечером 21 сентября 1980 года на экранах телевизоров началось экстравагантное зрелище: рандеву ультраконсерватора Рейгана и либерала Андерсона, а рядом с ними пустующее, как укор Картеру, третье кресло. Ведомо ли было Андерсону, что он делает? Но он повел атаку на президента, которая была выгодна только сидевшему рядом с ним улыбавшемуся Рейгану. Он покачивал головой, называя Андерсона по имени, почти ничего сам не говорил, предоставив возможность либералу расправляться с призраком в пустом кресле. Затем в течение недели проводились опросы общественного мнения. Если до дебатов Рейган—Андерсон, согласно опросам телевизионной компании Си-би-эс, Картер обходил Рейгана с перевесом 40:36 (среди избирателей), то после дебатов вперед вышел Рейган — 40:35. По опросам телевизионной компании Эй-би-си перевес Рейгана был 42:36, а Эн-би-си объявила еще более тревожные для Картера результаты — 42:33. Сомнений быть не могло: телевидение опасно.

Картер предпринял энергичные усилия, чтобы спасти положение. Он многократно повторял, что его соперник — ястреб суперкласса, а значит, потенциальный поджигатель войны. Воскрешались в памяти леденящие кровь призывы калифорнийского губернатора применить ядерное оружие против социалистического Вьетнама. Тенденция, заложенная дебатами Рейган—Андерсон, повернулась вспять. Рейган, как писали обозреватели, «стремительно покатился с горы к поражению», в его лагере росло убеждение, что выборы проиграны.

Картер хотя и трусил, но все-таки дал согласие на свое участие в дебатах. Он не считал Рейгана человеком, хоть в какой-либо мере достойным президентства. Но у хозяина Белого дома не выходили из головы результаты телевизионных опросов. Он помнил свою победу над Фордом четыре года назад и то, какую роль сыграла в этом его ориентирующая книга, перевесившая мудрость и хитрость оппонента. «Мозговой трест» Белого дома засел за новую ориентирующую книгу для Джимми Картера. Документ разросся до нескольких сот страниц и, наконец, принял вид книги в черной обложке и переплете блокнотного типа. Позднее Картер скажет, что это были «очень ценные документы» в его предвыборной борьбе. Их стратегическое назначение состояло в том, чтобы застать оппонента врасплох, поймать его на фактах, цифрах.

Поэтому, когда произошло «волшебство» — копии очень ценных документов оказались в руках приближенных кандидата, ликование в высших эшелонах республиканской партии не знало пределов. Настолько, что один из приближенных Рейгана, конгрессмен Дэвид Стокмэн, обуреваемый нахлынувшим желанием похвастаться и показать всесилие нынешних лидеров «великой старой партии», рассказал слушавшим его с открытыми ртами членам клуба «Олимпия» в маленьком городке штата Индиана, о чем будет говорить в телевизионных дебатах Картер и что ему будет отвечать Рейган. Репортер местной газеты полагал, что он присутствует при редчайшем событии. И чутье его не подвело. Зато оно изменило его боссам, и они задвинули информацию о генеральной репетиции дебатов на 15-ю страницу.

Стокмэн в тот вечер не скрывал, почему он может с таким знанием дела позабавить присутствовавших сообщением о Картере, который не подозревает, что другой стороне известно, о чем он будет и о чем не будет говорить. Стокмэн получил задание проштудировать ориентирующий справочник президента и засесть с Рейганом за репетиции, проработать с ним все варианты атак Картера и ответные действия. Потом они, судя по всему, долго играли: Рейган—Рейган против Стокмэна—Картера. (Видеозапись репетиции есть в Гуверовском институте, но следствию ее не отдают.)

Ставки были высоки: кандидату в президенты пришлось заучивать цифры и факты, как когда-то запоминать куски сценариев. Рейгану это было не по душе, так как все знали его отвращение к усидчивой работе с документами, статистикой, к постижению корневых причин политических событий. «Уровень его зна-

ния проблем, касающихся вооружений, просто ужасает»,— сказано было о нем одним знающим конгрессменом после трех лет пребывания Рейгана в Белом доме. А что же можно было сказать про этот «уровень» тогда, в октябре 1980 года?

...28 октября. Центр съездов города Кливленда. До выборов — одна неделя. У телевизоров — почти 110 миллионов американцев, половина населения страны. Атмосфера наполнена ожиданием чего-то необычного. И оно могло бы быть. Вообразим на минутку, что невидимка шепнул на ухо каждому из 110 миллионов секрет, вырвавшийся у Стокмэна в клубе «Олимпия». Как бы воспринималось тогда все происходившее?

Картер, как уже говорилось, встал за пюпитр телевизионного политического театра с одной мыслью: «Разоблачать Рейгана как олицетворение обмана, опасностей и рисков». Он не мог подозревать, что у его оппонента были заготовлены ответы с тщательно продуманным голливудским аккомпанементом.

«Дебаты были на редкость содержательными, их качественный уровень удовлетворителен»,— пишет историк Теодор Уайт в книге о выборах 1980 года, выпущенной по горячим следам происходившего. Картер встал в 5 утра и работал, как вол, до 11 вечера. Рейган поднялся намного позже, весь день балагурил, отрываясь для дела лишь на несколько часов. И что же произошло на дебатах? Уайт поражен: «Словно отчитывая нерадивого студента, Рейган поправлял ошибки, которые делал президент Картер, приводя факты». Вот вам результат репетиций Рейган—Рейган против Стокмэна—Картера.

Помимо обсуждения проблем, на американского избирателя наплывают с экрана образы кандидатов. Специалисты по образам нашли весьма эффективной разученную Рейганом короткую пантомиму: как только президент возвращался к опасностям, сопряженным с приходом республиканца в Белый дом, Рейган качал головой из стороны в сторону и печально изрекал: «Эва, вы какой, опять за свое».

Самоваяние образа миролюбца осуществлялось методами демагогии: «Я здесь только для того, чтобы сказать вам, что всем сердцем я верю: первым приоритетом должен быть мир во всем мире. Использование же силы должно быть последним средством, когда все остальное уже не срабатывает». То, что это краснобайство, и не более того, доказано последующими событиями. Гренада, Никарагуа, Сальвадор, Ливан служат иллюстрацией к этому «миролюбию». Обожающий Рейгана историк Т. Уайт не удержался, однако, от убийственного сравнения: «Как Кеннеди в дебатах с Никсоном рассеял впечатление, что он неопытен, так и Рейган вытравил из своего образа представление о себе как о душегубе». Чуть мягче, но ту же мысль повторил картеровский специалист по ваянию образов Джеральд Рэфшун: «Волк больше не снаружи. Он вошел в дверь и бегает по дому». Как бы подводя черту, представитель радиотелевизионной компании Эй-би-си заявил: «Рейган произвел благоприятное впечатление на тех избирателей, которые до сих пор не определили своего фаворита. У многих могло сложиться мнение, что он не столь уж страшен».

Опросы общественного мнения зафиксировали массовый переход избирателей (до 67 процентов) в лагерь Рейгана. Особенно радовало окружение республиканского кандидата появление вокруг него ореола «порядочного» и «честного человека и политика».

Итак, соревнования на теледебатах остались за «волком». Соревнование по компетентности и соревнование по образу-ореолу. Без каких-либо шансов отыграться оппоненту. Ибо в отличие от четырех раундов между Кеннеди и Никсоном и трех — между Фордом и Картером, здесь все решил один-единственный раунд.

Близкий к победителю столичный дуэт обозревателей — Роулэнд Эванс и Роберт Новак — в книге «Рейгановская революция», изданной в 1981 году, подчеркивал: «Дебаты Картера — Рейгана в Кливленде 28 октября решили исход выборов... Лишь после этих дебатов, в последнюю предвыборную неделю, Рейган отважился перейти к атакам на Картера, в которых он прямо обвинил его в неумении править страной».

Республиканский кандидат обвинил президента в различных смертных грехах, включая разбазаривание «доверия» общественности к правительству. Хотя это «доверие» почти целиком кануло в Лету и не Рейгану было сотрясать воздух стенаниями о нехватке данного товара, Белому дому все же было трудно парировать удар. Во-первых, Картер в речи по случаю вступления на пост президента имел неосторожность обещать восстановление при нем веры в правительство. Практически же он растранжирил то малое, что унаследовал. Во-вторых, оставшегося до дня выборов времени не хватало, чтобы нейтрализовать скептическое отношение к себе как к главе государства.

* * *

Переходя от морально-политической проблемы доверия к делам более материальным, Рейган обратился к поиску броской темы для обещаний. Ненависть к уплате налогов родилась у Рейгана еще в Голливуде. Теперь он сулил сократить налоги на 30 процентов в течение трех лет. Каждый день американских избирателей потчевали коротким телевизионным фильмом, в котором Рейган произносил такие слова: «Я не всегда соглашался с президентом Кеннеди. Но, когда предпринятое им 30-процентное сокращение федерального налога стало законом, экономика от этого выиграла... Даже правительство получило неожиданные поступления в 54 миллиарда долларов. Если я стану президентом, мы намерены повторить все с самого начала». Он позволял себе играть именем Кеннеди, воздействуя на эмоции избирателей-демократов. Словом, почти как в той сказке: домашний волк в бабушкином чепце.

Что же стало с обещанием о сокращении налогов? Летом 1981 года Рейган провел через конгресс 25-процентное сокращение налогов с корпораций, выплат по процентам и дивидендам, а также подоходных налогов с частных лиц. Львиная доля сокращений (на сумму 750 миллиардов долларов) досталась корпорациям и богачам — обладателям дивидендов. За три года пребывания Рейгана у власти дефицит правительственного бюджета (при наличии различных подсчетов и оценок) составил минимум 570 миллиардов долларов.

Федеральный бюджет Кеннеди был менее 100 миллиардов долларов. Ныне одни лишь ассигнования Пентагону (без расходов на военные цели других ведомств) в 2—3 раза больше всего бюджета Кеннеди. Отсюда и хронический дефицит, который ежегодно, по мнению американских специалистов, будет теперь равняться 150—200 миллиардам долларов. Никакие налоговые реформы не способны разрядить финансовый кризис, ибо в основе его лежат разорительные и несбыточные планы достижения военного превосходства над Советским Союзом.

Но вернемся к дню выборов в первый вторник ноября 1980 года. Что же происходило? Примерно 76 миллионов избирателей бойкотировали выборы (в 1980 г. голосовало 52,4 процента избирателей, в 1976 г.— 53,4, в 1972 г.— 55,5, в 60-е годы — более 60 процентов). Рейган получил 42,9 миллиона голосов, или 26,8 процента, от «избирательского корпуса». Не говоря уже об очень состоятельной публике, за ним потянулись представители так называемых «средних классов». Они поверили, что он заведет их в спокойную экономическую гавань с меньшими налогами. И с меньшими государственными расходами на вспомоществование живущим впроголодь миллионам бедных и обездоленных, помощь которым вызывает у среднего и мелкого буржуа чувство эгоистического протеста — результат подогреваемого ультраконсерваторами антикоммунизма (социальные программы — это «ползучий социализм») и скаредности (на что уходят мои налоги). Он размахивал «Мандатом народа», обещая вернуть страну к дорузвельтовским временам, когда никакими социальными программами Америка обременена не была.

«Мандат народа», который достался благодаря лишь 26,8 процента голосов избирателей, может существовать лишь в воспаленном воображении. Но в его возникновении, как мы старались показать выше, важным звеном явилось телевизионное «посрамление» оппонента. По горячим следам голосования, в «неделю счастья» — первую неделю после победы на выборах, Рейган дал интервью Теодору Уайту. Историк спросил, когда Рейган понял, что фортуна поворачивается к нему лицом. **«После телевизионных дебатов,**— ответил вновь избранный президент,— я смог почувствовать импульс, движущую силу, прилив волны...»

В свете этой и других оценок может ли быть два мнения о важности кливлендского телевизионного ристалища? Оказывается, может. Летом 1983 года высокопоставленные республиканцы, включая президента, хором и соло повторяли, что теледебаты и справочник почти не имели никакого значения. Этот разворот на 180 градусов имеет веские причины.

«ВОЛШЕБНИКИ» ЗА РАБОТОЙ

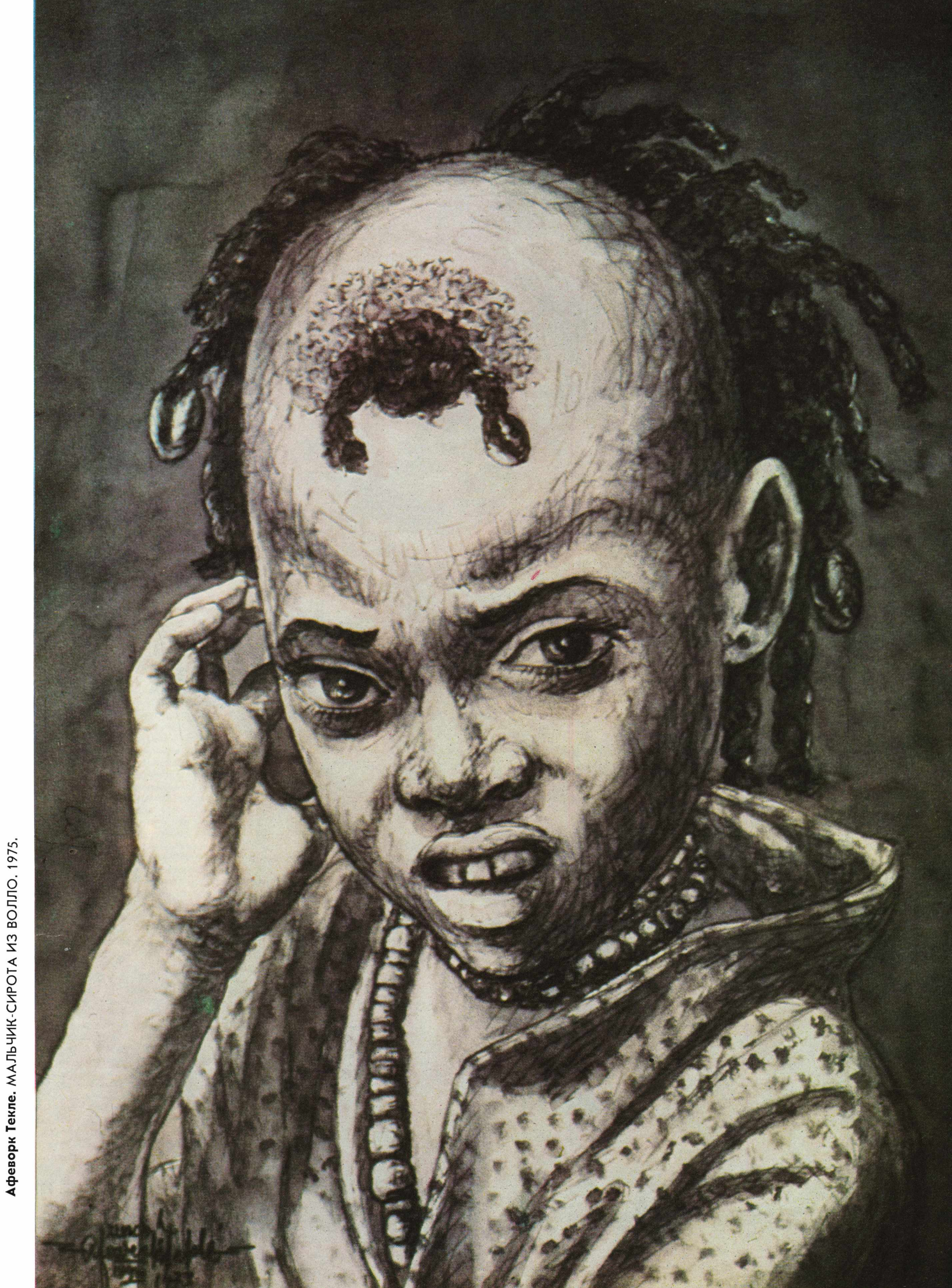
В сотворении для теледебатов образа компетентного претендента на президентский пост круг советников Рейгана не ограничивался Дж. Стокмэном. Над ориентирующим справочником и другими конфиденциальными бумагами Картера колдовали, выбирая из них рациональные зерна и перебрасывая их в кормушку своего хозяина, У. Кейси, а также доверенные лица кандидата Дж. Бейкер, Д. Герген, Э. Миз, Ф. Ходсолл и другие. Всем им опыта было не занимать. Они работали и на Никсона, и на Форда, и на Буша. В отличие от Кейси они слыли умеренными политиками. Теперь в силу различных обстоятельств их прибило к лагерю Рейгана, и они всеми правдами и неправдами готовы были провести его на высшую ступеньку пьедестала.

Понятие умеренного (центристского) политика весьма условно. Состоятельный техасский юрист Джеймс Бейкер руководил в 1976 году предвыборной кампанией Дж. Форда. И именно он без борьбы сдал рейгановцам одну за другой все позиции при составлении на съезде партийной платформы. Уже став руководителем аппарата сотрудников Белого дома при Р. Рейгане, он видел одну из своих функций в том, чтобы подыгрывать и угождать «Моральному большинству», исповедующему реакционнейшие идеи клерикального движения.

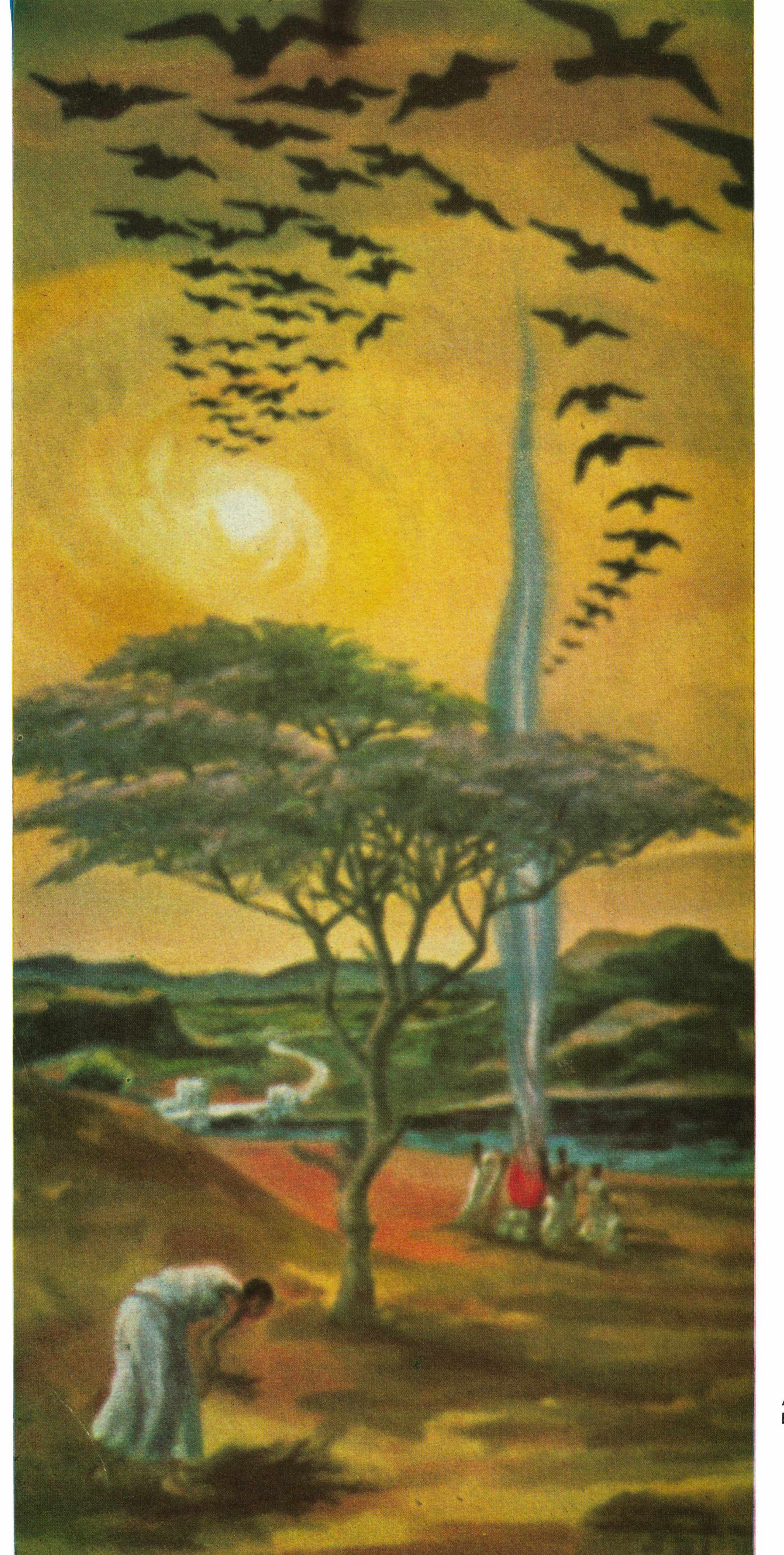
1980 год Бейкер начал с руководства президентской кампанией Дж. Буша, закончившейся тем, что Буш согласился на роль кандидата в вице-президенты. И тогда Бейкера взяли в огромный аппарат, на руководство которым, кроме Кейси, претендовал Эдвин Миз (об этом будет сказано ниже). Насколько позволяют судить различные источники, Бейкеру дел особенных не нашлось (аппарат Кейси—Миза не испытывал недостатка в людях), и весь его вклад в кампанию выразился в том, что он устно и письменно отстаивал идею телевизионных дебатов с Дж. Андерсоном, а затем с Дж. Картером.

Утверждают, что поначалу как первая, так и вторая идея пришлась не по вкусу главным советникам кандидата, да и самому Рейгану. Но постепенно аргументы возымели действие. И явно в похвалу Бейкеру Р. Эванс и Р. Новак напишут в своей книге: «Теледебаты Картера — Рейгана в Кливленде решили исход выборов». Книга появилась в 1981 году, несомненно, тогда это было мнение рейгановского окружения.

В объяснительном письме в конгресс, датированном 22 июня 1983 года, Бейкер писал: «Припоминаю, что я мельком видел какие-то объемистые несброшюрованные материалы, которые, как полагают, были переданы лагерю Рейгана кем-то причастным к компании Картера... Насколько я могу припомнить, мне передал эти материалы Уильям Кейси, предположивший, что они могут оказаться полезными...» Бейкер, получив материалы от Кейси, передал их Д. Гергену, который, согласно сообщениям печати, ведал подготовкой к дебатам. М. Эшуорт, отвечавший за размножение документов в штабе республиканской партии, заявляет, что незадолго до телевизионных де-

Афеворк Текле. МАЛЬЧИК-СИРОТА ИЗ ВОЛЛО. 1975.

Афеворк Текле.
ВЕСНА В КОКАДАМЕ. 1978.

батов между Рейганом и Картером он получил от помощника Бейкера «деликатное» задание: срочно сделать несколько копий картеровских документов.

Так или иначе, но Бейкер совершил головокружительный взлет. Ничем не отличившись в предвыборной кампании, кроме запуска механизма дебатов, он, как подчеркивают американские авторы, заслужил полное доверие нового президента, а вместе с ним пост начальника штаба Белого дома, ранги полного члена правительственного кабинета и регулярного члена Совета национальной безопасности.

Не одному Бейкеру помогла причастность к триумфу в словесной дуэли. Джон Стокмэн в колледже слыл либералом и противником агрессии США во Вьетнаме. Перейдя в Гарвардский университет, он получил приглашение жить в доме профессора Д. Мойнихэна — будущего сенатора, перешедшего из либералов в консерваторы и исповедовавшего новое кредо — неоконсерватизм. Мойнихэн начал обращать в свою веру и Стокмэна, который после Гарварда стал помощником нашего знакомого — конгрессмена Дж. Андерсона, отважившегося в 1980 году выставить свою кандидатуру в президенты. Уже на платформе неоконсерватизма Стокмэн стал конгрессменом и вошел в круг приближенных кандидата Рейгана. Стокмэн произвел на него неизгладимое впечатление своими актерскими способностями, когда на репетициях ему поручили исполнить роль его недавнего работодателя Дж. Андерсона. Вторая роль — Картера — была сыграна с меньшим блеском, но вполне сносно. Два выступления на генеральных репетициях расчистили Стокмэну путь к директорской должности в Административно-бюджетном бюро и доверию, которым пользуются у президента считанные люди.

Д. Герген вошел в администрацию как заместитель Дж. Бейкера, а затем получил в Белом доме пост директора отдела связи. Ему подчинялась многочисленная армия пропагандистов всего федерального правительства, которая дирижирует тысячами газет и журналов, сотнями телевизионных и тысячами радиостанций. До своего ухода в отставку в 1981 году Герген вырабатывал стратегию и тактику околпачивания общественного мнения в США, настраивал его в пользу переизбрания Рейгана, в частности, вытравливая из сознания американцев криминальные аспекты увертюры к словесной дуэли. Задача немаловажная. Ведь, согласно опросу американцев, проведенному Институтом Гэллапа, две трети считают, что предвыборная организация Рейгана виновна в определенных правонарушениях, а 83 процента заявили, что ближайшие помощники Рейгана поступили неправильно, преднамеренно проникая в Белый дом Картера. Большинство опрошенных полагают, что случившееся будет играть важную политическую роль.

В тени скандала держится теперь уже бывший ведущий советник президента Эдвин Миз, который в конце января был выдвинут Рейганом на пост министра юстиции. Точно установлено, что и через его руки проходили копии внутриполитических меморандумов Картера.

Миз, который «любит играть, прижав карты к груди», начинал с частной юридической практики в Калифорнии, перешел там же в заместители окружного прокурора, получил третьестепенное местечко в администрации губернатора Калифорнии Рейгана, быстро поднялся вверх и стал у него «начальником штаба», исполнительным секретарем. В кампании 1980 года он не уступал Кейси по положению, взяв в свои руки политические прерогативы. Как и Бейкер, он получил ранги полного члена кабинета и регулярного члена Совета национальной безопасности. Одно время его рассматривали как второго человека в администрации после президента.

Забегая вперед, отметим, что после того, как летом 1983 года разразился скандал, крупнейшая в Америке газета — «Нью-Йорк дейли ньюс» объявила, что она отказывает в месте на своих страницах Джорджу Уиллу, считая, что ему как журналисту не пристало участвовать в репетициях Рейгана с использованием ворованного материала и сохранить молчание по поводу «сомнительной истории». Кто же такой Дж. Уилл?

Когда высшая ступенька была взята и Рейган с супругой прилетели из Калифорнии в Вашингтон, то за каждым их шагом следили десятки репортеров. Всех занимало, кого они удостоят чести — примут приглашение на первую вечернюю трапезу в столице.

Вечерняя трапеза, именуемая у американцев обедом, служит не только насыщению желудка, расслаблению после трудов праведных, но и проверке жизненного статуса как хозяев, так и гостей.

Обед с президентом и его супругой — великосветское событие номер один. Оно состоялось в тот вечер в особняке Дж. Уилла. Не потому, что там чем-то особенным кормят, просто Уилл и Рейган одинаково смотрят на вещи. И частенько то, что у Рейгана бывает на уме, у Уилла оказывается в комментаторской колонке. Удобно, ведь даже откровенному «крестоносцу» подчас бывает выгоднее смолчать и выразить свою мысль с помощью другого. Своими статьями, книгами, телевизионными выступлениями Уилл завоевал первое место на правом крыле американской журналистики. В отличие от своего предшественника, трубадура «холодной войны» Дэвида Лоуренса, он, однако, не брезговал тем, что в Америке называют «кэрактер ассасинейшн», то есть «убийством репутации, или моральным убийством». Среди многих совершенных им попыток внимание привлекли «кромсания» президента Р. Никсона, «распятие без анестезии» сенатора Эдварда Кеннеди и очернение репутации его покойных братьев — Джона и Роберта.

* * *

Среди участников репетиций теледебатов был также молодой консультант М. Мартел, успевший прославиться на приведении своих подопечных в наиболее телегеничную форму перед самым ответственным выступлением. М. Мартел был уверен в себе, считал, что и без ориентирующего справочника Картера сумеет настроить Рейгана на победный лад. Он был приглашен в качестве консультанта, можно сказать, духовника Рейгана, репетитора, чей труд великолепно вознаграждался, и поэтому лезть с вопросами к Кейси, Стокмэну, Бейкеру, Гергену, Ходсоллу, Уиллу — «Где вы зацепили эту книжонку?» — он не мог. Он просто предложил закрыть справочник и не открывать его. Другие репетиторы подняли его на смех. Теперь они объясняют, что считали пользование рабочими, пусть и сверхконфиденциальными документами президента «нормальным» явлением, освященным политической практикой 200-летней истории США.

В чем-то они были, безусловно, правы. Американские политические традиции! О них написаны сотни фолиантов. Разве их перескажешь. Но познакомимся хотя бы с малой толикой «нормальных» явлений. Пожалуйста, если вам угодно, шпионьте за соперниками; подслушивайте их разговоры; воруйте приватные бумаги; распоряжайтесь без оглядки на закон пожертвованиями; используйте в политических целях приватные сведения о налогах; уничтожайте партизанскими методами официальные документы на уровне муниципалитетов, графств и штатов; скрывайте данные от судов и конгресса; спокойно вступайте на стезю заведомого обмана, раздавайте правительственные контракты (совет для партии у власти) тем, кто не поскупился на пожертвования для правящей партии, и т. д.

Все два века президент по молчаливому согласию награждался иммунитетом от приставаний жуликоватых политиканов, норовящих сунуть руку в чужой карман. Даже когда у него наступало так называемое «раздвоение», то есть он выступал как глава государства и правительства и как политик — претендент на сохранение за собой Белого дома.

Поэтому появление документов Картера в руках репетиторов оппонента было волшебством особого свойства, открывавшим новую эру в межпартийной американской политике. Эру политиканов «волшебников», готовых расправиться с президентом методами «кэрактер ассасинейшн».

В мясорубку «кэрактер ассасинейшн» старались запихнуть и приближенных президента Картера, так как, по убеждению «волшебников», это «убивало» прежде всего его самого. Незадачливый брат президента Билли Картер был обвинен в связях с «международными террористическими группами». Заместителя помощника президента по национальной безопасности Д. Аарона, отвечавшего в Совете национальной безопасности за деятельность разведорганов, сделали мишенью для обвинений в том, что он является «советским агентом». Подобный же ярлык примеряли и к вице-президенту У. Мондейлу, упирая на то, что в бытность сенатором помощником у него был Д. Аарон. Мондейл был активным членом сенатской комиссии по изучению деятельности разведывательных органов США, и теперь с ним и Аароном решили расквитаться.

В том, что с тактикой «убийства репутации» шутки плохи, пришлось убедиться влиятельным, либерально настроенным сенаторам-демократам Ф. Черчу (председателю сенатской комиссии по иностранным делам), Л. Бейху (председателю комиссии по разведке), Дж. Макговерну (кандидату в президенты в 1972 г.). Им не дали добиться переизбрания.

Если все «волшебники» работали засучив рукава над дискредитацией соперничающей партии и ее лидеров, то особые заслуги в этом деле принадлежат Кейси. С Аароном, Мондейлом, Черчем и другими расправлялось его войско, о котором говорилось выше. Помимо «кэрактер ассасинейшн», оно занималось, как помнит читатель, распространением по Вашингтону и всей стране политико-идеологического цианистого калия (по рецептам Мосса, де Борчгрейв и Стерлинг), подбрасываемого американцам в упаковке «международного терроризма» и «советской дезинформации». Эти дела Кейси были мало известны, ибо лишь единицы среди американских журналистов дали о них статьи, и то в таких органах печати, которые массовому американскому читателю неизвестны. «Большая печать» не проявила интереса к «грязным трюкам» Кейси. И уж полным молчанием была окружена во время предвыборной кампании еще одна функция этого войска — политический шпионаж, диверсии и, наконец, противозаконные акции. Люди Кейси не разменивались. В основном они интересовались Белым домом, Советом национальной безопасности, а заодно, значит, ЦРУ и Пентагоном. «Гордившийся своей репутацией заморского агента Управления стратегических служб в годы второй мировой войны, Кейси оказался фактически единственным советником в кампании Рейгана, готовым пойти на риск — риск набора бывших агентов ЦРУ и ФБР, которые должны были добывать информацию для политических целей»,— писал в июле 1983 года журнал «Тайм».

Вопрос о бывших агентах, прежде всего агентах ЦРУ, требует уточнения. Мы уже говорили, что кое-кто из них, участвуя в идеологических диверсиях на стороне республиканского кандидата, занимался этим под стягами «Ассоциации офицеров разведки в отставке» и «Национального центра исследований разведывательной деятельности». Но к статусу отставников все они пришли по-разному. За семь предыдущих лет в ЦРУ сменилось пять директоров, чехарда сопровождалась массовыми изгнаниями одних членов враждующих фракций, уходом других в знак солидарности с изгнанными, вытеснением в «добровольную» отставку третьих, подозреваемых в нелояльности и т. д. Или, например, желая умиротворить конгресс, проводивший слушания по разведке, устраивалась косметическая чистка звеньев, погрязших в самых вопиющих нарушениях конституции и законов США.

Кейси дал знать, что он восстановит в разведке всех желающих, если победит Рейган. Особенно возрадовались бывшие сотрудники Директората операций, занятого организацией убийств, террора, похищений, провокаций, государственных переворотов за границей. Скажи им прикончить Картера, они не дрогнули бы. И они его прикончили, но не так, как в свое время Джона и Роберта Кеннеди.

Продолжение следует.

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Новой школе — новую технику * Больше социальной активности * Совесть и юный пахарь

Е. МИХАЙЛОВА,
директор совхоза «Славковский»

Десять лет назад я приняла совхоз. Казалось, был опыт, были знания: до назначения директором не один год работала главным зоотехником этого же хозяйства. И все равно от надвинувшихся забот голова пошла кругом. Особенно смущала острая нехватка людей. Со своим директорством, как мне сейчас кажется, я угодила в самый разгар миграции деревенского населения в город. По натуре я человек не робкий, а тут, честно скажу, растерялась, сникла: «Не сдюжу!» Ну, хоть подавай заявление по собственному желанию. Как быть?

В те времена директором нашей Славковской средней школы был умница, деликатнейший и добрейший человек Владимир Ильич Устинов. Преждевременно ушел он из жизни. Сердце отказало. Буквально сгорел человек на работе. Много он сделал для людей, для нашего хозяйства. Так вот, заходит ко мне однажды Устинов и ласково так, ободряюще начинает: «Школа и совхоз должны быть как нитка с иголкой... Тут одно за другое цепляется. Давайте вместе разворачивать ребят лицом к совхозу».

Я далека от мысли сказать сейчас, что за десять минувших лет мы резко разбогатели, что наша жизнь стала неузнаваемо прекрасной. К чему громкие слова, когда еще жизнь в деревне далека от того идеала, к которому мы стремимся. Но вот что радует — молодеет село. Сильно нам не хватало когда-то механизаторов. Теперь у нас не простаивает ни один трактор. Добрая половина механизаторов в возрасте до тридцати лет. Каждый год мы принимаем на работу до десяти, а бывает, и больше парней с правами тракториста-машиниста III класса. Приходят ребята из школы, возвращаются домой из армии. Недавно выяснилось: шоферов у нас переизбыток. С точки зрения строгого экономиста, непорядок. А по-человечески — както на сердце от этого становится теплее: людей прибавляется. Хозяйство похоже сейчас на человека, который пошел после долгой, затяжной болезни на поправку.

Убедившись, что нам без школы никуда, я внимательно слежу, как готовят ребят к взрослой трудовой жизни в нашей Славковской средней школе. Как ни бываешь порой занята, но стараешься почаще бывать на комсомольских собраниях в старших классах. На них узнаешь настроения мальчишек и девчонок, знакомишься с их характерами, делаешь заметки на будущее, готовясь встретить вскоре многих из них в хозяйстве. Бывая у ребят, замечаю словоохотливых и любопытных, бойких в ответах, не стесняющихся задавать вопросы. Давно поняла: человек с живым умом и воображением инициативен. По душе мне в школе то, что ребята имеют свое поле в несколько десятков гектаров. Они его обрабатывают, засевают и убирают. Это очень полезно для них — представление о земле, о крестьянском труде вырабатывается не отвлеченное, а конкретное, осязаемое, как соленый пот на губах в жаркий полдень за работой в поле, как ноющая поясница после дня внаклонку, как исколотые колючими сорняками руки. Особенно приятно мне то, что парни приходят в хозяйство с хорошим знанием техники. Много я видела вчерашних школьников на тракторах, комбайнах, машинах и одно могу сказать: по навыкам, техническим знаниям они ни в чем не уступают, а в чем-то даже и превосходят выпускников сельских ПТУ. В школе их учат надежно. Мастерами трудового обучения совхоз направил в школу грамотных, знающих свое дело специалистов. Владислав Леонидович Гаврилов — наш бывший механик, Николай Иванович Иванов работал агрономом.

Когда-то мы отдали в школьную мастерскую автомобиль, трактор, комбайн. Хочу подчеркнуть — «когда-то». Время идет. И то, что пять-шесть лет назад вполне отвечало требованиям профподготовки в сельских школах, сегодня уже устарело. У наших ребят нет ни одного «Кировца», Т-150 — последних марок тракторов. Не хватает современной почвообрабатывающей техники. Школа обижается на нас: мол, плохо в последнее время помогаем, а кадры требуем. Справедливые обиды. Да только где нам взять современную новую технику, если и для хозяйства ее выделяют не ахти как много и часто. Но проблему эту необходимо решать, коли мы всерьез задумались о качественной трудовой и профессиональной подготовке учащейся молодежи. Вот почему мне хочется дополнить шестой пункт проекта реформы школы таким предложением:

«Учебная база средних школ должна отвечать последним достижениям науки и техники. В сельской местности узаконить дополнительные фонды базовых совхозов и колхозов для получения современной техники с целью передачи ее подшефным средним школам».

В этом году решили остаться после десятилетки дома еще 13 парней. И как бы там ни было, ребята в своем большинстве, уверена, с техникой будут ладить. Все они дети своего времени. Если их деды и отцы сызмальства приучались всем крестьянским бытом обращаться с лошадью, то нынешние мальчишки также, едва научившись лепетать, впитывают навыки ухода за машиной. Взять под уздцы коня стального для нового поколения уже нехитрое дело.

Тринадцать новичков... Недурно знающих устройство тракторного двигателя, узлов смазки на комбайне, зубчатых и дисковых борон. Тринадцать умов, желаний, настроений... Тринадцать душ. Верю, хочу верить, что все они будут так же умело и старательно работать, как их старшие товарищи: Алексей Крылов, Владимир Андреев, Павел Васильев, Владимир Мельников. И все равно, както болит за них сердце, за этих будущих новичков-пахарей, земледельцев. Я повторяю, в хозяйстве их становится все больше и больше. Спору нет, отрадный факт. Но все чаще я задумываюсь: только ли просто рабочие руки нужны сейчас нашему хозяйству, земле? А люди с беспокойной совестью, с высокоразвитым, обостренным чувством гражданского долга и чести разве не нужны?! Думаю, что пришло время ставить вопрос о молодом пополнении именно так. Деревенская молодежь, как это ни странно звучит, становится ближе к родным истокам. Все больше у нас строится жилья. Квартиры с охотой и в первую очередь даются молодым. Это подкупает многих, кто только начинает самостоятельную жизнь. В городе получить жилье непросто. У нынешних сельских ребят происходит медленный переворот в сознании, что где родился, там и пригодился. Знаю это по своему сыну Александру. Тоже думал вначале пойти после школы в политехнический институт. А потом словно опомнился: сейчас учится в Великих Луках в сельскохозяйственном на агронома.

Как мать, хорошо понимаю и чувствую еще не окрепшую душу семнадцатилетних парней. Жизнь скоро поставит перед ними проблему выбора. Они увидят, что труд — это не только сплошной праздник, творчество и наслаждение, но прежде всего источник существования. Что наряду с добрыми, светлыми началами в жизни встречается и низкое, злое, нехорошее. Как поведут они себя, вчерашние школьники, в этой ситуации? Как поведут себя, столкнувшись с проблемами сегодняшней жизни деревни, тринадцать будущих новичков?

Вспоминается случай, рассказанный мне недавно учителем Владимиром Петровичем Смирновым. С группой ребят он был на уборке льна. Стоял октябрь. Все шло к снегу. Надо было торопиться. Ребята старались, вязали снопы как могли быстро. А в это время совхозные механизаторы, загородившись от ветерка тракторами, резались в карты. Один мальчишка не выдержал, спросил:

— А вы что же, дяденьки?

— Нам, пацан, только за перевозку платят,— ответили, засмеявшись, дяденьки. И кто-то из них глумливо пропел: «Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака...»

Никого из бывших выпускников школы в этой «компании» не было. И я тогда подумала, а если бы кто-то из вчерашних выпускников все-таки случайно оказался среди тех, «кто не сеет и не пашет»? Как бы он повел себя? Оскорбился бы, возмутился, пошел против всех? Пожертвовал бы репутацией «своего» парня? Или посмеялся бы вместе со всеми над незадачливым школяром? Не знаю до сих пор, что и ответить себе. Но есть у меня какие-то внутренние сомнения, что не поднялся бы вчерашний выпускник. А если бы не засмеялся со всеми, то продолжал бы молча «ходить», как и все, с козырей... Карточных козырей.

Появляются, к сожалению, у меня основания для такого рода сомнения. Уж больно робкий нынче пошел выпускник. С ним рядом пьют в рабочее время — он молчит, а то готов и сам стаканчикдругой пропустить. Бункер зерна на его глазах «налево» ссыпают — он только поежится. В клубе годами будет скука царить — он поворчит для порядка и успокоится в надежде, что скоро приедет ктото откуда-то и такие чудеса покажет! Да никто не приедет и ничего не покажет, не перестанут пить и воровать, если сам не проснешься, не разбудишь свою совесть и не возьмешься за корчевку всего, что не нравится нам всем. Такой, я понимаю, должна быть позиция у нынешнего выпускника средней школы. А то не получилось бы, что и они в конце концов запоют: «Мы не сеем и не пашем...»

Со святым словом «сеять» у меня связана всегда старинная русская мудрость: «Что посеешь, то и пожнешь». Вспоминаю обычно эту пословицу, когда думаю о школе и о тех ребятах, что приходят к нам в хозяйство после выпускного. Не всегда еще аттестат зрелости свидетельствует о социальной и гражданской зрелости его обладателя. Можно знать, но не понимать, принимать названия за определения. Другими словами — быть страшно далеким от жизни, от ее конкретных проблем и условий. Мириться с этим было бы непростительной ошибкой. Вот почему в будущей пересмотренной школьной программе следует особо учесть разделы о нравственном формировании молодой личности. И прививать понятие о добре и зле нужно не отвлеченно, а на конкретных реальных примерах, взятых из жизни. Для этого, думаю, надо чаще и живее проводить открытые уроки со старшими, с теми, кто уже окунулся в жизнь и показал в ней себя человеком с неподкупной, беспокойной совестью. Пора научиться говорить с ребятами прямо и открыто, не сюсюкая, без громких трескучих фраз. Пусть они узнают о существующих проблемах, когда ходят в школу, и готовятся решать, бороться с ними. Гораздо хуже бывает, если злоба дня обсуждается за бутылкой в узком кругу, откуда молодой человек наверняка уже выйдет с мнением, что ничего не исправишь и в драку лучше не лезть. На мой взгляд, неплохо было бы пересмотреть тексты учебников и хрестоматий по литературе, обществоведению, истории. Дополнить их произведениями лучших советских современных писателей, чья позиция в творчестве отличается высоким духом гражданственности.

Считаю, что к III разделу проекта школьной реформы следует дополнить требование о формировании у школьников инициативы и социальной активности.

Порховский район,
Псковская область.

«...Партия особое значение придает коренному улучшению подготовки молодого поколения к труду» — так говорится в проекте школьной реформы. Нам показался интересным опыт учителей села Цвеленево, что на Орловщине, опыт, о котором мы сегодня рассказываем. Их дела — конкретный вклад в перестройку нашей школы.

Учеба и труд

Елену Андреевну Артюхову, директора Цвеленевской средней школы, я видела на снимке, когда собиралась в колхоз «Луч революции». Фотография была сделана по торжественному случаю — ей присвоено звание народной учительницы СССР. На фото Артюхова была строга и официальна. В жизни — веселая, открытая.

— В нашей школе круглый год работает ученическая производственная бригада,— начала свой рассказ Елена Андреевна.— Сейчас, зимой, когда пуржит, мы проводим снегозадержание, проверяем семена на всхожесть, весной начнется посевная, летом ухаживаем за посевами, осенью собираем урожай. Ребята учатся управлять сельскохозяйственными машинами — у школы два трактора, автомобиль, есть и кабинет машиноведения. Получить права шофера и тракториста можно прямо в колхозе — здесь создан учебно-производственный комбинат с классами по изучению автомобилей и тракторов, ремонтные мастерские. Ну а девушкам больше по душе профессия оператора машинного доения, учат их знатные доярки З. И. Пахолкина и А. А. Харлашина.

Я предлагаю внести дополнение к 22-му пункту проекта школьной реформы: *«Колхозные школы обязаны ориентировать своих учащихся именно на те специальности, которые требуются в данном хозяйстве»*. Это поможет удержать молодежь в колхозе, даст хозяйствам нужных специалистов.

...Чего только нет на пришкольном участке в пять гектаров! Только кустарников и цветов здесь более трехсот видов, прижились туя, белая акация, ирга, кактусы, виноград. А сколько цветов! Даже глубокой осенью цветут хризантемы и розы. Цветочную рассаду, выращенную в парниках, ребята высаживают у детского сада, Дома культуры, здания сельского Совета, у животноводческих ферм.

Это не просто увлекательное занятие, а, как говорится в проекте, «систематический, организованный, посильный для их здоровья и возраста общественно полезный труд — труд настоящий, необходимый обществу».

Дети, недавно пришедшие в школу, ухаживают за комнатными цветами, ребята постарше учатся делать прививки. Выполняют школьники и задания колхоза: испытывают на урожайность и полегаемость рожь, пшеницу, ячмень. За последние пять лет двадцать пять учеников Цвеленевской школы стали участниками ВДНХ.

И все это не в ущерб учебе и досугу. Разнообразны интересы ребят — фестивали искусств и конкурсы рисунков, состязания юных пахарей, доярок, полеводов.

— Все начинается со школы,— так считает председатель колхоза «Луч революции» Алексей Николаевич Артюхов.— И любовь к родному краю, и культура, и чувство ответственности.

Председатель колхоза и директор школы не однофамильцы. Они муж и жена. Оба родились в этих местах, и надо же так совпасть — в один день 30 марта 1924 года. Когда началась война, семнадцатилетний Алексей ушел добровольцем в армию, освобождал от фашистов именно эти, родные места. Потом под Гомелем его тяжело ранило, долго лежал в госпитале. Вернувшись домой, учился в Орловском педагогическом институте, преподавал географию, историю, ботанику, стал директором школы. А в 1958 году избрали его председателем колхоза. Волновался вначале, тем более что хозяйство досталось слабое.

— С чего начинать? Бывало, руки опускались,— вспоминает Алексей Николаевич.— Урожаи в колхозе низкие, люди уезжали. А без молодежи не поднять колхоз. Поэтому решили в первую очередь наладить дело с кадрами. Только откуда их черпать, кадры? Надо растить свои. Начали со школы. На ее строительство и оборудование потратили около двух миллионов рублей. Теперь здесь пятнадцать учебных кабинетов с киноаппаратами, телевизорами, магнитофонами, спортзал, столовая, интернат, мастерские. Построили дом учителя, Дом культуры, механизировали труд на фермах. Потом взялись за дороги...

Шли годы, колхоз набирался сил, урожайность поднималась. А самое главное — молодежь стала оставаться на селе. Большинство колхозников — механизаторы, животноводы, трактористы — выпускники местной школы. Каждый год уезжают в институты колхозные стипендиаты, а потом возвращаются агрономами, ветеринарами, учителями, врачами, инженерами.

...Растет в колхозе новая улица. В удобных домах с паровым отоплением, подсобными помещениями поселяются надолго, навсегда. Назвали эту улицу Молодежная.

И. МИХЕЕВА

Орловская область,
Урицкий район.

НА ПЕРВОЙ ОБЛОЖКЕ «ОГОНЬКА»

В школу 6-летние ребятишки приходят на час раньше положенного, как в детский сад. В специальном помещении переодеваются в школьную форму, которую они снимут после окончания уроков — в полдень. И снова наденут домашнюю одежду, в ней они проведут остаток дня — до шести-семи вечера, когда родители заберут их домой. После уроков — обед, послеобеденный сон. Потом ребята гуляют на улице, играют, рисуют, что-то мастерят, занимаются ритмикой...

Такой примерно распорядок дня существует вот уже второй год в новгородской школе № 8 для учащихся двух первых классов, которые стали школьниками в шесть лет.

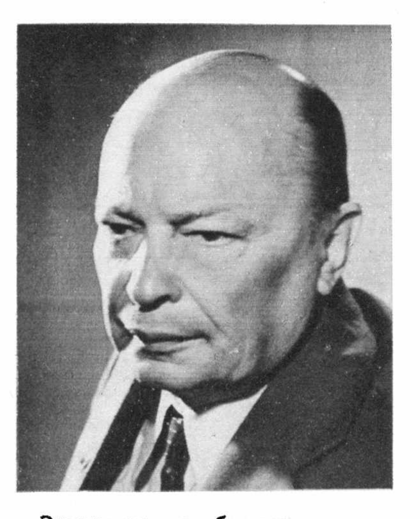
Для экспериментальных классов отвели целое крыло школьного здания: две классные комнаты, где ребята учатся, две — где они спят, и еще раздевалки. Дело, конечно, не только в помещениях.

В школе, в любой школе, главное действующее лицо — учитель. Как сделать, чтобы малыши постигали азы наук с удовольствием, с увлечением, играючи,— вот основная задача, которая встала перед педагогами. Проблема эта пока еще ждет своего решения...

Эксперимент в Новгороде продолжается.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРКАДИЯ КУЛЕШОВА

СЧЕТ ВРЕМЕНИ

В одном из сборников стихов и поэм Аркадия Кулешова поражает небольшой раздел «Строки о совести».

С юных лет у меня
Есть одна лишь забота — работа.
Не для славы тружусь,
Не для роскоши, не для почета.
. . . .
Я не против почета,
Но в сердце иная забота:
Я на трудном посту,—
В мире большего нету почета,—

таково кредо поэта. И он последовательно отстаивал свою жизненную позицию. Белоруссия. Стоит произнести это слово, как тут же по обязательной ассоциации возникают имена ее великих певцов — песняров Янки Купалы и Якуба Коласа. Они проложили дорогу белорусской поэзии. Аркадий Кулешов, их младший современник, был верным и последовательным продолжателем их дела.

Не случайно поэт написал свои «Строки о совести». В поэтическом цикле он стремился выразить очевидную мысль, что истинная муза несовместима со всякого рода побочными делами и делишками — карьеризмом, обогащением за счет литературы, несовместима с житейским спокойствием и благополучием:

Блещет золотом роскошь,
Сыта и богато одета,
Но бедна вдохновеньем —
Единственным кладом поэта.

Откровенно публицистичные, хотя и оправленные в строгую стихотворную форму, эти строки многое говорят об их авторе, о его мировоззрении и гражданственности.

Он не только не бежал в своем творчестве от жгучих вопросов современной жизни, но, напротив, искал возможность ответить на них своими стихами. Не случайно образцом для него был Лермонтов. «Вот где все полно бурь и движения, тревог и страстей,— писал Кулешов в статье «Встреча с Лермонтовым», опубликованной в «Новом мире» в 1964 году.— А какая жажда жизни в каждом слове, как по-новому волнуют и как отчетливо звучат в каждой строке трагические вопросы современности...»

А. Кулешов был свидетелем и участником трагических событий, пришедших в его родную Белоруссию вместе с войной. История народа, на который обрушилась страшная беда, принесенная фашизмом, вошла в его поэзию. И потому так драматичен финал знаменитой поэмы Кулешова «Знамя бригады», что поэт, кровь от крови народа, вместе с ним переживал боль и беду:

Нет, пишу я не просто дневник,—
Приговор выношу справедливый.
Я на кровь в людскую глядел,
На пожары, на пепел летучий
И не в строки собрать их хотел,
А в могучую тучу.
...Пусть же пламенем дышат листки!
Пусть же молний разящих штыки
Весь, от первой до этой строки,
Приговор приведут в исполненье!

Эпическая, как бы пронизанная народным духом и образностью поэма эта стала одним из классических произведений о Великой Отечественной войне. Требовательный Александр Твардовский писал, что «первоначальное знакомство с этой вещью — одно из самых ярких... литературных воспоминаний военного времени». Сразу после войны поэма «Знамя бригады» была отмечена Государственной премией первой степени.

Большая эпическая поэма традиционна для белорусской литературы. И в этом смысле А. Кулешов верен традициям. Но и в лирических стихах, вошедших, например, в сборники «Новая книга», «Сосна и береза» и многие другие, он умел подняться до высоких философских обобщений, размышляя о Вечности и мироздании, земле и мире. Актуальные и очень лиричные стихи Аркадия Кулешова сохранили и через десятилетия свою притягательность: в своей мудрости, простоте и сердечности они восходят к народной музе. С ранних лет стремился он погрузиться в гущу бытия. «Прихожу к выводу,— вспоминал он в автобиографии свою молодость,— что слабо, поверхностно знаю жизнь, а о том, что знаю, пою, как говорится, несвойственным для меня голосом. Понимаю, что лучше всего обратиться к народной песне, к Янке Купале, к Якубу Коласу, к Пушкину и Некрасову». Взглянув теперь на весь творческий путь Аркадия Кулешова, мы можем увидеть, как много дала ему эта высокая школа.

Значительна и необычна одна из последних работ А. Кулешова — историческая поэма «Хамутиус», опубликованная в русском переводе в 1975 году. Ее главный герой — друг России, выдающийся белорусский революционер Кастусь Калиновский. Глубокий психологизм, историческая достоверность, сложность сюжета отличают это произведение. Поэма «Хамутиус» высветила еще одну грань творчества, свидетельство зрелости поэта — тяготение к исторической драме.

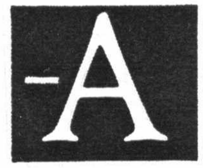
...Художники уходят, остаются произведения — книги, симфонии, картины. Начинается иной отсчет времени — в вечности. И, читая сейчас стихи Аркадия Кулешова, мы слышим вновь пророческий и мужественный голос народного поэта:

Конец пути в начало перейдет,
А расставанье — в новое свиданье,
Жалейки звук щемящий —
в труб звучанье,
Счет времени — в пространства длинный счет.

П. ВОЛНАТЕНКО

как слово наше отзовется

Анатолий ИВАНОВ

натолий Степанович, от первого вашего романа «Повитель» протянулась нить к получившим широкую известность, экранизированным эпопеям «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов». На материале десятилетий послереволюционной истории таежной Шантары вы прослеживаете коренные сдвиги, происшедшие за годы Советской власти в психологии и социальных отношениях крестьянства. Острым жизненным проблемам посвящены ваши последние повести.

Что думаете вы о роли писателя в обществе, о способе художественного отображения действительности в связи с часто возникающими дискуссиями на эту тему? На Западе ведь не прекращаются нападки на метод социалистического реализма...

— И не прекратятся, ибо метод социалистического реализма требует от художника классового подхода при исследовании и отображении жизни. А именно классовости в искусстве не просто опасаются, а смертельно боятся властители капиталистического мира, ибо такое искусство раскрывает людям глаза на социальную несправедливость, способствует развитию классового самосознания народа, поднимает его на борьбу с эксплуататорами. Разве будут власть имущие способствовать этому?

Основоположником пролетарской литературы и метода социалистического реализма явился, как известно, Максим Горький. Его величие как художника состоит в том, что задолго до революции он в своих произведениях показал всему миру высокую духовно-нравственную красоту и богатство простого человека. Силой своего могучего таланта он как бы настежь распахнул двери в необозримые глубины народной души, где эти богатства лежали в слитках и россыпью в неисчислимых количествах. И предчувствуя грандиозную историческую судьбу своего родного народа, Горький за годы до революции стал ее легендарным буревестником... Разве владыки капиталистических стран заинтересованы в рождении у себя таких буревестников?

Если там появляется художник, осмеливающийся говорить в своих произведениях о социально-классовых противоречиях в капиталистическом обществе, его замалчивают, обрекают на бедность, нищету, всеми способами преследуют не только как писателя, но и как человека. Так капитал контролирует духовную культуру и уничтожает настоящую литературу и искусство.

— Метод социалистического реализма, как всякий метод художественного отображения действительности, постоянно развивается и совершенствуется. Может быть, именно поэтому нет и не может быть какой-то академической формулировки, застывшего определения сущности этого метода?

— Во всех бесконечных попытках в нескольких словах с наибольшей емкостью выразить сущность метода социалистического реализма так или иначе присутствовали мысли о том, что этот метод требует от художника правдивого, исторически конкретного отображения действительности в ее революционном развитии. Во многих случаях еще добавлялось, что правдивость и историческая конкретность отображения действительности должны сочетаться с задачами идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма.

Мне кажется, что сейчас метод социалистического реализма каких-то новых черт не приобрел (и вряд ли приобретет их в дальнейшем), но принцип социально-классового подхода к отображению действительности выражается теперь все более емко и углубленно. И именно это дает возможность нашим писателям проникать художническим взором в самую сердцевину сложностей и противоречий процесса общественного развития эпохи, исследовать жизнь, ее поступательное движение в огромных временных пластах. Во всяком случае, именно об этом свидетельствуют последние книги ведущих российских прозаиков и поэтов — Георгия Маркова, Василия Федорова, Михаила Алексеева, Юрия Бондарева, Петра Проскурина, Владимира Фирсова, Виталия Закруткина, Сергея Залыгина, Анатолия Калинина, Валентина Распутина, Сергея Воронина, Афанасия Коптелова, Сергея Викулова, Валентина Сорокина, Валентина Сидорова и других! Жаль только, что наша критика, которая так любит по каждому поводу говорить о своих достижениях, во всяком случае, о своей объективности, этой особенности современной литературы будто и не замечает и высокопродуктивное творчество многих из перечисленных выше писателей достойным образом не анализирует, а произведения некоторых, таких, как Василий Федоров или Владимир Фирсов, например, почти не упоминает.

— Как вы понимаете новаторство в литературе?

— О новаторстве в литературе написаны горы статей и книг. За что только некоторых литераторов не объявляли новаторами и сверхноваторами — за короткие, рубленые фразы без прилагательных, за демонстративный уход в творчестве от социальных проблем, за так называемую исповедальность, за столь же откровенное подражание, скажем, Хемингуэю, Ремарку или другому западному писателю, за использование в диалогах кавычек вместо тире и т. д. А дело между тем проще простого — новатором в литературе является лишь тот художник, который открывает читателю новые, ранее в литературе не встречавшиеся челове-

Фото М. Савина

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ческие типы и характеры, который исследует жизненные явления и события, ранее литературой не затрагивавшиеся.

Так я понимаю новаторство. Это всегда открытие чего-то нового, ранее читателю неизвестного. Не видя перед собой хотя бы одного человеческого типа, ранее литературой не исследованного, настоящий художник не сядет за новое произведение. А этот человеческий тип, человеческий характер — продукт своего времени. Значит, автору в будущем произведении предстоит исследовать особенности того времени, которое породило этот характер. А поскольку характер новый, ранее в литературе не встречавшийся, значит, и обстоятельства, которые сформировали этот характер и которые писателю предстоит показать, тоже будут в известной мере новыми, для читателя неизвестными. Работая с таким материалом, художник для наиболее всестороннего объяснения причин и обстоятельств, сформировавших его героя — нового в литературе характера,— для наиболее полного выражения философского замысла произведения ищет соответствующую ему форму.

Зачастую она, эта форма, также бывает новаторской. Каждое классическое произведение отечественной и мировой литературы является новаторским. Потому-то они столь значительны в духовной жизни человечества. Потому-то неоспоримо воздействие мировых гигантов художественного творчества на каждого писателя. Как и в чем конкретно проявляется это воздействие — высказать не так-то просто, может быть, с исчерпывающей полнотой и невозможно. Мне кажется, вчитываясь в то или иное классическое произведение мировой литературы, размышляя о творческой мощи этих гигантов, стремившихся объяснить людям извечные тайны красоты и трагичности бытия, тайны жизни и смерти, каждый писатель, в какое бы время он ни жил, также испытывает потребность попытаться использовать свои скромные силы в исследовании и объяснении каких-то хотя бы незначительных жизненных обстоятельств и противоречий. Такие пробы многих авторов так пробами и остаются, а другие писатели постепенно становятся в ряд с предыдущими гигантами, подвигнувшими их на художественное исследование этого огромнейшего человеческого мира и бесконечной в своем развитии жизни.

Из гигантов русской классической литературы лично на меня оказали наибольшее влияние Лев Толстой, Максим Горький и Михаил Шолохов — величайшие новаторы в литературе. Они научили меня историзму в художественном мышлении, той самой классовости в искусстве, чем характерен метод социалистического реализма.

Что касается Михаила Шолохова, то он, говоря упрощенно, показал всем советским писателям, какую литературу и как надо создавать в условиях нового социального строя на материале прошлой и сегодняшней действительности, как глубоко можно и необходимо исследовать те социально-общественные катаклизмы, которые пережил народ и в ходе которых рождалось новое, необыкновенное общество, а значит, и новые, необыкновенные характеры.

Я всегда ощущаю воздействие и таких наших классиков литературы, как Тургенев, Некрасов, Алексей Толстой, Твардовский, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, воздействие, мне необходимое и потому благотворное. Из зарубежных прозаиков XIX века особенно люблю Бальзака. Необыкновенный жил на земле художник, для которого были ясны, кажется, даже самые потаенные движения и секреты бытия, человек, который буквально сгорал и сгорел над листом бумаги.

— А какие проблемы волнуют вас как писателя?

— Многие проблемы. Связанные, например, с экологией, с землей, с хозяйствованием на ней. Мне кажется, например, что глубокой вспашкой в ряде районов мы портим наши плодородные земли...

Меня волнуют случаи бездушного, бездумного, а часто просто варварского отношения к природе.

Недавно мне попал в руки выпущенный в 1982 году фотоальбом.

На одной из его страниц помещена фотография обломка скалы, которую предстояло сбросить в воду при перекрытии русла Енисея. На каменной глыбе крупно начертано: «Ну, Енисей, погоди!»

С чем же мы боремся, кому грозим? Реки всегда были и поильцами и кормильцами людей, поэтому люди и селились в первую очередь по их берегам, прославляли реки в песнях, сказаниях, легендах. А вот поди ж ты, нашелся шустренький человек, «покоритель» Енисея!

В годы моей юности широко бытовал лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Да, брать можно, даже нужно, если с умом. А мы сплошь да рядом хозяйствуем еще неразумно. Мы сводим на огромных площадях леса без соответствующего их восстановления, а потом удивляемся — почему это наши реки, недавно еще полноводные, мелеют и мелеют. Мы в гигантских масштабах и без достаточного изучения и знания законов земного водообмена проводим мелиоративные работы, а потом с тревогой недоумеваем: отчего это земля все больше обезвоживается, почему все чаще случаются засухи?

Человек не должен враждовать с природой хотя бы потому, что он сам, как сказал один замечательный поэт, «ее частица, ее творенья светлого венец». Ведь получается, что враждует сам с собой. Нелепость? Но как трудно людям осознавать в полной мере эту нелепость!

Существует на селе, по моему разумению, множество животрепещущих проблем. Да взять хотя бы проблему сохранения самих деревень. В свое время было произведено укрупнение деревень, были построены сельские поселки с домами городского типа, куда и сселили людей из небольших поселений. Это привело к тому, что у множества сельских жителей мы, увы, отняли охоту заниматься земледелием и животноводством, а если сказать другими словами — у них отняли любовь к земле. Сейчас мы признаем, что примерно 40 процентов маленьких деревень, объявленных в свое время бесперспективными, мы ликвидировали напрасно. Но, увы, поезд, как говорится, ушел...

Волнуют меня и некоторые проблемы, связанные с молодым поколением, идущим нам на смену.

Самая нелегкая проблема для современной молодежи, на мой взгляд,— как выработать и воспитать в себе сознательный высокий нравственный идеал, который бы определил всю дальнейшую жизнь, наполнил бы ее одухотворенностью. Увы, наша система воспитания молодежи, начиная с самого раннего, школьного возраста, страдает, видимо, какими-то серьезными недостатками.

Вот почему мы приветствуем проект ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», где, в частности, говорится: «Следует усилить помощь семье и одновременно поднять ее ответственность за воспитание подрастающего поколения. Воспитание детей — конституционная обязанность граждан СССР. Родители призваны всемерно возвышать авторитет школы и учителя, воспитывать детей в духе уважения и любви к труду, подготавливать их к общественно полезной деятельности, приучать к порядку, дисциплине, соблюдению норм жизни нашего общества...» Думается, совершенно правильно и то, что, в свою очередь, дети обязаны заботиться о родителях, старших.

Влияние западной разлагающей, растлевающей идеологии и моды на нашу молодежь пока весьма значительно. Зарубежные радиопередачи, музыка и песенки, размывающие и осмеивающие сами принципы гражданственности, патриотизма, простой порядочности — да мало ли чего еще! — широким потоком льются в нашу страну. Что мы всему этому противопоставляем? Мне кажется, наши усилия в области контрпропаганды должны быть более действенными и направленными, носить наступательный характер.

Возьмем, скажем, некоторые дискотеки, сама идея которых пришла из-за рубежа. Достаточно ли мы следим за идейным содержанием этих вечеров, просто в конце-то концов за нравственной атмосферой подобных собраний молодежи? И дискотеки часто служат, если уж говорить начистоту, рассадником аполитичности, бездуховности, и, к сожалению, порой такие музыкально-танцевальные мероприятия не обходятся без выпивки. А уж что говорить о курении?! Даже из кармашков платьиц старшеклассниц торчат начатые пачки сигарет...

Еще возьмем, скажем, кинематограф. Постоянно в наших кинотеатрах демонстрируются западные боевики и гангстерские фильмы, умело пропагандирующие капиталистические прелести жизни.

Копирование западных образцов киноподелок у нас распространено довольно широко.

Да разве только киноподелок? А сколько развелось у нас всяких музыкальных ансамблей на западный образец, то есть с репертуаром из дергающейся западной музыки, с идейно неприемлемыми песенками? Сколько композиторов, сочиняющих музыку и песни под тот же Запад: музыку — примитивную, неодухотворенную, немелодичную, песни — пошлые, в лучшем случае мещанские, когда сотни раз повторяются на одних и тех же дергающихся ритмах слова о всепожирающей любовной страсти. Как пожар, распространяется такое «творчество» по эфиру, в грамзаписи, на эстраде.

Мы иногда не задумываемся, сколько вреда людям, особенно молодежи, приносят, скажем, кривляющиеся у микрофона «певицы» и «певцы» с хриплыми голосами. Ведь эти, с позволения сказать, «исполнители» разрушают, в первую очередь у молодежи, самые основы эстетического восприятия жизни, понятие прекрасного.

И подобные примеры, увы, можно приводить без конца.

Я далек от мысли только чернить нашу молодежь. Но проблема ее нравственного воспитания остается очень и очень острой.

Естественно, что меня, как и любого честного человека на земле, волнуют сейчас проблемы войны и мира. Куда мы идем? Что ждет человечество? Поголовная гибель в ядерном огне или торжество самых светлых и благородных его идеалов?

— Надо полагать, что эти волнующие вас проблемы отражаются и в вашем творчестве.

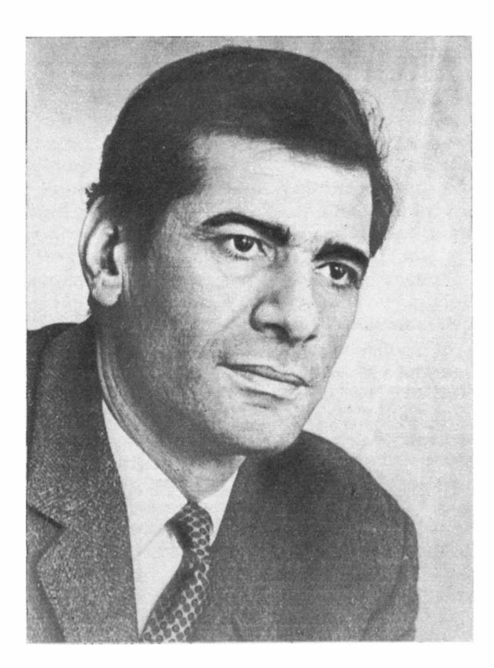
— Конечно. Как же они могут не отражаться? Всеми своими произведениями — и литературными и кинематографическими — я стараюсь воспитывать у читателя, прежде всего молодого, историзм мышления и сознания, высокий нравственный, патриотический идеал. Иногда, желая подчеркнуть волнующие меня проблемы, я прибегаю к особым приемам. Так, в «Вечном зове», например, это большой политический диалог между двумя персонажами — Лахновским и Полиповым, их разговор о формах и методах беспощадной дальнейшей борьбы двух враждебных социальных идеологий и миров. Некоторые критики обвиняли меня в том, что диалог этот неестественный, что не могли люди, жившие сорок лет назад, высказывать мысли, которые только сейчас стали крайне злободневными. Ну и пусть подобные критики себе на здоровье так считают. А мне этот диалог был крайне нужен, он был просто необходим для идеи произведения, и поэтому я ввел его в текст романа.

Писатель и жизнь — эти два слова нерасторжимы. Жизненные противоречия всегда волнуют художника, дают ему обильный материал для творчества.

Я, как и подавляющее большинство людей на земле, оптимист и верю, что ядерная катастрофа на земле все-таки не разразится. Но одного оптимизма здесь мало. Надо каждому из нас много и самоотверженно работать, чтобы крепить оборонное могущество Родины. Наши противники, враги мира и человечества, никаких слов не боятся. Они боятся только силы, боятся всесокрушающего возмездия за свои преступные военные авантюры. Надо сделать так, чтобы всякий играющий с термоядерным огнем знал, что в случае его безрассудства возмездие неотвратимо его же и настигнет, спасения ему не будет, не будет!

Народы не должны потерять и не потеряют разума. И вечно будет вращаться на своей орбите прекрасная голубая планета Земля — колыбель разумной жизни во Вселенной.

Беседу вел Ю. ОСИПОВ.

ПАМЯТИ МУИНА БСИСУ

Умер Муин Бсису. Поэт боли и надежды палестинского Сопротивления. Перестало биться сердце бесстрашного бойца, который прошел долгий путь борьбы и лишений, почти девять лет томился в тюремных застенках, участвовал в героической обороне Бейрута, куда пробрался сквозь кордоны израильской армии и ливанских фалангистов.

Умер поэт, чьи стихи стали для патриотов Палестины боевым знаменем и оружием.

Он родился в 1928 году в городе Газе. Когда ему исполнилось двадцать лет, большую часть его соотечественников постигла страшная участь изгнанников, беженцев, мучеников.

Поэтический голос Муина Бсису, обращенный к Палестине, гневный и страстный, зазвучал в начале 50-х годов.

Родина! Родина!
Ты не со мною.
Лоб мой —
точильный камень:
мерно скользят ножи.
Слезы иссякли,
веки залеплены мглою.

Первый сборник поэта, «Письма», был переиздан шесть раз. Международное признание завоевали его книги стихов «Распятая Иордания», «Палестина в сердце», «Деревья умирают стоя», «Египетская плотина», «Я пришел, чтобы назвать твое имя», «Стихи на оконном стекле». М. Бсису по праву считается одним из самых талантливых мастеров революционно-демократической арабской поэзии XX века.

Он умел быть и тонким, проникновенным лириком. Мужественные и честные стихи М. Бсису — это всегда идущее из сердца слово об угнетении и свободе, о любви и ненависти, о высоком смысле жизни и человеческом братстве. Интернационалист и патриот, стойкий защитник попранных прав арабского народа Палестины, поэт много сил отдавал движению писателей стран Азии и Африки, являлся заместителем главного редактора журнала «Лотос».

В Советском Союзе хорошо знали и любили этого отважного, красивого человека. Он был верным другом нашей страны, другом «Огонька», на страницах которого не раз печатались его произведения.

Муин Бсису часто бывал у нас в редакции, и мы с неизменным восхищением и чувством глубокого уважения слушали яркие рассказы поэта о том, как живут и борются палестинцы, с которыми он разделял все тяготы и опасности.

А как Бсису читал свои стихи! Он удивительно доносил до слушателей каждое слово, буквально завораживая зал.

Муин Бсису был настоящий поэт и верил, что арабский народ Палестины выстоит и победит, что его многострадальная родина обретет наконец долгожданный мир и счастье.

Таким несгибаемым бойцом, полным веры в светлое будущее и поэтического огня, запомнился он всем, кто с ним встречался. Таким навсегда останется он в благодарной памяти палестинского народа и всех народов мира, всех, кто активно борется за свободу Палестины и единство арабских народов.

ОГОНЬКОВЦЫ

25 ЯНВАРЯ СОВЕТУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ ИСПОЛНИЛОСЬ 35 ЛЕТ

НОВЫЕ ГОРИ В ТЕ

Владимир КОВАЛЕВ

Слово «робот» впервые произнесли актеры одного из пражских театров шестьдесят с лишним лет назад, играя пьесу Карела Чапека «Р.У.Р.». А «подсказал» это слово чешскому писателю-фантасту родной брат Йозеф, когда потребовалось как-то обозначить оживших кукол — персонажей не совсем обычного произведения. В пьесе Чапека действовали человекоподобные механизмы, их делали для того, чтобы заменить живых людей на заводах и фабриках. В конце концов сценические «андроиды» взбунтовались и, будучи умнее и сильнее людей, начали уничтожать своих создателей...

Тем не менее идея перенести тяжелый, монотонный ручной труд на плечи машин оказалась столь созвучной времени, что термин «робот» с легкой руки Чапека перекочевал во многие языки мира, а затем прочно закрепился в международном научно-техническом лексиконе.

Но понадобились десятилетия, прежде чем газеты и журналы запестрели наконец сообщениями о триумфальном шествии механических помощников человека по планете. В странах Совета Экономической Взаимопомощи количество роботов исчисляется к настоящему времени многими тысячами. Кривая их численности стремительно взлетает вверх: к 1990 году ожидается увеличение совокупного парка роботов в социалистических странах до 200 тысяч штук. Ныне не найдется промышленно развитого государства, как малого, так и большого, которое не возлагало бы на роботов определенных надежд и чаяний.

Будем, однако, реалистами. Промышленность освоила массовое производство роботов только первого поколения, то есть не снабженных средствами очувствления и поэтому неотступно следующих жесткой программе. Все мы мечтаем об идеале, хотя и понимаем: до него далеко,— рассказывали мне специалисты научно-производственного комбината по робототехнике (НПКР) из болгарского города Стара-Загора. На прошлогодней выставке «Автоматизация-83», проходившей в московском парке Сокольники, специалисты НПКР «Берое» демонстрировали свою продукцию — робота-маляра «РБ-211» и «двурукого» подвижного робота «РБ-112», умеющего перенести деталь из ящика к станку, сменить инструмент, а после обработки детали отправить ее дальше по конвейеру.

— Что же такое, по-вашему, идеальный робот?— задал я вопрос конструкторам из Стара-Загоры.

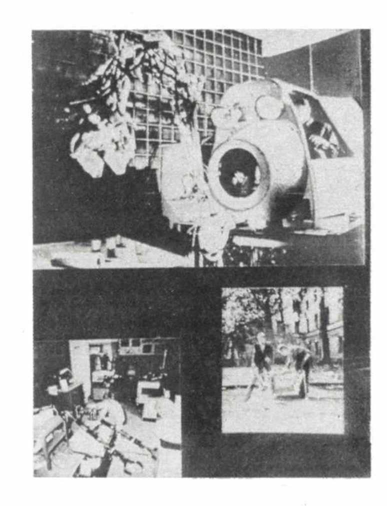
— Максимально к нему приблизятся лишь роботы третьего поколения, обладающие элементами искусственного интеллекта. Они смогут самостоятельно, без вмешательства человека планировать свое поведение, вести для этого поиск и принимать оптимальное решение.

Не без гордости болгарские друзья рассказали мне о сотрудничестве с московским экспериментальным НИИ металлорежущих станков, который в свое время стоял у колыбели комбината «Берое». Об эффективности такого сотрудничества говорят факты: болгарские промышленные роботы успешно «трудятся» на линиях Камского автозавода; совместно создан и испытан в Харькове новый робот — для обслуживания агрегатных станков; болгарская сторона взялась за разработку промышленных роботов для производства нового зерноуборочного комбайна «Дон».

В текущей пятилетке на чехословацких предприятиях получат «прописку» четыре тысячи роботов 18 типов. Многие из них созданы совместными усилиями инженеров и конструкторов двух стран — СССР и ЧССР. Таков робот «УМ-160», серийно выпускаемый по советской документации в стенах научно-производственного объединения «ВУКОВ» в городе Прешов. Советскими системами компьютерного управления будут оснащены роботы для станкостроительного завода в Тренчине. Опытные образцы таких роботов, которым предстоит заменить рабочих у металлорежущих станков, кузнечно-прессовых и литейных агрегатов, способны легко управляться с деталями весом до 160 килограммов!

— И если бы только речь шла о создании единичных образцов! Совместными силами конструктируются и недалек тот день, когда дадут первую продукцию целые автоматизированные цехи, заводы,— рассказал директор управления по машиностроению и металлургии Федерального министерства по развитию техники и капитального строительства ЧССР Иржи Одварко, с которым мы встретились недавно в Москве на одном из совещаний в Совете Экономической Взаимопомощи.— А говорю я об этом еще и потому, что установка одного-двух роботов неэффективна. Только ро-

ЗОНТЫ
ХНИКЕ

ботизированные комплексы действительно значительно повысят производительность труда. Будущее за заводами-автоматами...

Роботы второй половины XX столетия бесконечно усложняются, снабжаются более совершенными «мозгами» на базе малогабаритных, быстродействующих ЭВМ. Словом, эволюционируют.

...В лаборатории Центрального научно-исследовательского института робототехники и технической кибернетики (ЦНИИ РТК) в Ленинграде мое внимание привлек робот, играющий в... кубики. Не реагируя на окруживших его тесным кольцом людей в белых халатах, машина самозабвенно копалась своей механической «рукой» в груде синих, желтых, красных деревяшек. Довольно быстро был отобран одинаковый по цвету «строительный материал» и возведена пирамидка. Заморгал фиолетовый «глаз»: «Работа выполнена!»

— Мы их называем очувствленными роботами второго поколения. В самом ближайшем будущем они смело включатся в производство,— пояснил директор института профессор Е. И. Юревич.— Они смогут в груде деталей рассмотреть и выбрать нужную, правильно сориентироваться в пространстве. Экспериментальные их образцы уже научились понимать некоторые слова-команды оператора и самостоятельно выбирать лучший вариант из двух-трех предложенных. При создании такой «умной» техники приходится решать подчас сложнейшие инженерные задачи. Сегодняшний день робототехники носит комплексный межотраслевой характер. Поэтому многие результаты дня завтрашнего можно получить гораздо быстрее и качественнее, опираясь на социалистическую интеграцию и разделение труда.

Генеральный конструктор Юревич возглавляет Совет главных конструкторов по промышленной робототехнике, учрежденный в рамках СЭВ. В него входят представители восьми социалистических стран, подписавших в ходе XXXVI заседания сессии СЭВ в Будапеште Генеральное соглашение о многостороннем сотрудничестве по разработке и организации специализированного и кооперированного производства промышленных роботов.

— Евгений Иванович, каковы главные задачи Совета?

— Генеральное соглашение, подписанное братскими странами два года назад, предусматривает осуществление обширного комплекса мероприятий по созданию и налаживанию выпуска различных по конструкции и назначению промышленных роботов. Наш Совет, в частности, занимается выработкой концепции развития робототехники в странах—членах СЭВ, выяснением потребностей этих стран в средствах робототехники, определением к ним единых требований.

К числу первостепенных вопросов относятся унификация и стандартизация робототехники. Предстоит разработать стандарты СЭВ в этой области. Поскольку за основу взят модульный принцип конструирования, из сравнительно небольшого числа деталей можно будет собирать разные типы роботов. Уже разработано свыше пятидесяти таких типов.

Второй важный вопрос — организация международного разделения труда. Болгария, к примеру, может поставлять для производства роботов электродвигатели. Венгрия собрала ценные результаты по созданию технических органов «чувств» — зрения, слуха, осязания. Хороший опыт накоплен братской Польшей по части производства сложных, универсальных промышленных роботов, снабженных электроприводом. На комбинате «Роботрон» в ГДР разработано оригинальное устройство для управления голосом: невидимый «собеседник» понимает от 50 до 100 слов и вполне годится для управления роботами.

...В пьесе Чапека, о которой говорилось вначале, роботы из помощника человека становятся его врагами. И сейчас в мире наживы противоречия между роботом и человеком накаляются. Вот что пишет французский журнал «Монд дипломатик» о последствиях развития робототехники: «Она не способна решить ни одну из актуальных социальных проблем. Возможно даже, что быстро ли, медленно ли это приведет к еще большему обострению нынешних социальных противоречий, даже если роботы действительно позволят избавить человека от некоторых малоприятных занятий».

В странах социализма роботы — добрые помощники человека труда. Новая интеграционная программа, которая осуществляется ныне странами—членами СЭВ, становится важным фактором экономического и социального развития, умножает силу содружества и выводит научно-технический прогресс к новым горизонтам.

КРОССВОРД

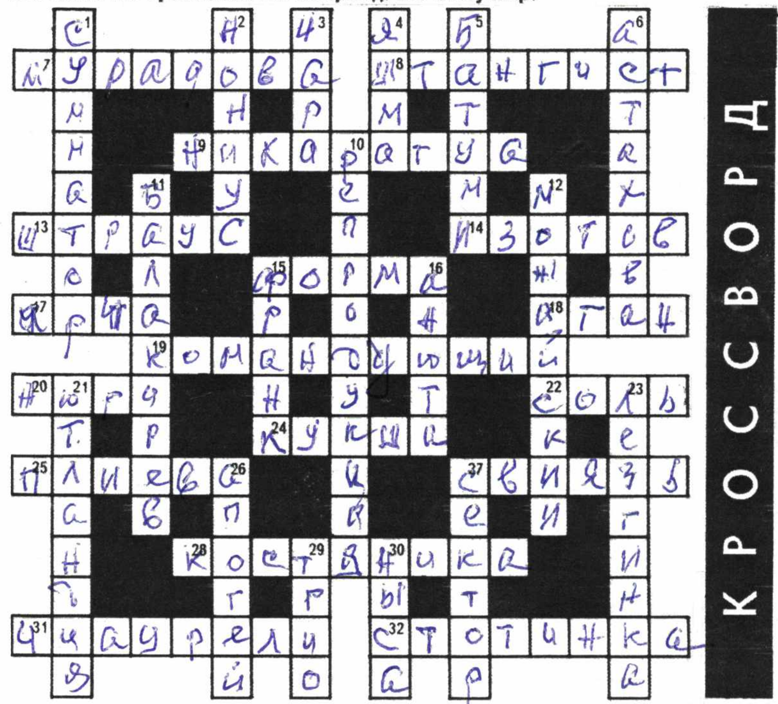
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Туркменская актриса, народная артистка СССР. 8. Спортсмен, тяжелоатлет. 9. Государство в Центральной Америке. 13. Австрийский композитор, автор вальсов. 14. Шахтер Донбасса, новатор в угольной промышленности. 15. Приспособление в литейном производстве. 17. Среднеазиатский можжевельник. 18. Река в Западной Сибири. 19. Начальник крупного войскового соединения. 20. Коллегия специалистов, присуждающая премии, награды на конкурсах, состязаниях. 22. Химическое соединение. 24. Птица, обитающая в хвойных лесах. 25. Народная поэтесса Дагестана. 27. Дикая утка. 28. Лесная ягода. 31. Кинорежиссер и драматург, народный артист СССР. 32. Болгарская монета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Основной узел арифметического устройства вычислительной машины. 2. Вспомогательная шкала измерительного прибора. 3. Река в Восточной Сибири. 4. Горная порода, декоративный и поделочный камень. 5. Столица автономной советской республики. 6. Героиня романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 10. Воспроизведение картин полиграфическими средствами. 11. Композитор, глава «Могучей кучки». 12. Русский изобретатель в области воздухоплавания. 15. Денежная единица некоторых зарубежных государств. 16. Рассказ А. П. Чехова. 21. Полуостров между Балтийским и Северным морями. 23. Танец народов Кавказа. 26. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны, искусственного спутника. 27. Часть круга. 29. Музыкальный ансамбль. 30. Город в Польше.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Паровоз». 5. Диагональ. 9. Барокко. 12. Памфлет. 13. Атбасар. 14. Патиссон. 16. Флотилия. 18. Стерлядь. 20. Арсеньев. 23. Статика. 25. «Свисток». 26. Антонио. 27. Партитура. 28. Никитин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Салават. 2. Горохова. 3. Лопатка. 6. Рефрижератор. 7. Стабильность. 8. Хара. 9. Бессемянка. 10. «Отрочество». 11. Сани. 14. Плес. 15. «Ночь». 16. Фара. 17. Яков. 19. Титр. 21. Енот. 22. Тропинин. 24. Анероид. 25. Симушир.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Второй год работает в Новгороде экспериментальная средняя школа № 8, в которой учатся ребята с 6-летнего возраста.

На снимке: Во время занятий.

Фото А. ОВЧИННИКОВА (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кадр из полнометражного научно-популярного фильма «Человек и робот», снятого на студии «Леннаучфильм» * В одной из лабораторий Центрального НИИ робототехники и технической кибернетики. * Робота вывели «на прогулку». (См. в номере статью «Новые горизонты в технике».)

Фото Фолькмара БИЛЛЕБА (ГДР)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 16.01.84. Подписано к печати 31.01.84. А 00314. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 607. Заказ № 1998.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

...Передо мной явилась ты. Фото В. ШОХИНА
Горький.

В плену искусства.

О чем расскажет прялка!

Фото В. МЕНЬШУТИНА
Ленинград.

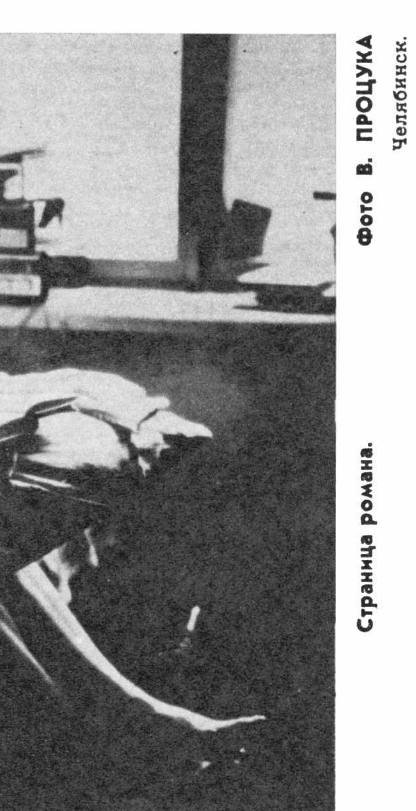

Одна нота на двоих.
Фото М. БАРАНАУСКАСА
Вильнюс.

Фото В. ЛЕСНОГО
Ворошиловград.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Страница романа.
Фото В. ПРОЦУКА
Челябинск.

В тундре летная погода.
Фото И. САПОЖКОВА
Москва.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

